

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 2 (16)

Сыктывкар 2015

ISSN 2304–5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2015. № 2 (16).

Основан в 2008 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционная коллегия

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Н.М. Игнатова (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), Е.Н. Рожкин (Сыктывкар), Т.С. Садыков (Астана), В.А. Семенов (Сыктывкар), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа:

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар)

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проекты «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике», «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)», «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)».

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2015

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), факс (8212)245564

E-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), ignatova.hist@mail.komisc.ru (отв. секретарь, рук. редакционно-издательской группы).

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Чагин Г.Н. (Пермь). Размещение и численность населения в Пермской вотчине Строгановых во второй половине XVI – начале XVIII века	4
Тихомиров С.А. (Вологда). Герой своего времени: Иван Кусков – человек из русской эпохи географических открытий (Происхождение или деятельность в Сибири)	12
Дмитренко В.А. (Полтава, Украина). Особенности фиксации возраста в исповедных росписях второй половины XVIII века на территории Пирятинской протопопии Киевской епархии	20
Попов С.А. (Сыктывкар). Численность и гендерный состав участников крестьянских сходов Вологодской губернии (вторая половина XIX века)	23
Цилибина Т.В. (Коряжма). Численность и условия пребывания заключенных в исправительно-трудовых колониях НКВД–МВД Коми АССР в годы Великой Отечественной войны	29
Бубличенко В.Н. (Ухта). Численность беспризорных на Европейском Севере России в 1940-е годы	35
Морозов Н.А. (Сыктывкар). История социально-демографического развития Воркуты	39
Юркина Г.А. (Сыктывкар). Материалы переписи 1970 года о национальном составе занятого населения Коми АССР	45

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ. МЕТОДОЛОГИЯ

Краева Н.В. (Сыктывкар). Материалы по демографической истории России конца XIX – начала XX века в собрании Национального музея Республики Коми	49
---	----

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

Мацук А.М., Мацук М.А. (Сыктывкар). Нижневычегодские волости Коми края в начале XVIII века	54
Переписная книга Яренского уезда 1710 года	56

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Дашинамжилов О.Б. (Новосибирск). «Проблемы исторической демографии Сибири». Сборники научных статей	82
Рожкин Е.Н. (Сыктывкар). Исследователи народов и культур Евразии	83
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»	85

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 94 : 314.122(470.53)"15/17"

*Г.Н. Чагин**

Размещение и численность населения в Пермской вотчине Строгановых во второй половине XVI – начале XVIII века

В статье представлены показатели по количеству поселений Пермского края в XVI–XVII вв., рассматриваются численность и состав населения, даны демографические характеристики крестьянских семей по переписи 1711 г.

Ключевые слова: Пермь, население, заселение, поселения, крестьянская семья.

G.N. Chagin

Distribution and population in the Perm ancestral lands of the Stroganovs in the second half of XVI – beginning of XVIII century

The indicators on quantity of settlements of the Perm region in XVI–XVII centuries are presented, number and population structure is considered, demographic characteristics of peasant families according to 1711 census are given.

Key words: Perm, population, settling, settlements, a peasant family.

Родовое гнездо известной фамильной династии Строгановых находилось на Русском Севере, в г. Сольвычегодске, где свой капитал они начали создавать на солеварении. Бурную деятельность развернул Аника Федорович Строганов (1497–1569). Успешно развивались солеварение, лесные промыслы, торговля. Аника Строганов был крупным закупщиком хлеба на Русском Севере и вел большую торговлю. Три его сына – Яков, Григорий и Семен – сохраняли и приумножали богатство своего родителя, переняв его энергию и предприимчивость. На их долю выпало освоение земель верхней Камы, которые они получили во второй половине XVI в. по жалованным грамотам царя Ивана IV в качестве дополнения к прежним владениям [1].

В 1558 г. Строгановы основали первый на Каме укрепленный городок Канкор (при устье р. Пыскорки), в 1558–1560 гг. – Пыскорский Спасо-Преображенский монастырь, а в 1564 г. при устье р. Яйвы – центр всей вотчины, слободу Орёл-городок. К истокам Яйвы подходила дорога из Сибирского ханства, откуда и шли разорительные набеги. Татары сплавились по Яйве и уничтожали, прежде всего, соляные варницы. Для обороны Орла-городка в низовьях Яйвы, при впадении реки Усолки, в 1570 г. Строгановы построили Яйвинский острожек. На землях по р. Чусовой, переданных Якову Строганову, возникли опорные пункты – Нижне-Чусовская слобода с острогом в 1568 г., Сылвенская слобода с острогом в 1570 г.

Во время переписи Перми Великой Иваном Яхонтовым в 1579 г. границы вотчины Строгановых простирались по обоим берегам Камы от устья р. Лысьвы (севернее Пыскорского монастыря) до устья р. Ласьвы (ниже впадения р. Чусовой), включая обширные земли в низовьях рек Чусовой и Сылвы. Всего в имении Строгановых в 1579 г. было четыре слободы и 39 крестьянских поселений: по Каме – слобода Орел-городок с тремя деревнями и четырьмя починками, по Яйве – слобода Яйва с тремя починками, по Сылве – слобода Сылвенская с тремя деревнями и пятью починками, по Чусовой слобода Нижне-Чусовская с пятью деревнями и 16 починками. В них насчитывалось 352 двора с населением 406 чел. мужского пола [2].

* **Чагин Георгий Николаевич** (Пермь) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета, g-chagin@yandex.ru.

В 1597 г. владения Строгановых расширились благодаря царскому пожалованию южных земель по Каме до впадения р. Ошاپ и р. Очёр. В устье р. Очёр был выстроен Очёрский острожек. В 1615 г. южные владения увеличились по царской грамоте за счет включения земель вниз по Каме до впадения р. Тулвы. В 1606 г. на верхней Каме возникает новый административный и хозяйственно-культурный центр вотчины Строгановых – слобода Новое Усолье (с 1918 г. – г. Усолье). В новых границах вотчина Строгановых была переписана Михаилом Кайсаровым в 1624 г. Она имела более 5,6 тыс. десятин освоенных земель, где располагалось девять слобод, 72 деревни, 60 починок. Численность дворов достигла 1032, а жителей – 1485 чел. мужского пола.

Интенсивно осваивалась вотчина Строгановых в середине XVII в. По переписи Ф. Бельского в 1678 г., она делилась на шесть округов (Орловский, Яйвинский, Нижне-Чусовской, Верхне-Чусовской, Сылвенский, Очёрский) и три вотчины (Слудская, Верхне-Муллинская, Кишертская). В них было три городка – Орёл-городок, Нижне-Чусовской, Верхне-Чусовской, четыре острожка – Яйвенский, Сылвенский, Очёрский, Кишертский, одна слобода – Новое Усолье, восемь сел, два сельца, 176 деревень, 153 починок, в которых насчитывалось 2855 дворов и 9462 чел. мужского пола [3].

В Строгановской вотчине, имевшей трех владельцев, переписью 1678 г. зарегистрировано 257 пришлых крестьян. Местами своего выхода они называли следующие: 51 чел. (19,8%) – Сольвычегодск, 33 (12,8) – Вятку, 28 (10,9) – Великий Устюг, 24 (9,3) – Чердынь, 20 (7,8) – Соликамск, 16 (6,2) – Яренск, 13 (5,0) – Двину, 12 (4,7) – Вагу, девять (3,5) – Кайгородок, пять (1,9) – Вологду, четыре (1,5) – Юрьевец-Поволжский, три (1,2) – Сибирь, по два – Ярославль, Ростов, Ветлугу, Новгород, Галич, Пинегу, Казань, Сарапул, по одному – Балахну, Каргополь, Москву, Уфу, Осу, Унжу, Уржум, два человека места выхода не указали [4]. Приведенные сведения показывают, что среди пришлых людей преобладали уроженцы поморских уездов и посадов. Их доля составляла 85,2% (219 чел.) [5].

Значительные успехи в расширении территории и заселении вотчины добился Г.Д. Строганов (1656–1715), ставший с 1688 г. единоличным владельцем всего пермского имения. По царской грамоте 1685 г. он получил право оброчного владения землей по р. Весляне (левый приток в северной излучине Камы). В 1688 г. ему были пожалованы новые земли по р. Яйве, в 1694 г. дана жалованная грамота на владение землей по р. Лолог (приток Камы) в Чердынском уезде. В 1697 г. Г.Д. Строганову перешли Лёнвенские и Зырянские промыслы. Обратимся к уникальному источнику – переписи 1711 г., которая учла состояние вотчины Строгановых после того, как в 1702 г. по указу Петра I она расширилась за счет переданных Г.Д. Строганову земель трех бассейнов – Иньвенского, Обвинского и Косьвинского.

Перепись сохранилась в трех списках [6]. Один из списков представляет собой начало переписи в отрывке [7]. Остальные два списка наиболее полные, в чем-то друг друга дополняют. К сожалению, оба они без окончания переписи. Несмотря на отмеченные недостатки, источники выглядят репрезентативными.

Таблица 1

Поселения Строгановской вотчины по переписи 1711 г. (по спискам в архивном деле № 1497, 2175)

Погост, село, городок	Деревни	Починок	Пустые деревни, починок
Зырянка, с.	2	16	–
Верегия, с.	–	–	–
Новое Усолье, с.	–	–	–
Орел-городок	8	1	–
Никулино, с.	3	6	–
Погост на Косьве	19	2	–
Яйва, с.	4	9	5 поч.
Преображенское, с., что была деревня Усть-Косьва на р. Каме	–	4	–
Слутка, с.	9	10	–
Ильинский погост на р. Обве	29	37	–
Сретенский, погост	15	10	3 поч.
Георгиевский погост, что была деревня Кривец	16	12	3 поч.
Рождественский погост на р. Обве	12	5	1 дер., 3 поч.
Воскресенский погост на р. Нердве	7	33	12 поч.
Георгиевский погост, что была деревня Юрич	10	16	2 поч.
Карагай, с.	21	5	–
Зукай, погост	4	18	5 поч.
Никольский погост на р. Обве, что был починок Кизьва	4	18	5 поч.

Погост, село, городок	Деревни	Починки	Пустые деревни, починки
Майкор, погост	5	4	3 поч.
Кыласовской, погост	1	–	–
Купрос, погост	12	18	1 дер., 5 поч.
Кудымкар, погост	11	11	–
Георгиевский погост, что была деревня Нижняя Юсьва	11	4	1 дер., 4 поч.
Богородицкий погост над Кудвой речкой, что была деревня Утева	6	6	1 дер.
Никольский Большой погост на речке Ёгве, что была деревня Занимова	1	5	2 поч.
Нижний Чусовской городок	10	10	4 дер., 2 поч.
Чусовской Верхний городок	20	9	1 поч.
Камасино, с.	6	1	–
Насатка, с.	1	1	1 поч.
Полазна, с.	2	6	1 дер.
Соловецкая пустынь Оханского монастыря	1	2	–
Верхние Муллы, погост	11	1	–
Нижние Муллы, погост	3	13	–
Очёрский острожек	10	2	–
Беляевка, с.	–	–	–
Сылвенской Троицкой острожек	16	5	–
Серга, с.	6	1	–
Кишерть, с.	6	2	–
Таборы, с.	5	3	–
Калино, с.	8	4	–
Успенский монастырь на Чусовой	10	20	–
Романово, с.	4	1	–
Булатово, с.	1	–	–
Ростёс, с.	3	1	–
Пыскорский Преображенский монастырь	7	3	–
Васильевской, погост	4	6	–
Лёнва, с.	–	–	–
<i>Всего:</i>	<i>344</i>	<i>341</i>	<i>65</i>

Всего перепись учла 734 населенных пунктов (табл. 1). Центрами территориальных гнезд расселения были три городка (Орёл-городок, Нижний Чусовской, Чусовой Верхней), два острожка (Сылвенской Троицкой, Очёрский), три монастыря (Пыскорский, Успенский на р. Чусовой, Успенский на р. Обве), две пустыни (Богородицкая на р. Шерье, Соловецкая Оханская пустынь на р. Каме), 19 погостов, 18 сел.

В гнездах расселения находились 344 деревни, 341 починок. Помимо этого, перепись 1711 г. учла 65 «пустых» поселений: девять деревень и 57 починок. Наибольшее число заброшенных поселений пришлось на бассейн Обвы (табл. 1). Крестьяне уходили в другие поселения Строгановской вотчины или же в Сибирь.

Табл. 1 наглядно показывает территории Строгановской вотчины, в которых было наибольшее число поселений. Ими являлись погосты бассейна р. Обва – Ильинский (29 деревень и 37 починок), Воскресенский (семь деревень, 33 починок), Сретенский (15 деревень, 10 починок), Георгиевский, что была деревня Кривец, (16 деревень, 12 починок), Георгиевский, что была деревня Юрич (10 деревень, 16 починок), Никольский (четыре деревни, 18 починок), Карагай (21 деревня, пять починок), Зукай (четыре деревни, 18 починок), погост на Косьве (19 деревень, два починок).

По р. Иньве наибольшее число поселений было в погостах Купрос (12 деревень, 18 починок), Кудымкар (11 деревень, 11 починок), Богородицкий (шесть деревень, шесть починок). По р. Чусовой успешно были заселены территории возле городков Верхний Чусовской (20 деревень, девять починок), Нижний Чусовской (10 деревень, 10 починок), а также по Сылве – притоку Чусовой – Сылвенского Троицкого острожка (16 деревень, пять починок). По высокому показателю заселенности особенно выделялась территория по р. Чусовой, принадлежавшая Успенскому монастырю (10 деревень, 20 починок).

Типология поселений Строгановской вотчины имела сложную структуру. Наряду с деревнями и починокми были городки, острожки, погосты, села, за которыми закреплялись административные функции. Город-

ки и острожки были изначальными типами поселений Строгановых. Погосты имели повсеместное распространение по Пермскому Прикамью и в целом на Европейском Севере. Село как тип поселений признается на земле славян более древним, чем деревня [8]. В Древней Руси возникновение его относят ко времени формирования поместного землевладения. Селом называли место, где находился центр поместий (вотчин) [9]. На Среднем Урале села преимущественно насаждались взамен погостов и слобод и ничего общего не имели с характером ранних сел тех мест, где получило распространение поместное землевладение (центральная часть Европейской России).

В переписи 1711 г. важными являются количественные показатели деревень и починков и их соотношение друг к другу. Деревни и починки обладали не только общими, но и различными чертами. Починки, внесенные в перепись, появились незадолго до ее проведения. Они были небольшими по числу дворов и пребывали еще на стадии основания. Почти равное количество деревень (344) и починков (341) свидетельствует об активном процессе освоения новых мест крестьянами. То есть перепись проводилась в условиях активного освоения земельного фонда Строгановской вотчины. Тщательная регистрация починков объяснялась тенденцией перехода починков в деревни. В этом случае починочные земли включались в общий фонд крестьянской общины [10].

Еще отметим такие наблюдения. В подчинении некоторых погостов и сёл число починков преобладало над числом деревень. Такое состояние поселений говорит об интенсивности освоения территорий погостов Ильинского, Воскресенского на р. Нердва, Никольского на р. Обва, а также погостов Зукайки, Купроса, Нижних Муллов, Успенского монастыря на р. Чусовой. Но были территории, в которых преобладали деревни над починками. Это погост на р. Косьва (19 деревень, два починка), Рождественский погост на р. Обва (12 деревень, пять починков), погост Карагай (21 деревень, пять починков), Чусовской Верхний городок (20 деревень, девять починков), острожки Очёрский (10 деревень, два починка), Сылвенский (16 деревень, пять починков) (табл. 1). Преобладание деревень над починками свидетельствует о давности заселения крестьянами данной территории, к тому же и хорошо освоенной. Деревня выглядела более стабильным поселением. Кстати, повторим установленный показатель: из 65 заброшенных поселений деревень было девять (табл. 1).

Материалы переписи дают возможность ответить на важный вопрос: «Из кого состояло население Строгановской вотчины на момент проведения переписи в 1711 г.?» Значительная часть населения являлась потомками уже давно сложившихся поколений крестьян – до 80% общего числа. Согласно переписи, 20% крестьян – это выходцы из разных территорий, не входящих в состав вотчины. В переписи указаны места выхода таких крестьян, а также и время их поселения в том или ином поселении.

Администрация вотчины по-прежнему, как в XVII в., принимала крестьян из Соли Вычегодского уезда, т. е. из древней части строгановской вотчины, а также из северо-двинских уездов – Важского, Вологодского, Каргопольского, Устюжского. Прибывали крестьяне из Поволжья – Балахонского и Казанского уездов, Нижегородского городка. Это могли быть крестьяне Строгановых, поскольку в указанных уездах они имели земельные владения. Строгановская вотчина оставалась прибежищем государственных крестьян Чердынского и Соликамского уездов. Но доля таких в общем составе населения не превышала 5%.

При чтении переписи 1711 г. бросается в глаза подвижность населения в пределах Строгановской вотчины. Постоянно крестьяне переселялись в крупные населенные пункты, ближе к солеваренным центрам, а также в монастыри Пыскорский на р. Каме и Успенский на р. Чусовой. По переписи населения 1711 г. в Строгановской вотчине проживало крестьян 46851 чел. (обоих полов). Всех дворов, включая и запущенных на момент переписи, было 4827 (табл. 2). В среднем в одном дворе проживало 10,3 чел. Показатель данный достаточно высокий. Если соотнести количество дворов (4827) с общим числом поселений (802), то получается в среднем, что в одном поселении насчитывалось по шесть дворов.

Самыми крупными по численности дворов были территории с административными центрами Ильинский погост (3198 чел.), Чусовской Верхний городок (3030 чел.), погост Верхние Муллы (2783 чел.), Нижний Чусовской городок (2422 чел.), село Зырянка (2374 чел.), Очёрский острожек (1961 чел.), погост Нижние Муллы (1780 чел.), Успенский монастырь на р. Чусовой (1395 чел.), село Калино (1380 чел.) (табл. 2).

В переписи 1711 г. встречаются сведения о солеваренных центрах. Ими являлись села Веретия, Зырянка, Чусовские городки. В них действовало 56 варниц. Помимо этого, 24 варницы были учтены как «пустые». О самом крупном солеваренном центре в с. Новое Усолье автор переписи сказал так: «*Да в Верхнем и в Нижнем в варниных промыслах на варе 27 варниц да пустых 15 варниц*» [11].

Дворы крестьян и численность населения в Строгановской вотчине по переписи 1711 г.
(по спискам в архивном деле № 1497, 2175)

Поселения	Дворы и люди					
	Крестьянские, бобыльские, вдовьи		Пустые		Всего в вотчине	
	Дворы, избы	Чел.	Дворы	Чел.	Дворы	Чел.
Зырянка, с.	242	2209	39	9	297	2374
Веретия, с.	88	205	54	169	169	450
Новое Усолье, с.	58	367	82	11	149	548
Орел-городок	76	851	39	58	134	1131
Никулино, с.	30	583	17	1	52	619
Погост на Косьве	69	613	–	–	73	666
Яйва, с.	38	565	47	2	91	734
Преображенское, с., что была деревня Усть-Косьва на Каме	19	327	6	–	31	379
Слутка, с.	79	1007	20	21	106	1124
Ильинский погост на р. Обве	188	3113	108	50	302	3198
Сретенский погост	56	1086	38	65	96	1175
Георгиевский погост, что была деревня Кривец	55	601	43	5	103	630
Рождественский погост на р. Обве	72	832	54	15	134	942
Воскресенский погост на р. Нердве	84	1050	14	35	102	1111
Георгиевский погост, что была деревня Юрич	68	962	10	30	80	1015
Карагай, с.	31	389	8	38	43	467
Зукай, с.	57	640	13	19	74	681
Николаевский погост на р. Обве, что был починок Кизьва	54	801	21	9	80	859
Майкор, погост	56	454	19	16	80	497
Кыласовский погост на р. Иньва	48	464	8	–	60	493
Купрос, погост	88	817	45	33	137	875
Кудымкар, погост	76	756	39	55	121	876
Георгиевский погост, что была деревня Нижняя Юсьва	46	475	26	18	76	522
Богородицкий погост над Кудвой речкой, что была деревня Утева	39	219	35	29	78	275
Никольский Большой погост на речке Ёгве, что была деревня Занимова	24	147	10	27	38	200
Нижний Чусовской городок	133	2108	47	39	189	2422
Чусовской Верхний городок	184	2671	85	32	280	3030
Камасино, с.	40	630	16	–	58	636
Полазное, с.	56	934	12	8	72	1008
Насатка, с.	26	396	2	3	31	445
Верхние Муллы, погост	158	2696	15	32	180	2783
Нижние Муллы, погост	95	1691	21	8	123	1780
Очёрский острожек	120	1871	43	6	169	1961
Беляевкая, с.	17	200	3	1	24	226
Сылвенской Троицкой острожека	163	3085	46	31	214	3160
Серга, с.	60	970	40	56	105	1122
Кишерть, с.	51	1015	25	20	82	1077
Таборы, с.	52	852	17	12	73	886
Калино, с.	82	1295	20	36	107	1380
Соловецкая пустынь Оханского монастыря	18	224	11	8	31	249
Успенский монастырь на р. Чусовой	74	1326	20	50	96	1395
Пыскорский монастырь на берегу Камы	35	87	–	–	42	137
Богородицкая пустынь над Шерью-речкой	5	17	–	–	5	27
Успенский монастырь на р. Обве	2	8	–	–	3	17
Васильевский погост, что прежде была деревня Кокшарова	20	128	20	121	42	260

Поселения	Дворы и люди					
	Крестьянские, бобыльские, вдовьи		Пустые		Всего в вотчине	
	Дворы, избы	Чел.	Дворы	Чел.	Дворы	Чел.
Растёс, с.	20	249	20	55	42	322
Романово, с.	40	299	21	89	69	429
Булатово, с.	9	62	3	11	13	80
Лёнва, с.	46	108	24	63	71	178
<i>Всего:</i>	<i>3247</i>	<i>3964</i>	<i>1306</i>	<i>1331</i>	<i>4827</i>	<i>46851</i>

Как показывают материалы переписи 1711 г., в Строгановской вотчине были распространены крестьянские семьи из 4–8 чел., составлявшие по нашим подсчетам 64% от общего числа семей. Эти семьи, как правило, были двухпоколенными. Но были семьи в три и четыре поколения (23% от общего числа семей). Наряду с ними сохранялись сложные, порой братские семьи, в которых вместе жили и вели общее хозяйство – в одном дворе – родители, их дети, у детей свои дети, порой вместе и семейные братья (отсюда название таких семей – братские). Доля таких семей в общем показателе семей составляла 17%.

Для наглядности высказанных наблюдений приведем описания семей из переписи 1711 г. В д. Сёла, подчиненной Нижнему Чусовскому городку, «во дворе Федор Иванов сын Воеводин 63 лет, у него жена... да зять Иван Григорьев сын Голубцов 40 лет, у него жена... Иван уроженец вотчины ево ж имянитого человека деревни Андрюковой, крестьянской сын у Федора живет с 202-го году, Федор Воеводин живет во дворе отца своего Ивана Афонасьева сына Воеводина с детьми с Прокофьем и Иваном Большим и Гаврилом да Иваном Меньшим и Юрьем и Прокофьевым сыном Иваном и Ивановым сыном Никифором и Федоровых детей Андрея и Никиты и во 189-м году отец ево Иван, а дети ево Прокофей во 195-м, а Иван Большой в 207-м, а Гаврило в 701-м, а Иван Меньшей в 205-м, а Прокофьев сын Иван в 206-м, а Иванов сын Никифор во 199-м годах померли, а Юрье в той же деревне живет двором, а Федоровы дети Андрей и Никита съехав, живут в вотчине имянитого человека на Сылве двором» [12].

В д. Шелыгина, подчиненной Чусовскому Верхнему городку, «во дворе Матфей 67 лет, Максим 55 лет, Максимовы дети Тархановы, у Матфея жена... да подворник Петр Дементьев сын Гавновкин 45 лет, у него жена... уроженец вотчины ево ж имянитого человека Чусовского Верхнего городка крестьянской сын на подворье живет с 706-го году, а что де в переписных книгах 186-го году написаны у них Матфея с братом брат родной Прокофей и дети ево Алексей да Иван, да подворники Клим да Терентей, да Петр Большой, да Петр Меньшей Андреевы дети Дьяковы, и в 709-м году Прокофей умре, а дети ево Алексей да Иван живут в вотчине ево ж имянитого человека на Сылве двором, а подворники Клим во 199-м, а Терентей в 201-м, а Петр Меньшей в 205-м годах померли, а Петр Большой в той же деревне живет двором» [13]. Заметим еще: в последнем примере семья имела «подворников», т. е. посторонних людей, которые работали в хозяйстве на условиях определенного заработка. Помимо крестьян, в вотчине Строгановых особые социальные категории составляли вотчинники и священники с причетниками (табл. 3).

Таблица 3

Дворы вотчинников, священников, церковнослужителей и численность населения в Строгановской вотчине по переписи 1711 г. (по спискам в архивном деле № 1497, 2175)

Поселения	Дворы и люди			
	Вотчинники		Священники, причетники	
	Дворы	Чел.	Дворы	Чел.
Зырянка, с.	3	83	13	73
Веретия, с.	17	48	6	28
Новое Усолье, с.	3	118	6	52
Орел-городок	3	132	16	90
Никулино, с.	1	7	4	28
Погост на Косьве	1	30	3	23
Яйва, с.	2	141	4	26
Преображенское, с., что была деревня Усть-Косьва на Каме	2	19	4	33
Слутка, с.	1	56	6	40
Ильинский погост на р. Обве	–	–	6	36
Сретенский погост	–	–	2	24

Поселения	Дворы и люди			
	Вотчинники		Священники, причетники	
	Дворы	Чел.	Дворы	Чел.
Георгиевский погост, что была д. Кривец	–	–	5	24
Рождественский погост на р. Обве	1	51	7	44
Воскресенский погост на р. Нердве	–	–	4	26
Георгиевский погост, что была деревня Юрич	–	–	2	23
Карагай, с.	–	–	4	40
Зукай, погост	–	–	4	22
Николаевский погост на р. Обве, что был починок Кизьва	–	–	5	49
Майкор, погост	–	–	5	27
Кыласовский погост на р. Иньве	–	–	4	29
Купрос, погост	–	–	4	25
Кудымкар, погост	1	20	5	42
Георгиевский погост, что была деревня Нижняя Юсьва	–	–	4	29
Богородицкий погост над Кудвой речкой, что была деревня Утева	–	–	4	27
Никольский Большой погост на речке Ёгве, что была деревня Занимова	–	–	4	26
Нижний Чусовской городок	2	223	7	52
Чусовской Верхний городок	4	261	7	66
Камасино, с.	1	2	1	4
Полазное, с.	2	38	2	28
Насатка, с.	1	22	2	24
Верхние Муллы, погост	1	9	6	46
Нижние Муллы, погост	1	12	6	69
Очерский острожек	1	27	5	57
Беляевка, с.	–	–	4	25
Сылвенской Троицкой острожек	1	20	4	24
Серга, с.	1	40	5	56
Кишерть, с.	1	14	3	28
Таборы, с.	1	4	3	18
Калино, с.	1	18	4	31
Соловецкая пустынь Оханского монастыря	–	–	2	17
Успенский монастырь на р. Чусовой	–	–	2	19
Пыскорский монастырь	2	13	5	37
Богородицкая пустынь над Шерью-речкой	–	–	1	10
Успенский монастырь на р. Обве	–	–	1	9
Васильевский погост, что прежде была деревня Кокшарова	–	–	2	11
Растес, с.	–	–	5	18
Романово, с.	–	–	8	41
Булатово, с.	–	–	1	7
<i>Всего:</i>	<i>39</i>	<i>1408</i>	<i>214</i>	<i>1583</i>

Если взглянуть на включенные в табл. 3 сведения, то заметим, что вотчинники проживали во всех крупных городках, острожках, селах – в 39 дворах 1408 чел. обою пола. По сути, это обстоятельство выделяло городки и села среди других поселений. Только в пяти погостах – по р. Косьве (Косьва), Обве (Рождественский), Иньве (Кудымкар), Мулянке (Верхние Муллы и Нижние Муллы) – проживали вотчинники. Здесь в пяти дворах насчитывалось 92 чел. (табл. 3). Священники и причетники проживали во всех поселениях вотчины Строгановых. Перепись 1711 г. учла их в 214 дворах 1583 чел. (табл. 3).

Таким образом, на большом фактическом материале мы имеем представление, как складывалась и заселялась в Пермском крае вотчина Строгановых с момента ее основания до начала XVIII в.

Источники и литература

1. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I. С. 332–341.
2. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 318. Л. 1, 3.
3. Там же. Л. 7.
4. *Чагин Г.Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века. Пермь, 1995. С. 38.
5. Там же.
6. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1497. Л. 1–1211 об.; Д. 2119. Л. 1–4; Д. 2175. Л. 1–580.
7. Там же. Д. 2119. Л. 1–4.
8. *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.; Л., 1939. Вып. 139. С. 12.
9. *Рабинович М.Г.* Поселения // Очерки русской культуры XVII в. М., 1972. Ч. I. С. 159.
10. *Чагин Г.Н.* Этнокультурная история... С. 128.
11. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1497. Л. 87 об.
12. Там же. Л. 684 об.
13. Там же. Л. 681 об.

С.А. Тихомиров*

**Герой своего времени:
Иван Кусков – человек из русской эпохи географических открытий
(Происхождение и деятельность в Сибири)**

Статья посвящена русскому путешественнику Ивану Кускову. Рассказывается о его происхождении и деятельности в Сибири и на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Иван Кусков, Тотьма, Сибирь, Русская Америка, географические открытия, генеалогия.

S.A. Tihomirov

The Hero of his time: Ivan Kuskov – a man from the Russian epoch of geographical discoveries. (The origin and activity in Siberia)

The paper is devoted to Ivan Kuskov, Russian traveler, his origin and activity in Siberia and the Far East.

Key words: Ivan Kuskov, Tot'ma, Siberia, Russian America, geographical discoveries, genealogy.

Проследивая биографии многих людей поколения конца XVIII – начала XIX в., понимаешь, что им, многим, жившим в российской провинции, принадлежавшим к небогатым купечеству, мещанству, городо-вым обывателям или крестьянству, не повезло с историями их личных судеб. Не нашлось на них историков и бытописателей их жизни. Да и источников к этому не слишком много сохранилось. Исключение, разве что, составляли родовые архивы, где бумажка к бумажке складывались документы, сохраняя тем самым нескончаемое богатство для потомков. Традиция сохранять документы бытовала на Севере, откуда и вышли многие русские землепроходцы.

Многим, если не большинству, не повезло быть запечатлёнными кистью художника или карандашом графика... Случалось, что в семьях сохранялись портреты, но многие изображения по причине времени погибли. Фотография, к сожалению, слишком поздно появилась. Отсюда и ответ на вопрос, почему сегодняшние жители не знают, как выглядели их предки, разве что они не принадлежали к редкостным сословиям – дворянству или богатому купечеству.

Тотемскому обывателю XVIII в., молодому, решившему поискать счастья в Сибири, человеку, вспомогателю каргопольского купца, акционера Российско-Американской компании, Главного Правителя русских владений в Америке А.А. Баранова, мореплавателю, судопромышленнику, исследователю Аляски и Калифорнии, основателю и одному из первых строителей Форта Росс, и снова тотемскому гражданину Ивану Александровичу Кускову, – повезло. Потому что архивы изобилуют, пусть и немногочисленными, но документами, рассказывающими о его жизненном пути. Пусть они сегодня хранятся в разных архивах, их нужно суметь обнаружить... Но историки нынешнего поколения могут рассказать потомкам о тотемском великом гражданине Иване Александровиче Кускове, коим гордятся современные жители города Тотьмы. Сохранилось его единственное прижизненное его портретное изображение...

Сегодня в Тотьме существует и плодотворно работает единственный в мире музей, посвящённый смелому русскому мореплавателю и основателю Форта Росс Ивану Александровичу Кускову. При знакомстве со статьёй Сергея Нико-

* Тихомиров Сергей Алексеевич (Вологда) – директор Вологодского регионального научно-исследовательского центра краеведения и локальной истории, главный редактор издательства «Книжное наследие».

лаевича Маркова об Иване Кускове, опубликованной в газете «Известия» в 1948 г., стало известно, что сразу после Великой Отечественной войны в Тотьме усердно сохранялся дом, в котором проживал после приезда из Америки Иван Кусков. В одном из залов посетители музея и экскурсанты имеют возможность познакомиться с Иваном Кусковым, где представлен его портрет. С портрета смотрел спокойный уравновешенный мужчина с продолговатым овалом лица, прямым носом и довольно большим ртом... Он сидел вполоборота, повернувшись вправо в три четверти, и вдумчиво смотрел куда-то в сторону, мысленно глубоко в себя, словно, тебя не замечая, думая о чём-то о своём. Смотрел проникновенно, сквозь тебя. Но не в глаза...

При вдумчивом рассмотрении портрета что-то сразу располагало по отношению к портретируемому. Вероятно, приковывал вдруг обращённый к тебе взгляд, как будто Иван Кусков на несколько секунд чуть-чуть повернулся к тебе взором и обратил внимание на пришедшего к нему на встречу человека... Следовал напряжённый взор серых глаз, крылатый разлёт бровей... Ощущение, что вот-вот он что-то скажет. Ты замираешь, ждёшь несколько мгновений, но в ответ тебя ждёт тишина... Ты ждёшь, что к тебе обратится человек с молодежавшим лицом в обрамлении убранных сединами волос. Всё говорило о немолодом уже его возрасте и некой жизненной усталости, о которой он вот-вот тебе расскажет, поскольку находишься в его доме.

Придя в первый раз на встречу с Иваном Кусковым, всматриваешься в его форму, словно она готова поведать тебе о пройденном им жизненном пути... Всматриваешься в однобортный, почти чёрный, тёмно-зелёного сукна, как говаривали ранее, со стоячим воротом мундир. ...Вдруг понимаешь, что перед тобой изображён или военный, или человек, близкий к военным, приравненный по чину к подобным героическим людям по «Табели о рангах». Об этом напоминали небольшие, обшитые золотым галуном с одним чёрным просветом и золочёной пуговицей на каждом, погончики; застёжка на один ряд из крупных золочёных пуговиц; золотный темляк на поясе; у левой руки (киски рук не показаны) – рукоять шпаги; на груди – правительственная награда, на владимирской ленте, судя по красному цвету шейной ленты. Портрет человека, говорят, – зеркало души. Об этом, прежде всего, всегда говорит выразительный взгляд, который не приходит сам по себе, а опирается на характер. Несомненно, во всех взглядах, говорящих об отношении человека к действительности, отражается генная информация, передаваемая из поколения в поколение. Это родовая память...

Пробудившийся в последнее время массовый интерес к истории, к её малоизвестным страницам сегодня воспринимается как существенная черта нашего времени, поскольку генеалогические исследования восстанавливают прерванную связь времен, обретают утраченную целостность истории Отечества. При прочтении этюда генеалогии Ивана Кускова внимательный читатель увидит, что его родословие не отрывается от природной, историко-социальной и сословной среды, в которой оформился и развивался род Кусковых. Поэтому, как представляется, уместно здесь говорить о родословии «малой родины», родословии сословия, что позволяет увидеть историю рода Кусковых в неразрывной связи с социокультурным контекстом эпохи и времени.

Выявление сведений о родословной Ивана Кускова напоминало, образно говоря, поиски иголки в стоге сена. Успех обнаружения зависел от знания, где она лежит. Одно дело – перебрать верхний слой стога, другое – весь стог по травинке, по каждому листочку. Поиску данных о родословии способствовало знание источников, в которых выявлялись свидетельства о предках тотемского морехода. Обнаруженные при написании публикуемого исследования исторические источники прежде всего подвергались на предмет выявления представителей Кусковых.

Фамилия Кусковых считалась старинным тотемским именным прозвищем. Говорила об её обладателях. Ею владели посадские люди, то есть коренные горожане Тотьмы. Она известна с конца XVI – начала XVII в., прослеживалась в архивных документах. Истоки родословной знаменитого тотемского морехода находим в писцовых книгах XVII в. **В писцовой книге 1623–1625 гг. встретились следующие представители рода Кусковых:** Мелешка, Костентинов сын, Кусков; Степанко, Кузмин сын, Кусков с детьми Федоском да Иевком; Безноско да Дениска, да Микитка, Семёновы дети, Кускова; Лёвка, Григорьев сын, Кусков.

Встретились в исторических источниках некоторые события с участием Кусковых в истории Тотьмы после Смутного времени начала XVII в. Это, прежде всего, изменения, произошедшие в истории городского землевладения. После Смуты в Тотьме совершенно потерялись следы тридцати дворовладельцев. Они, видимо, разбрелись от скудости, продав свои дворы. Так, «молодший» человек Николай Харчевник, в 1625 г. уже не числился на посаде, а его двором по купчим владел Леонтий Кусков. Сохранилась в архивах челобитная тотемских людей об убийстве 28 марта 1638 г. тотемского пристава Дружины Кускова. О бытовании фамилии Кусковых свидетельствовала запись, сделанная рукой тотемского площадного подъячего Оськи Еремеева, сына Кускова, для Ивана Семенова, сына Тельного, о задатке при оформлении подрядных на заготовку дров для тотемских соляных варниц.

Во второй половине 40-х гг. XVII в. в Тотьме была проведена первая подворная перепись. Результатом её явились переписные книги, в которые включались только двор и мужское население в нём. Они для вы-

яснения родословий ценны тем, что дают сведения об эволюции фамилий в промежутке между описаниями 1620-х и 1670-х гг. Из переписной книги 1646 г. известны Кусковы:

«Ивашко, у Микиты сын Демка; Еремка Мелентьев Кусков с детьми Ларкою да Оскою и на подворье Ондрюшка Кусков»; «Иевко да Нестерко Степановы дети Кускова; у Иевка Ивашко да Силка; у Нестерко Афонка да Оска. Двор пуст Федоска Степанова Кускова, сшёл от податей безвестно»; «Безсонко Семенов Кусков с сыном Ортюшкою. Мишка Семенов Кусков».

В книгах тотемского таможенного головы 1647 г. Василия Неронова числились записи и кабалы на посадских людей и крестьян, связанных главным образом с обязательством должников заготовить и доставить к кабаку дрова. Как правило, эти записи составлял тотемский площадной подьячий Оська Еремеев сын Кусков. Упомянутый Оська Кусков в 1673 г. в Тотьме торговал хмелем. Сохранилась переписная книга 1676–1677 гг. В ней встретились предки Кусковых: *«Микита Мелентьев Кусков с детьми Демкою и Мишкою; Еремка Мелентьев Кусков с сыном Оскою»*; Андрюшка, Мелентиев сын, Кусков; Оска Кусков (продавец хмеля в 1673 году); Ивашко, Яковлев сын, Кусков; Якушко Дмитриев сын Кусков; Стёпка, Петров сын, Кусков; Якунко, Степанов сын, Кусков.

Связаны Кусковы с тотемскими соляными промыслами. Известно, что около 1679 г. между Васильем Ивановичем Грудцыным и посадским человеком Яковом Кусковым образовалось «солёное» содружество. Из документов явствовало, что Яков Кусков взял из льготы на двадцать лет в Вотченской волости пожню Голяву, недалеко от Леденгского усолья Грудцына. Здесь были обнаружены признаки подземных соляных ключей. Грудцын решил организовать новый завод и вступил в соглашение с Кусковым. Они добились, что им отвели к промыслу лесу на восемнадцать вёрст по реке Ковде и на две версты к деревням, и начали бурить соляную трубу.

Итак, по данным писцовых и переписных книг XVI–XVII вв. можно обнаружить истоки родословий различных фамилий. По каким документам можно продолжить розыск? Шагнём в XVIII столетие...

Государство Петра Великого вздыблено реформами, народ переживал долгие годы великого взлета и одновременно тягчайших страданий и жертв. Войны и преобразования требовали не только финансов, но и людского потенциала. Как пополнить государеву казну, откуда мобилизовать наиболее нужных мастеровых – вот вопросы, требовавшие решения... В 1679 г. правительство перешло от поземельной системы обложения податями к подворной. Император, считая, что со времени переписей 70-х гг. XVII в. число дворов увеличилось, повелел в 1710 г. провести новую всеобщую ревизию населения. Но крестьяне перехитрили царя. Они стали соединяться дворами, а то и попросту заколачивать дворы и скрываться на время переписи в лесах, бежали в Сибирь. И число «живущих» дворов в сравнении с 1679 г. ...уменьшилось.

История пополнилась новым видом исторических источников – ревизскими сказками... Чтобы понять хитросплетение исторических источников, заглянем за эпоху Петра Великого, всмотримся в его затеи о пополнении казны государевой. Увидев, что старая система подворного обложения налогами не оправдывает себя, издал царь указ о переходе к подушному обложению, чтобы каждая мужская душа от рождения до смерти платила подать. В 1719 г. была проведена первая подушная перепись. В связи с попытками утаиться от переписи начали проводиться проверки, ревизии: горожане, волостные миры государственных крестьян, помещики и монастыри подавали справки, уточнявшие и дополнявшие данные о проведенной переписи. Эти справки получили название ревизских сказок, а внесенные в них мужчины – ревизских душ. Вплоть до новой ревизии все перемены в естественном движении населения (рождения, смерти) не принимались во внимание. Поэтому за умерших также платилась подушная подать, а за новорождённых до новой ревизии – не взималась.

Хотя промежутки между ревизиями были не так уж велики, но люди умирали (поэтому их стали называть «мёртвыми душами»), а до новой переписи они считались живыми. В Государственном архиве Вологодской области сохранились копия материалы первой переписи населения Тотемского уезда 1719 г. Из этого документа известны Кусковы: Иван Яковлев Кусков в возрасте пятидесяти лет от роду, его сыновья Григорий – девяти лет, малолетний Яков одного года и восьми месяцев от роду; отдельно живущий Иван Иванович Кусков двадцати пяти лет от рождения и его дети: Алексей четырёх лет и Александр трёх лет. И жили они все на Егорьевской улице в Тотьме.

Отправной точкой в историко-генеалогических разысканиях истории фамилии Кусковых стал приход Тотемского Богоявленского собора. Озадачившись такой исторической реальностью, зная, что в жизни приходских сообществ в тот или иной приход входили конкретные городские улицы, и быть прихожанином другой церкви властями возбранялось, начались поиски границ приходского пространства Богоявленского собора. Просмотрев исторические источники, – писцовые, переписные книги, – оказалось, что в границы прихода входили Большая Пробойная улица, Поратовская улица, Егорьевская (Георгиевская) и Дерябинская улицы. Топография города в Тотьме подчинялась особенностям расположения промыслов и реки Сухоны.

Архитектурно-планировочная структура этого города отличалась от многих городов Русского государства. Здесь острог – крепость не в центре, вокруг него не располагались концентрическими кругами с ради-

альными дорогами к центру городские улицы и слободы. Острог был построен в XVI в. в устье реки Песей Деньги, которая делила посад на две неравные части. Острог находился на горе с крупными естественными скалами: с запада – к Песей Деньге, с юга – к Сухоне. По описаниям более позднего времени, острог находился на этой горе, был обнесен деревянными рублеными стенами с восьмью башнями, из которых четыре угловые и четыре – средние. По дозорной книге 1619/1620 гг., в остроге стоял деревянный храм, дворы воеводский и земский, съезжая изба, лавки, монастырские, посадские и крестьянские дворы, избы посадских и уездных разных людей да несколько амбаров; всего сто семь различных строений.

Средоточием Тотьмы всегда выступал Богоявленский собор. Он находился в старом городском укреплении, на Соборной горке. В официальных бумагах именовался Богоявленским с конца XVII в. В писцовых книгах 1687–1688 гг. он назван ещё Пречистенским. В одном из документов упомянуты некоторые ориентиры: «...да на Тотме ж позади Егорьевские улицы, подле Боярского лугу, полянка церковная, что дана вместо Мановского лугу...». Со временем в городе, в направлении от Сухоны к северу, в сторону варниц, вытянулись три главные магистрали, находящиеся параллельно друг другу улицы. Между ними ближе к реке располагались торговая площадь и площадь, где с 1625 г. стояли таможенная изба с кабаком, земская и съезжая избы, тюрьма, ямской двор, казенная баня и т. д.

Самой многочисленной из трёх улиц была Большая Пробойная улица, в середине которой стояла Сретенская церковь и в течение всего века было не менее тридцати пяти дворов (в 1688 г. – сорок четыре двора и избы). На этой улице и по берегу реки Сухоны на Поратовской улице, а также в так называемом Дмитриевском верху жили наиболее богатые люди посада, были дворы гостей и людей гостиной сотни. Параллельно Пробойной улице шла Егорьевская, которая после бурных событий начала XVII в. оставалась полностью не заселенной. Она обозначалась в писцовой книге 1623–1625 гг.: «от торгу идучи, меж Пробойные Большие улицы и Егорьевской – церковь Николы Чудотворца, древяна, клетушки...». На этой улице стояла Георгиевская церковь, которая в XVIII в. была приписана к Богоявленскому собору. Дерябинская улица имела от четырёх до шести дворов и столько же пустых дворищ. По всей видимости, предков Ивана Кускова стоило искать в районе Егорьевской улицы, учитывая её близости к Богоявленскому собору и пристани, которая начиналась от реки Сухоны и шла вверх города. И теперь, благодаря найденным источникам, читаем о представителях рода Кусковых. Генеалогическое древо Кусковых представлено следующим образом...

Поскольку первым достоверным предком Кусковых был **Степан Кузьмич Кусков**, то зачинателем рода, первым предком, проживавшим в **конце XVI в.**, являлся **Кузьма Кусков**, от него будем вести отсчёт генеалогии Ивана Александровича Кускова. И далее, как известно по аналогии с Библейским текстом, – «*Авраам родил Исаака, Исаак родил Якова, Яков родил Иуду и братьев его...*» и так далее. Из **начала XVII в.** встретился зачинатель фамилии – **Степан Кузьмич Кусков**; его сын **Яков Степанович Кусков**; и его внук **Иван Яковлевич Кусков**. Из **начала XVIII в.**, судя по сохранившимся ревизским сказкам, известны предки известного тотемского мещанина и морехода Ивана Александровича Кускова **Иван Иванович Кусков**; его отец – **Александр Иванович Кусков**; и он сам – **Иван Александрович Кусков**.

Александр Иванович Кусков родился в 1721 г. Появлению своего имени он обязан Петровской эпохе. Начиная с императора Петра Великого, как известно, традиция имянаречения в честь благоверного князя Александра Невского упрочилась, участилась, поскольку почитание святого приняло государственный характер, он становится покровителем новой столицы – Санкт-Петербурга. Вероятно, наречению младенца именем Александр способствовали успехи и победа в Северной войне, поскольку имя святого князя ещё в XIII в. прославилось победами у невских берегов и в других северо-западных областях Руси.

Известно, что находясь ещё в Америке, в начале XIX в. Иван Александрович Кусков сделал вклад в Спасо-Суморин монастырь деньгами в размере 1500 руб. и на помин души своего батюшки – икону Александра Невского, связывая таким образом свою жизнь с памятью родителя. Когда подошло время, Александр Иванович Кусков, тотемский мещанин, решил посвататься к девице Анне, Петровой дочери. Повседневное в обиходе все её кликали по имени – Анна да Анна, только в уважении нарекали Анной Петровной, – поэтому история родовую её фамилию из девок и не сохранила. Сыграли свадьбу. И зажили они, как все вокруг живущие молодожёны: жить, поживать, да добра наживать. Вскорости пошли детишки...

Друг за другом в семье Кусковых рождались последователи одного из крепких тотемских родов. Ибо они были городскими старожилками... У Александра Ивановича и Анны Петровны Кусковых было пятеро детей. Первенцем стал Дмитрий, родившийся в 1764 г. Последователем, вторым ребёнком, был Иван. Единственным источником, приоткрывшим завесу времени в рассказе о раннем периоде жизни Ивана Кускова, выступила статья тотемского краеведа Е.В. Кичина, опубликованная в газете «*Вологодские губернские ведомости*» (1848. № 8. Часть неофиц. С. 83–85). Источников, зафиксировавших рождение тотемского гражданина, – метрических книг, – к сожалению, на сегодняшний день до сих пор не выявлено, поэтому любое упоминание о времени его рождения, историками воспринимается как большое открытие: «*Иван Александрович Кусков*

был первоначально тотемским мещанином. Он родился в 1765 г., нрав имел весёлый, в обхождении с людьми был ласков, в исполнении верен» – писал историк.

В 1768 г. родилась Овдотья Кускова. В 1769 г. родилась Ирина Кускова. Последышем в семье Кусковых, поскрёбышем, как именовали в народе, выступил Пётр. Он родился в 1773 г. Его год рождения установлен на основании материалов переписей: как сообщали ревизские сказки 1795 г., в этом году ему исполнилось двадцать два года, материалы переписи 1811 г. зафиксировали возраст тридцать восемь лет. В 1777 г. семья Кусковых понесла первую невосполнимую утрату. В возрасте сорока одного года скончалась Анна Петровна, мать Ивана Александровича, которому исполнилось двенадцать лет. Проведенная в 1782 г. перепись населения зафиксировала, что сыну Дмитрию исполнилось восемнадцать лет. По всей видимости, в этом году он женился на дочери вологодского мещанина Катерине Даниловне Свяшниковой (родилась в 1768 г.), поскольку в 1783 г. родился его сын Иван, внук Александра Ивановича, которому в 1806 г., когда он умер, как сообщали ревизские сказки 1811 г., было двадцать три года.

В 1782 г. на шестьдесят втором году жизни умер Александр Иванович Кусков. Подчеркнём, что с этого момента главой семьи, главой дома Кусковых стал Иван Александрович. Ему, шестнадцатилетнему юноше, пришлось взвалить на свои плечи заботу о младших сёстрах и брате, поскольку старший брат Дмитрий к тому времени жил своей семьёй. Но в материалах переписи 1795 г. числилось единое хозяйство двух родных братьев Дмитрия и Петра Кусковых, а также сына Дмитрия – Ивана, поскольку Иван Александрович Кусков к тому времени был включен в список тотемских мещан как самостоятельный хозяин дома, живший, однако, в Америке.

Несколько лет до отправления в Америку Ивану Кускову, как и его предкам, пришлось трудиться ниже-сухонским носником. Он был обладателем забытой ныне профессии, связанной со знанием сухонской лоции и организации речного дела. Тотьма находилась на знаменитом водном пути из Москвы в Сибирь. Начав путь в Вологде, дойдя по Сухоне до Тотьмы, минуя её, купцы достигали Великого Устюга, а оттуда далее – в Сибирь... Для этого требовалось знание норовитой Сухоны-реки, её особенностей и сложностей отрезка от Тотьмы до Устюга. Этим делом занимался Иван Кусков до знаменитого своего отплытия в Иркутск...

Исследовательский инстинкт, заложенный в природе тотьмичей, всегда толкал людей к неизвестному. И их жизнь на Сухоне-реке в наибольшей степени удовлетворяла это стремление. Ощущение тайны, загадки, присутствующее безлюдным и бескрайним северным просторам Посухонья, манило за собой, на каждом шагу открывая новые горизонты знаний и восприятий. Здесь, в суровых северных условиях, где выживание становилось насущной необходимостью, люди познавали и окружающий мир, и себя, и своих спутников. Каждое путешествие «встречь солнцу» открывало terra incognita не только во внешнем мире, но и в мире внутреннем – через постижение человеческих возможностей, осознание их границ и их безграничности. И каждый новый шаг на восток, сделанный человеком, дарил ему прилив сил и вдохновения, побуждая к новым свершениям.

Север, своим прохладным дыханием всегда успокаивал, позволяя по-иному взглянуть тотьмичам на окружающий их мир. Здесь, в тотемском Посухонье, они начинали понимать своё место на земле, потому что их окружали История и Современность. И при первом приближении к ним, большая История становилась личной историей каждого тотемского обывателя. После этого они понимали, что не безвестный «древний новгородец» преодолевал трудности этого пути. И каждодневным тяжелейшим трудом они познавали бескрайность преодолеваемых просторов, тем самым, заглядывая за границы себя. Путь древних первопроходцев всегда был связан с водой: реки и море уводили в далёкие дали, открывая новые острова, новые народы, новые богатства.

Если говорить о родине Ивана Кускова лаконично, то её суть можно выразить в трёх словах: край воды и лесов. И эти два природных ресурса – вода и лес – дали начало исконно русскому Вологодскому краю. В 1787 г. в возрасте двадцати двух лет Иван Кусков, как писал краевед Е.В. Кичин, «отправился из Тотьмы в разные города Российской Империи», отправился он по примеру своих земляков в поисках счастья в Сибирь. Причин, мешавших оставить свою мечту-затею, не выявлялось. Поэтому Иван всей силой стремился попасть во взрослую жизнь. Отправился он весной 1787 г. по Сухоне до Великого Устюга, а оттуда – традиционным путём...

Возможно, далее последует вопрос: «Куда?». Для тотемских мореходов был единственный маршрут – на восток! В нём не было новизны. Тотьма стояла на водном пути из Московского государства в Сибирь. Ещё в петровские времена крестьяне из Тотемского уезда бежали в сибирские страны в поисках свободы, в поисках лучшей доли. В русских летописях в XVI–XVII вв. эпопея заселения Сибири и Дальнего Востока называлась движением «встречь солнцу». Действительно, за несколько десятилетий наши предки совершили стремительный бросок в восточном направлении, навстречу восходящему светилу, подарив России целый субконтинент. Направление «встречь солнцу», по «встречной полосе» генеральной миграционной трассы – Вологда, Тотьма, великий Устюг, уральские города, сибирские посады, Дальний Восток и Америка, уходило корнями в глубокую, плохо документированную древность, в первые века Христовой эры. Хотя «Повесть временных лет» Нестора Летописца нельзя считать строго достоверным источником, она всё же опиралась на смутные образы, сохранявшиеся в исторической памяти народа.

Грандиозный монгольский прилив на несколько веков задержал русское стремление на восток. Однако, едва Русь «переварила» Орду, движение «встречь солнцу» возобновилось. При Петре Великом Урал стал опорным краем державы. Вскоре Михайло Ломоносов заявил, что «богатство России Сибирью прирастать будет». В конце XVIII – начале XIX в. русские промышленники, преимущественно вологодские, тотемские, великостужские, сольчевыгодские, каргопольские, прославились освоением Аляски и Северной Калифорнии, создав усилиями Российско-Американской Компании социальное и экономическое пространство с красивым названием «Русская Америка», которое приносило российской державе баснословные деньги.

История тотемского мореходства начиналась в середине XVIII в. В Тотьме тогда проживало более восьмидесяти зажиточных купеческих семей. Участники экспедиций Витуса Беринга, возвращаясь домой, рассказывали о богатых пушнинной землях. Тотемских купцов сие известие заинтересовало, и они стали собирать экспедиции с целью промысла пушного зверя. Но каков бы ни был купец, сколько бы денег у него не водилось, в одиночку не в силах был организовать экспедицию. И купцы объединялись в компании. Что интересно, не по географическому признаку: в одну компанию входили купцы тотемские, вологодские, великостужские, московские, иркутские, ярославские. По сведениям исторических источников тех лет, чтобы собрать экспедицию, требовалось двадцать тысяч рублей – купить судно, оснастить его и отправиться в плавание – для чего и требовался общий капитал. Охотились тотемские путешественники на редких чёрных лис, откуда этот интересный зверь и в гербе города Тотьмы, промышленяли на бобров и морских котиков.

Краевед Е.В. Кичин, говоря об Иване Кускове, писал: «*достиг Иркутска*». В конце XVIII столетия Иркутск был крупнейшим центром торговли в Сибири, где создавалось огромное количество торговых предприятий, формировались промысловые артели, ежегодно проводились крупные ярмарки. Вероятно, кто-то из Кусковых крепко обосновался в Иркутске, имел там свою промышленность. В материалах переписи жителей Тотьмы 1782 г. встретились Иван, Осип и Дмитрий Кусковы, родственники Ивана Александровича по боковым линиям родословной. Они обозначены как представители тотемского купечества, хотя принадлежали мещанам. Все стремились на восток...

Как утверждали историки, существовало два пути на восток. Первый по Северному Ледовитому океану, очень трудный и опасный. Им пользовались только поморы, жившие на побережье Белого моря и Северного Ледовитого океана. Тотемские мореходы пользовались вторым путём – через сибирские города. Сначала добирались до Иркутска, а дальше шли по сибирским рекам до Охотска. И только в Охотске они покупали или строили корабль и плыли через Камчатское море, огибая полуостров Камчатка, к ближним Алеутским островам. При благоприятных обстоятельствах этот путь длился около года, и два – три года занимала сама экспедиция. Некоторые купцы неоднократно повторяли свои путешествия. В их личных документах того периода было записано: «*Купец (такой-то) находится в отлучке в Сибири*». По этим записям и определяли, кто занимался мореходством. Известно более тридцати тотемских купцов-мореплавателей. Известны несколько тотемских фамилий мореходов, вошедших в историю русских экспедиций на Дальний Восток и в Америку: Фёдор Холодилов, Григорий и Пётр Пановы, Пётр Шишкин, братья Кульковы, Степан Корелин, Дмитрий Брагин, Степан Черепанов, Андрей Титов, Алексей Чуковишников, Тимофей и Семён Мясниковы, Пётр Рохлецов...

Где и чем промышлял Иван Кусков в Иркутске в 1788–1789 гг., историки только догадывались. Вероятно, всё время его забавляло дело, полная коммерческих хлопот жизнь... Где-то, вероятно, он и оступись. Может, какая другая причина подтолкнула Ивана Кускова к «хождению по мукам», безысходности. Поэтому пришлось влезать в долги. Одолжил денег у купца Алексея Петровича Нератова, имевшего тотемские корни. Взял займы 1690 руб., оформили долговой вексель. Фамилия Нератовых встречается в переписи жителей Тотьмы 1782 г.: значились в документах Алексей и Арсений Нератовы. Долгое время Нератовы выбирались тотемскими городскими головами.

Где служил Иван Кусков в это время – дело «тёмное». Известно только одно, что в Иркутске тогда обустроивал свою компанию по добыче пушнины Григорий Шелихов. Он установил контакты с каргопольским купцом Александром Андреевичем Барановым, который проживал в Иркутске с 1780 года. Возможно, что Иван Кусков подвизался там где-то в купеческой среде, вошедший в это окружение через тотемскую, осевшую в Иркутске, плеяду купцов.

Благодаря твёрдости характера и своим деловым качествам А.А. Баранов довольно быстро стал влиятельной личностью среди иркутского и иногороднего купечества. Он активно участвовал в торговой и общественной жизни города, отличался смелостью, решительностью, находчивостью, масштабностью, простотой обращения, честностью и трудолюбием. Его нередко приглашали крестным отцом в купеческие, мещанские, цеховые и дворовые семьи. Посещали семью А.А. и М.А. Барановых в Иркутске известные купцы и знаменитые ученые: рыльский первой гильдии купец Г.И. Шелихов, курский купец А.Е. Полевой, великостужский – М.М. Булдаков, член-корреспондент Академии наук А.М. Карамышев, академик Кирилл Евстафьевич Лаксман.

Весной, **20 мая 1790 г.**, Иван Кусков «по добровольному его согласию» заключил контракт с Александром Андреевичем Барановым. Он обязывался быть ему «в услужении в коммерческой должности». И вместе с А.А. Барановым из Иркутска следовать в Охотск, а потом – в Америку. Контракт подписывался А.А. Барановым, И.А. Кусковым и А.П. Нератовым. Их подписи заверялись в Иркутском верховном надворном суде.

Внимательно прочитав контракт, («Обще условились, чтобы из нас [Александрю Андреевичу] Баранову взять меня, [Ивана Александровича] Кускова, от вышеописанного числа и мне, [Ивану Александровичу] Кускову, быть при нём, господине [Александре Андреевиче] Баранове, при коммерческой должности и следовать с ним отсюда до Якутска и до Охотска, с ним же, господином [Александром Андреевичем] Барановым, в морской вояж ко Американским берегам в Компанию тамо промысла господина [Ивана Ларионовича] Голликова и [Григория Ивановича] Шелихова; когда же оттуда будет Ваш, господина [Александра Андреевича] Баранова, обратный самих выход в Охотск, то тогда и меня тамо не оставляя, вывезть с собою обратно в Иркутск... К содержанию моему пища и в разъездах подводы и прочие пристойные расходы будут Ваши, господина [Александра Андреевича] Баранова, а сменяя за всё за это нисколько не требовать... Одежду же и обувь иметь мне, [Ивану Александровичу] Кускову свою»), не надо быть слишком проницательным, чтобы увидеть кабальные условия, под которые подписывался молодой Иван Кусков. Что его заставляло идти на такие жертвы, оставалось только догадываться. Истинные мотивы, за отсутствием достоверных документов, до сих пор оставались неизвестными.

Впоследствии, согласно договору, А.А. Баранов принимал на себя обязанность во время американского, как оказалось многолетнего, вояжа выплачивать И.А. Кускову из своего жалованья «один пай сухового звериного и прочего промысла, да сверх сего денежной платы по сту рублей за год». Однако все заработные деньги шли купцу Алексею Нератову в счёт погашения долгового векселя: «выдавать в Охотске за меня [Ивана Александровича Кускова] за состоящий на мне долг по векселю... в платёж по оному господину [Алексею Петровичу] Нератову или кому от него доверено будет по семидесяти по пяти рублей каждогодно, а по двадцати пяти рублей выдавать ко мне на мои надобности; пай же, мне принадлежащий, каковой будет промысел, не выдавать ко мне и мне не требовать до того времени, покуда не выплачу господину [Алексею Петровичу] Нератову всех по показанному векселю денег».

Согласно контракту А.А. Баранова с Г.И. Шелиховым, Главный Правитель имел десять суховых паёв «по условию», то есть «по контракту» и ещё три суховых пая за должность начальника на Ситке. Его помощник И.А. Кусков довольствовался пятью суховыми паями. Кроме того, один сухой пай шёл на строительство церкви и ещё один сухой пай – на колониальное училище. Ивану Кускову, как помощнику Правителя, причиталось полтора суховых пая, которые выделялись в его пользу А.А. Барановым.

Целый месяц, в **июне 1790 г.**, Иван Кусков готовился к предстоящим совместным с А.А. Барановым делам. Он обзаводился обувью и одеждой, необходимой в морских плаваниях. Последовали вояжи в Якутск и Охотск, где Александру Андреевичу высказали предложение... В Охотске в это время пребывал Григорий Шелихов. В 1790 г. Григорий Иванович Шелихов поручил управление Русской Америкой А.А. Баранову. В Государственном архиве Вологодской области сохранился любопытный документ, говоривший о начале его деятельности в Северной Америке: «Лета 1790 [года], в областном городе Охотске, мы нижеподписавшиеся рыльский именитый гражданин Григорий, Иванов сын, Шелихов, каргопольский купец, иркутский гость Александр, Андреев сын, Баранов, поставили сей договор о бытии мне, Баранову, в заселениях американских при распоряжении и управлении Северо-Восточной компанией, тамо расположенной...»

Договор содержал двенадцать пунктов, из них особенно интересен тот, где А.А. Баранов брал на себя обязательство по отношению к местному туземному населению и русским переселенцам: «...никаких обид не допускать, но взыскивать всевозможные и на человеколюбии основанные средства со всевозможным решением ко взаимному доброму согласию, грубых же и варварских жестокосердных обычаях заметеревших – остерегощать и приводить в познание...»

Известно, что **14 августа 1790 г.** Г.И. Шелихов подписал валовый контракт – специальное соглашение между купцами, организующими промысел, промышленниками и работными людьми. Подписывался он до отправления корабля в плавание. Обычно он состоял из двух, а иногда из трёх самостоятельных частей. Самой важной была часть об условиях договора между основными заводчиками создаваемой компании. Говорилось о десятках тысяч рублей. И от того, насколько купцам удавалось обговорить условия договора, зависело финансовое положение. Вторая часть контракта содержала пространное описание общих обязанностей компаньонов. Третья часть – непосредственный договор купцов с промышленниками.

После подписания контракта возникала Северо-Восточная американская компания. В этот же день образована Предтеченская компания. Одной из причин появления новых компаний было стремление избежать обвинения в монополизации при расширении деятельности. На следующий день, **15 августа 1790 г.**, Григорий Шелихов заключил договор с А.А. Барановым об условиях сотрудничества с Северо-Восточной компанией,

по которому он становился Главным Правителем всех русских компаний Голикова-Шелихова в Северной Америке. Многолетние попытки крупнейшего промышленника склонить помора-предпринимателя к сотрудничеству увенчались успехом. В последние годы А.А. Баранова постигали неудачи. Это обстоятельство, вероятно, и послужило причиной согласия каргопольского купца к сотрудничеству. Оказалось, что он на долгие годы, на двадцать восемь лет, связал свою жизнь с Г.И. Шелиховым и в компании сменил на этом посту Е.И. Деларова.

Александр Андреевич получил предложение от Г.И. Шелихова стать Главным Правителем Северо-Восточной компании. Выбор Григория Шелихова отнюдь не был случайным. Профессиональная репутация А.А. Баранова в его глазах была достаточно высока. Каргопол принял это предложение и вскоре отправился к берегам Аляски. История показала, что благодаря помощнику Г.И. Шелихова русские колонии в Америке стали более обширными. По условиям контракта Главному Правителю русскими колониями в Америке предлагалось взять с собой команду промышленников, состоявшую из ста девяноста двух человек, которым предлагалось остаться на островах по собственному желанию и воле. Полагалось Правителю иметь двух помощников. Кандидатов на должность было слишком мало: не каждому мог довериться старый купец... И не слишком много было грамотных людей, могущих работать по коммерческим делам.

Среди имевшихся на примете кандидатов Александру Андреевичу приглянулся Иван Кусков, обладавший грамотой, спокойствием и явной неторопливостью. Понравился ему ясными, без малейшей лукавины, глазами. Но главное – размеренным северным оканьем, с каким говорил сам Александр Андреевич. Ивана Кускова это предложение врасплох, вероятно, не застало. Главное во что он верил, что было ему ведомо наверняка: предстояла желанная для коммерческого человека деятельность во благо России. В Новый Свет Александр Андреевич отправился вместе с Иваном Кусковым. Переселенцы в неведомый им мир везли семена зерновых и овощных культур, некоторых домашних животных. С большими трудностями они прибыли в Северную Америку и сразу развернули бурную деятельность...

*В.А. Дмитренко**

Особенности фиксации возраста в исповедных росписях второй половины XVIII века на территории Пирятинской протопопии Киевской епархии

В статье на материалах исповедных росписей второй половины XVIII в. на территории Пирятинской протопопии Киевской епархии проанализирована законодательная регламентация фиксации возраста в исповедных росписях, рассмотрено практическое воплощение законодательных норм на уровне церковного прихода, проведен разбор достоверности информации о возрасте.

Ключевые слова: демография, Украина, источниковедение, исповедные росписи, возраст, церковный приход.

V.A. Dmitrenko

The peculiarities of fixing the age in confessional lists of the second half of XVIII century in territory of Piryatinsky decanate of the Kiev diocese.

On materials of confessional lists of the second half of XVIII century in territory of Piryatinsky decanate of the Kiev diocese the legislative regulation of fixing the age in confessional lists is analyzed, the practical implementation of legislative norms at the level of the parish is considered, the analysis of reliability of the information on age is carried out.

Key words: demography, Ukraine, source study, confessional lists, age, parish.

Определение точного возраста человека является необходимым условием историко-демографических исследований. Наличие подобной информации позволяет составить представление о продолжительности жизни, определить соотношение возрастных групп социума, также она важна при исследовании функционирования институтов брака и семьи. Наличие сведений о возрасте дает возможность определять возрастные пороги социальной адаптации индивидуума, что особенно важно при изучении доиндустриального общества.

Следует отметить, что правильность записи возрастных показателей не всегда характерна и для современной статистики. Что же касается так называемых учетных или предстатистических источников доиндустриального общества, то тут дело обстоит еще сложнее.

Исходя из вышеизложенного мы в своем исследовании:

- проанализируем законодательную регламентацию фиксации возраста в исповедных росписях;
- рассмотрим практическое воплощение законодательных норм на приходском уровне;
- проведем разбор достоверности информации о возрасте.

Прежде чем приступить к решению поставленных задач, уточним отдельные моменты. Во-первых, мы придерживаемся того мнения, что материалы церковного учета населения, к которым относим исповедные росписи и метрические книги, носили, прежде всего, сакральный характер, а стало быть, требовать от них статистической точности не вполне корректно. Во-вторых, избирая для анализа именно исповедные росписи Пирятинской протопопии, следует помнить, что вопреки неоднократным изменениям ее территории в течение всего XVIII в. она продолжала оставаться крупнейшей протопопией левобережной части Киевской епархии. В-третьих, основной массив исповедных росписей по указанной протопопии хранится в Государственном архиве Полтавской области.

Анализируя законодательную базу, отмечаем, что требование фиксировать возраст прихожан в исповедных росписях встречается в синодском указе 1737 г. [1]. Заметим, что именно он послужил толчком для внедрения исповедных росписей в практику повседневной жизни православных приходов Киевской епархии в целом и Пирятинской протопопии в частности. В соответствии с указом запись данных о возрасте должен был осуществлять приходской священник в отдельной колонке формуляра исповедной росписи. В ней нужно было указать, сколько лет исполнилось лицу на момент составления росписи.

* **Дмитренко Виталий Анатольевич** (Полтава, Украина) – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и МПКД Полтавского национального педагогического университета им. В.Г. Короленко, vitodmitrenko@mail.

Точная фиксация возраста была важна по двум причинам. Во-первых, исповедоваться должны были все жители прихода старше семи лет. Во-вторых, данные росписей в случае потери метрических книг должны были служить источником установления возраста лица, записанного в ней. Поскольку росписи обновлялись ежегодно, то теоретически люди, записанные в них, должны стареть на один год. Мы, при условии надлежащей сохранности исповедных росписей, имели бы данные о ежегодной возрастной динамике населения.

О том, что вопрос фиксации возраста продолжал пребывать в поле зрения церковных владык, свидетельствуют распоряжения, последовавшие за выходом указа. В частности, митрополит Киевский, Галицкий и всей Малой России Арсений (Могилянский) своим распоряжением от 27 февраля 1759 г. обязывал священников сверять возраст прихожан с предыдущими записями. Он также распорядился ежегодно прибавлять в записях по одному году, а не записывать возраст со слов прихожан [2].

Таким образом, можем констатировать, что на законодательном уровне вопрос о фиксации возраста в исповедных росписях был урегулирован, а наличие образцов записи в указе 1737 г. позволяло священникам ориентироваться в практической стороне вопроса [3].

Как показали наши исследования, приходские священники Пирятинской протопопии выполняли нормы указа. Случаи, когда возраст прихожан не указывался, скорее, – исключение, нежели правило. Однако точность таких данных вызывает существенные замечания. Так, согласно исповедной росписи села Бубны, за 1765 г. члены семьи священника Максима Григорьева имели такой возраст: Максим Григорьев – 52 года, его жена, Евдокия Филипповна – 44 года. Дети: Григорий – 4 года и Дарья – 14 лет [4]. Исповедная же роспись 1767 г. представляет следующие указатели: Священник Максим Григорьев – 54 года, Евдокия Филипповна – 44 года, Григорий – 5 лет, Дарья – 15 лет [5]. Стало быть с возрастом самого панотца все оказалось в порядке. Однако его жена почему-то совершенно не постарела. Его же дети стали старше не на два года, как того требовали элементарные математические подсчеты, а только на год.

Подобные примеры можно продолжить. Скажем, в селе Митченки, согласно росписи 1758 г., сыну пономаря Никите исполнилось двадцать семь, а его жене – двадцать пять лет [6]. Роспись же 1765 г. дает им тридцать шесть и тридцать один год соответственно [7]. Хотя понятно что надо было бы тридцать четыре и тридцать два.

Стоит заметить, что такие математические казусы – совсем не редкость, и эти иллюстрации следует рассматривать скорее как закономерность, чем исключение. Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет о лицах, которые сами же и составляли эти росписи либо были близки к ним.

По нашему мнению, можно выделить несколько причин такого явления. Во-первых, речь может идти об элементарной невнимательности авторов росписей. Во-вторых, очевидно, есть смысл говорить о не слишком высоком уровне грамотности священников и их практической неподготовленности к ведению подобного рода документации. В-третьих, можем предположить, что священники вопреки распоряжениям продолжали записывать возраст либо со слов прихожан, либо по памяти. Точная же фиксация своего возраста в условиях замкнутого сельского общества не была важна для индивидуума и рассматривалась, скорее всего, в общих категориях – ребенок, старик, девица, парубок и тому подобное, а не в конкретных цифровых измерениях. Эта причина выглядит достаточно весомой, поскольку речь в вышеприведенных случаях идет именно о непосредственных авторах росписей.

Таким образом, констатируем, что приходские священники, безусловно, соблюдали букву закона, фиксируя возраст своих прихожан, однако качество подобных записей вызывает множество сомнений и оставляет желать лучшего.

Исходя из вышеизложенного не вызывает удивления тот факт, что среди современных исследователей прослеживается тенденция привлечения разнообразных методик для проверки достоверности данных из этих источников. В частности, для контроля точности указанного возраста используют индекс Уипла (Whipple index). Индекс Уипла – показатель, который позволяет выяснить, не округляли ли возраст людей при проведении переписи. Он рассчитывается соотношением суммы численности населения в возрасте, что заканчивается на «0» и «5», начиная с 25 лет и заканчивая 60 годами, к одной пятой части общей суммы численности населения в возрасте 23–62 лет умноженное на 100 [8].

Согласно стандартам ООН, если полученная сумма меньше 105, то данные переписи очень точные. От 105 до 110 – относительно точные, от 110 до 125 – хорошие, от 125 до 175 – плохие. Если же сумма превышает цифру 175, то качество данных оценивается как крайне плохое.

Одним из первых этот метод относительно населения Гетьманщины применил полтавский историк Юрий Волошин. Так, анализируя возрастные данные, представленные в исповедных росписях 1775 г. по городу Полтава, он оценивает их как «плохие». Показатель индекса Уипла – 141. В то же время, вычисляя половозрастную структуру населения Полтавы по данным Румянцевского описания (Генеральная опись Малороссии), исследователь оценивает его качество как «очень плохое». Показатель индекса Уипла – 360.

Таким образом, данные о возрасте, зафиксированные в исповедных росписях, по мнению Юрия Волошина, являются более достоверными. Такого же мнения придерживается и Елена Бороденко, проводя аналогичные подсчеты по селам Полтавского полка. Исследуя исповедные росписи, она указывает на «хорошее» качество представленных в них данных о возрасте населения, тогда как подобные сведения из Румянцевского описания «очень плохие». Показатель индекса Уипла – 116 и 330 соответственно [9].

Наше исследование исповедных росписей по десяти приходам Пирятинской протопопии, а именно: сел Бубны, Грабаровка, Гурбинцы, Кручи, Митченки, Приходьки, Усовка, Харьковцы, Шкураты, Яцны, – за 1758 год дало показатели индекса Уипла в пределах 102–187. Наиболее добросовестными исполнителями своих обязанностей можно считать священников Грабаровки (I wh = 102), Гурбинцов (106), а также Круч (110) и Приходек (115). Хуже всего дела обстояли в приходах Бубнов (178) и Митченков (181). Остальные имеют следующие показатели – Усовка (126), Харьковцы (129), Шкураты (131), Яцны (142). Средний же показатель индекса Уипла по этим населенным пунктам – 132.

Таким образом, качество представленных в них сведений о возрасте населения можно оценить как «плохое». Однако заметим, что в четырех из десяти случаев информацию можно оценивать как «хорошую». К сожалению, других источников для сопоставления данных о возрасте по этим населенным пунктам за исследуемый период нами не обнаружено. В то же время хотим отметить, что возраст должен был фиксироваться и в метрических книгах. Так, в третьей части – «О мертвых» – выделялась отдельная колонка, в которой надо было указать возраст умершего [10]. Анализ просмотренных нами метрических книг позволяет констатировать, что во многих из них такие колонки попросту отсутствуют. Там же, где колонки выделены, они зачастую не заполнены.

Подводя итоги, констатируем:

во-первых, на законодательном уровне вопрос о фиксации возраста в исповедных росписях был урегулирован;

во-вторых, приходские священники Пирятинской протопопии соблюдали нормы закона, однако качество записей вызывает сомнения в их достоверности;

в-третьих, качество представленных в исследованных исповедных росписях сведений о возрасте населения можно оценить как «плохое». Однако зачастую это единственный источник сведений о возрасте человека XVIII в. К тому же по сравнению с другими источниками их качество лучше.

Источники и литература

1. О штрафах за уклонение от исповеди // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 10. С. 119–121.
2. Романова О.О. Сповідальні книги Київської митрополії XVIII ст. як спосіб церковного контролю за мораллю парафіян // Український історичний журнал. 2008. № 4. С. 127.
3. О штрафах за уклонение от исповеди // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 10. С. 124–125.
4. Государственный архив Полтавской области (далее – ГАПО). Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
5. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 140. Л. 1.
6. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
7. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 155. Л. 1.
8. Henry S. Shryock, Jacob S. Siegel. *Methods and Materials of Demography*. New York: Academic Press, 1976. P. 205.
9. Волошин Ю.В. Статеві-вікова та шлюбна структура населення міста Полтави в другій половині XVIII століття // Історична пам'ять. 2011. № 1. С. 7–8. Бороденко О.А. Матеріали фіскального та церковного обліку населення як джерело для дослідження становища самотньої жінки в Гетьманщині XVIII століття // Культурологічний вісник Нижньої Наддніпрянщини. 2014. Вип. 32. С. 37.
10. О содержании священниками метрических книг // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7. С. 266–267.

С.А. Попов*

Численность и гендерный состав участников крестьянских сходов Вологодской губернии (вторая половина XIX века)**

В статье представлены результаты исследования посещаемости крестьянами Вологодской губернии сходов, а также их состава по гендерному принципу. Рассмотрены принцип созыва общего собрания домохозяев, факторы, влиявшие на количество его участников. Представлен анализ привлечения женщин к решению общественных дел на сходе. Сделан вывод о том, что во второй половине XIX в. уровень посещаемости сходов варьировался в зависимости от времени года и заинтересованности их участников в выносимой на обсуждение проблемы, а присутствие на них женщин регламентировалось традициями сельского общества.

Ключевые слова: Вологодская губерния, вторая половина XIX в., крестьянство, волостной и сельский сход, гендерный подход.

S.A. Popov

Number and gender structure of participants of peasant gatherings of the Vologda province (second half of XIX century)

The results of research of attendance by peasants of the Vologda province of gatherings, as well as their structure by a gender principle are presented. The principle of convocation of general meeting of householders and the factors influencing the quantity of its participants are considered. The analysis of attraction of women to the solution of public affairs at gatherings is presented. The conclusion that in second half of XIX century the level of attendance of gatherings varied depending on the time of the year and the interest of their participants in the brought for discussion problem is made, the presence of women at gatherings was regulated by traditions of rural society.

Key words: the Vologda province, second half of XIX century, peasantry, the volost and rural gathering, gender approach.

В результате реализации Великих реформ 1860-х гг. в сельской местности была создана единая система крестьянского общинного управления, состоявшая из двух звеньев: сельских и волостных органов власти. В первое звено входили сельский сход и сельский староста. Сверх этого крестьяне имели право по своему усмотрению избрать особых сборщиков податей; смотрителей хлебных магазинов, училищ и больниц; лесных и полевых сторожей; сельских писарей и т.п. Второе звено было представлено волостным сходом, волостным старшиной с правлением и волостным судом. В отдельных обществах изученного региона для решения дел «домашнего обихода» созывался селенный, «деревенский», сход.

В данном докладе представлены отдельные результаты исследования численного состава крестьянских сходов, их гендерный состав во второй половине XIX в. **Относительно второй части проблемы, мы обратились к анализу осуществления женщинами на практике предоставленного им права участия в крестьянских сходах на уровне сельского общества в последней четверти XIX в.** Источниковую базу работы составили законодательные акты правительства Российской империи (Общее Положение о крестьянах), материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева, собранные в 1897–1899 гг. и опубликованные в начале 2000-х гг., и непосредственно приговоры крестьян сходов, сохранившиеся в Национальном архиве Республики Коми (далее – НАРК) и в Государственном архиве Вологодской области (далее – ГАВО).

Согласно Общему Положению сельские сходы формировались из крестьян-домохозяев, принадлежавших к составу сельского общества и всех назначенных по выбору сельских должностных лиц. Кроме них,

* **Попов Сергей Александрович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, hiys84@rambler.ru.

** Статья публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике».

на общем собрании присутствовали крестьяне-собственники. Однако последняя категория крестьян имела ограниченное право голоса, т.е. принимала участие лишь в обсуждении проблем, не касавшихся отношений сельского общества с владельцем земли, которой это общество пользовалось. Волостные сходы, в свою очередь, комплектовались из сельских и волостных должностных лиц и крестьян, избравшихся от каждого десяти дворов селений или поселков, принадлежавших данной волости. На практике они опять-таки являлись домохозяевами, на что указывалось в приговорах. В приговоре волостного схода Визингской волости Усть-Сысольского уезда, состоявшегося 5 сентября 1911 г., указывается: «присутствовали выборные от каждого 10 дворов крестьяне-домохозяева и должностные лица волостного и сельского управления» [1].

Созыву сельского схода предшествовал письменный приказ старосты на имя десятских, которым поручалось оповестить сельских жителей. Вот как крестьяне Вологодского уезда Фетиньинской волости, д.д. Фетиньино и Дмитрияково описывали этот процесс: «Сельский староста приказывает десятскому «огаркать деревню», т.е. позвать мужиков. Десятский, обязанный беспрекословно исполнять приказания сельского старосты, идёт созывать крестьян на сход селенный или сельский. Постукает батоном под окном избы и, когда увидит, что не сам хозяин выглядывает в окно на его «стуканье», кричит: «Гаркни хозяина на сход, староста велел» [2]. Данная процедура была характерна для всех сельских обществ Вологодской губернии [3–7].

Шли крестьяне на сход не всегда охотно, на что в конце XIX в. было обращено внимание участников Вологодского губернского совещания [8]. Однако наблюдалось это не повсеместно. К примеру, для крестьян Степуриной, Авнегской и Ново-Никольской волостей Грязовецкого уезда, а также Богословской волости Вологодского уезда поход на крестьянский сход становился неприятной вещью. Поэтому они посещали их с «большим понуждением» [9, 10]. В результате процедура сбора домохозяев могла затянуться на целый день. В то же время в Фетиньинской волости Вологодского уезда и Погореловской волости Тотемского уезда домохозяева направлялись на общественные «сходки» без всякого на то принуждения [11, 12].

С целью выявления активности посещения крестьянами волостных и сельских сходов была осуществлена произвольная выборка фактического материала по двум уездам Вологодской губернии (Вологодскому и Тотемскому). В пореформенную эпоху стопроцентное посещение крестьянами, имеющими право голоса, общих собраний домохозяев было редкостью (см. таблицу). В среднем оно варьировалось от 67 до 90%. Из представленных в таблице данных этот показатель был выявлен в 23 случаях (74,2%). В четырёх случаях (12,9%) посещаемость достигала от 51,5 до 65,9% от общего числа крестьян, имеющих право голоса на крестьянских сходах. Таким образом, в большинстве сельских обществ вопросы решались при квоте в $\frac{2}{3}$ и более присутствовавших домохозяев от общего числа. Встречались крестьянские сходы, где явка была ниже 50%. Так, 8 января 1895 г. на сельском сходе Заозерского общества Мосьевской волости присутствовало 45,5% домохозяев. Как правило, такие решения отменялись уездным начальником.

По закону, чтобы принятое на общем собрании крестьян решение считалось легитимным, необходимо было присутствие не менее половины лиц, имевших право голоса. Несмотря на это, на территории Вологодской губернии посещаемость крестьянами общественных собраний, как правило, составляла $\frac{2}{3}$ от общего числа домохозяев сельского общества. Причина этого в том, что прописанная в ст. 54 Общего Положения норма законности принимавшихся приговоров на практике претерпела изменения. В частности, для принятия решения по вопросам, прописанным в отмеченной статье, обязательным требованием являлось согласие $\frac{2}{3}$ домохозяев, имеющих право голоса на сходе [13]. В понимании сельских жителей эта норма трансформировалась в то, что на любом сходе для законности приговора необходимо присутствие не менее $\frac{2}{3}$ от всех домохозяев независимо от рассматриваемой проблемы [14].

Одна из причин низкого уровня посещаемости сходов – уход мужчин-домохозяев на заработки и промыслы в соседние уезды и губернии. По данным Всероссийской переписи населения, в 1897 г. во временном отсутствии числилось 51 877 мужчин [15]. Как правило, они покидали свои деревни в осенне-зимний период, после уборки урожая и до начала весеннего посева, но так было не постоянно и не повсеместно. В Чернятинском обществе 27 февраля 1866 г. на сходе присутствовало 100% домохозяев. В Чертинском обществе этот показатель был зафиксирован в январе 1896 г., а по Калининскому обществу посещаемость сельских сходов в январе 1895 г. была выше, чем в декабре 1894 г. Процент присутствовавших на сходах домохозяев зависел от их заинтересованности в обсуждаемом вопросе. Влияла на посещаемость общих крестьянских собраний занятость домохозяев личными делами. К примеру, сельский староста Богоявленского общества на предписание земского начальника первого участка Усть-Сысольского уезда 1 февраля 1883 г. созвать сход, рапортовал, что собрать всех домохозяев в этот день не представляется возможным. Причина тому – многие из них намеревались отправиться на Усть-Вымскую ярмарку [16].

Даже угроза наложения штрафа не всегда активизировала крестьян посетить сходы. Так, на сходе крестьян Богоявленского сельского общества 6 февраля 1883 г. при обсуждении вопроса о разверстке общинной земли из 300 домохозяев присутствовали 214. При этом накануне схода все они через сельского старосту

были ознакомлены с предписанием чиновника Ф.А. Арсеньева о том, что в связи с важностью решаемого вопроса каждый не явившийся будет оштрафован на 50 копеек [17]. Корреспондент Этнографического бюро И.Г. Шадрин в 1897 г. отношении крестьян Борисовской волости Вологодского уезда к обязанности посещать сход охарактеризовал так: «Часто крестьяне стараются как-нибудь отбыть от схода и под тем или иным предлогом остаться дома. Причина этого – малоразвитый интерес к общественным делам, нашедший своё выражение в такой характерной поговорке как «моя изба с краю». Да решат и без меня, – говорил апатично крестьянин, – разве вот стаканчик выпить, – пожалуй» [18].

Посещаемость крестьянами сходов во второй половине XIX в.

Уезд	Волость / общество		Вид схода	Дата созыва схода	Присутствовало	Должно присутствовать	
Вологодский	Богородская волость		Волостной	27 июня 1876 г.	36	50	
				28 ноября 1876 г.	44		
				27 декабря 1876 г.	42		
				20 ноября 1877 г.	42		
				27 января 1880 г.	39		
				22 июня 1880 г.	45	49	
				30 ноября 1880 г.	45		
				24 мая 1881 г.	44		
	Норобовская волость			1 декабря 1896 г.	104	202	
	Богородская волость	Чернятинское общество		Сельский	12 апреля 1864 г.	40	47
					7 апреля 1864 г.	29	
					12 июня 1864 г.	38	
					20 декабря 1864 г.	34	
					27 февраля 1866 г.	47	
					27 декабря 1881 г.	27	34
3 марта 1896 г.					13	13	
	Прокишенское общество		11 января 1896 г.	40	40		
	Чергинское общество		1 октября 1895 г.	64	86		
Тотемский	Куракинская волость		Волостной	7 декабря 1894 г.	59	73	
	Вожбальская волость			8 декабря 1894 г.	105	120	
	Мосъевская волость			11 декабря 1894 г.	45	64	
	Калининская волость	Калининское общество		Сельский	18 декабря 1894 г.	286	434
		Режское общество			21 января 1895 г.	290	
	Куракинская волость	Синеньженское общество			28 декабря 1894 г.	273	320
		Давыдовское общество			22 февраля 1895 г.	308	460
	Вожбальская волость	Вожбальское общество			10 января 1895 г.	15	117
					20 февраля 1895 г.	99	
					5 марта 1895 г.	89	
	Мосъевская волость	Заозерское общество			1 ноября 1895 г.	87	116
					4 января 1895 г.	170	286
					8 января 1895 г.	71	156

Источник: ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1598. Л. 2; Ф. 97. Оп. 1. Д. 62. Л. 13, 16, 37; Д. 227. Л. 3, 4, 7 об., 8, 17, 25, 27 об., 34, 40; Оп. 3. Д. 2. 10 об., 11 об., 13 об., 15, 22; Ф. 679. Оп. 1. Д. 552а. Л. 3, 5, 9, 12, 24, 31, 41, 46, 60, 104, 112, 126, 208.

Законодательством 1860-х гг. право формировать крестьянский сход предоставлялось домохозяевам, т.е. мужчинам. С другой стороны, – в Правительственных манифестах не указан половой состав домохозяев и отсутствует прямое запрещение принимать участие в решении важнейших хозяйственно-административных вопросов внутриобщинной жизни женщинам. Указано лишь, что в случае отсутствия главы семейства в обществе на сходе его мог заменять один из членов семьи. И такие прецеденты встречались. Однако из-за отсутствия в нашем распоряжении достаточного фактического материала, мы не можем указать интенсивность применения в сельском обществе практики передачи права представлять интересы семьи на сходе женщинам.

В конце 1870-х – в 1880-е гг. женщины уже законодательно получили право входить в состав крестьянских сходов в лице домохозяев. В указе 1-го департамента Правительствующего Сената от 13 июня 1878 г. прописывалось: «Положения о крестьянах допускают участие женщин, в качестве домохозяев, в пользовании землею, отбывания за неё повинностей и присутствия их на сходах с правом голоса наравне с мужским населением» [19]. В реальности участие женщин в обсуждении и решении вопросов внутриобщинной жизни на крестьянском сходе на протяжении всего пореформенного периода оставалось на уровне традиций. Иными словами женщины в роли домохозяев приглашались на сход лишь в тех сельских обществах, где это было принято и разрешено местным обычаем.

Факт привлечения женщин в сельских обществах к участию в сходах отмечали и представители Вологодского губернского совещания. В 1890-е гг. земским отделом МВД был организован опрос губернских совещаний на большей части территории Российской империи. Цель этого – выявление возникавших затруднений в функционировании крестьянского управления с последующим пересмотром законодательства о крестьянах. Вопрос № 6 звучал: «...допускаются ли к участию на сходах женщины... Если допускаются, то: а) в каких случаях – при решении всех или некоторых только дел? б) в качестве самостоятельных участников или уполномоченных домохозяев?» На это Вологодское губернское совещание ответило: «Состав сельских сходов на практике определяется, смотря по местным порядкам, в иных обществах при участии женщин, безземельных, недоростков, являющихся за отцов, или жен за мужей. <...> Женщины-домохозяйки в иных местах допускаются на сходы с правом совещательного голоса, также как и безземельные крестьяне, а в иных местах женщины участия в сходах не принимают» [20].

Проанализировав материалы «Этнографического бюро», мы выявили сельские общества, в которых в конце XIX в. (1897–1899 гг.) **обычным правом разрешалось приглашать домохозяев женского пола на сходы.** Вельский уезд, Усть-Вельская волость, Усть-Кулойское сельское общество, д. Нестюковская (Заозерье): «На сходы идут домохозяева и домохозяйки-женщины»; Вологодский уезд, Богословская вол., Песоченский (Песошенский) приход: «Могут на общественном сходе присутствовать и посторонние, если много не мешают, и женщины и даже дети» [21]. Грязовецкий уезд, Ново-Никольская волость, с. Старое: «Женщины, стоящие во главе хозяйства, на селенных сходах присутствуют на равных правах с мужчинами»; Раменская волость, деревни Жерновской и Авнегской волостей, с. Воскресенское Ведерковской волости: «На сходах допускаются присутствовать и посторонние лица, а также и женщины-вдовы, содержащие земельные наделы и хозяйство». Кадниковский уезд, Заднесельская волость: «Незамужние крестьянки и вдовы присутствуют на селенных и сельских сходах в качестве полноправных членов, но на волостных сходах у нас никогда не бывают»; Нижеслободская волость, д. Хмелевская: «Женщины домохозяйки обязательно являются на сход и пользуются теми же правами голоса, что и мужчины» [22]. Тотемский уезд, Спасская волость, Спасский приход и Шевденицкая волость: «Женщина на сельском сходе имеет голос только в таком случае, когда она вдова-домохозяйка при малолетних сыновьях». Усть-Сысольский уезд, Койгородская волость, с. Койгородок: «Можно бывает встретить и посторонних, интересующихся крестьянскою жизнью и изредка, женщин, которым вход также не запрещен» [23].

Встречались общества, где женскому полу допуск был ограничен или совсем закрыт: Вологодский уезд, Фетиньинская волость, деревни Фетиньино, Дмитряково: «На сход редко допускается присутствие женщин и детей, если в них нет нужды для решения какого-либо вопроса» [24]. Грязовецкий уезд, Авнегская волость, д. Дьяконово: «На сходе посторонние женщины не участвуют»; Авнегская волость, местность «Пустыня», д. Попов Починок: «На сходах присутствовать посторонним женщинам не случается» [25]. Тотемский уезд, Калининская волость: «Женщины на сходах не участвуют»; Погореловская волость, д. Погорелово – «Женщины и посторонние лица могут присутствовать на селенном сходе, но это редкостные явления» [26].

Включение женщин в состав крестьянского схода было вызвано развитием общества. Во-первых, к концу XIX в. **повысилась их роль в хозяйственной жизни крестьянской семьи; во-вторых, с увеличением отходничества, все больше мужчин уходило на заработки.** В-третьих, на что указал П.Н. Зырянов, одной из причин отмеченного явления являлось происходившее распадение патриархальных семей [27].

Мы не можем судить о поведении женщин на сельском сходе и их роли в обсуждении внутриобщинных вопросов на общем собрании. Причина тому – отсутствие в нашем распоряжении архивных и этнографических материалов. Единственным источником являются комментарии и описания современников. Так, по их мнению, присутствие крестьянок на сходе не отражалось на обсуждении и принятии приговоров. «Мне не приходилось наблюдать, чтобы участие на сходах женщин-домохозяев вносило бы с собою какие-либо недоразумения или замешательства, – писал С.А. Дедулин, неоднократно посещавший сходы, занимая должность земского начальника, – наоборот, домохозяйки-вдова не раз имела на сходах решающий голос и вообще женщина домохозяйка со стороны однообщественников пользуется полным уважением. К чести подобных женщин, можно сказать, что они на сходах сдержанностью, рассудительностью и трезвостью взгляда, далеко

превзошли однообщественников мужчин» [28]. Исследователь А.А. Чарушин в 1911 г. писал: «К ним – участникам схода мужики относятся не как к равным себе, а скорее насмешливо, иронически, считая присутствие их необходимым разве для счета голосов. «Баба-дура», у которой «волос долог, да ум короток» (отзывались мужики о женщинах. – С.Л.), не признается вообще народом самостоятельной в обсуждении и решении общественных дел...» [29]. А так автор в своем труде представил картину поведения женского пола на общем собрании: «говорят они вообще мало и выступают только по чисто личным делам, защита которых ведется ими однако с большою настойчивостью и жаром. Стоят они обыкновенно отдельно, группою и, если выражают неодобрение против какого-либо решения схода, то поднимают все вместе пронзительный вой и крик» [29].

Итак, в пореформенный период сходы в основной массе формировались из домохозяев мужчин. Как правило, численность участвовавших в общем собрании представителей крестьянских дворов составляла $\frac{2}{3}$ и более от общего числа лиц, имевших право голоса. Уровень посещаемости сходов был не постоянным и варьировался в зависимости от времени года, а также заинтересованности домохозяина в выносимой на общее обсуждение проблемы. В последней четверти XIX в. в сельском обществе наблюдалась постепенная демократизация в формировании сходов. Одним из показателей этого являлось привлечение женщин в работу крестьянских сходов в качестве домохозяев. Несмотря на это, по-прежнему сильна была роль обычного права, регламентировавшего процесс участия последних в общих собраниях.

Источники и литература

1. НАРК. Ф. ф-27. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.
2. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 159.
3. ГАВО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 49. Л. 40 об., 53.
4. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 33, 541.
5. Там же. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 395, 675.
6. Там же. Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 551.
7. Там же. Ч. 4. Тотемский, Устьсысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2008. С. 80.
8. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. Издание земского отдела МВД. Т. 1. Сельское и волостное управление (Вопросы 1–25). СПб.: Тип. МВД, 1897. С. 185.
9. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 542.
10. Там же. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 60.
11. Там же. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 159.
12. Там же. Ч. 4. Тотемский, Устьсысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2008. С. 348.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36657. Ст. 54.
14. Мухин Д.А. Практика проведения сходов крестьянами Вологодской губернии [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2012. № 17 online. С. 160–161. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/17online/> (дата обращения: 15.03.2013).
15. Краткий экономический очерк Вологодской губернии // Ежегодник Вологодской губернии за 1911 г. Вологда: Тип. товарищества «Знаменский и Цветов», 1911. С. 115.
16. НАРК. Ф. ф-40. Оп. 1. Д. 232. Л. 10–10 об.
17. Чупров В.И., Шаньгина В.В. Крестьянская община Коми края во второй половине XIX – начале XX вв. (1861 – февраль 1917 гг.). Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2013. С. 63.
18. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 542.
19. Указ 1-го Департамента Правительствующего Сената от 13 июня 1878 г. за № 4757 // Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах (Особое приложение к Т. IX Закона о состояниях, изд. 1902 г. и по прод. 1906, 1908 и 1909 гг.). 8-е изд. значит. доп., испр. и перераб. СПб.: Тип. МВД, 1911. С. 74.
20. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. Издание земского отдела МВД. Т. 1. Сельское и волостное управление (Вопросы 1–25). СПб.: Тип. МВД, 1897. С. 247.
21. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 33, 542.
22. Там же. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 52, 171, 676, 779.
23. Там же. Ч. 4. Тотемский, Устьсысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2008. С. 81, 443.
24. Там же. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 159.
25. Там же. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 60, 395.

26. Там же. Ч. 4. Тотемский, Устьсысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2008. С. 117, 347.
27. *Зырянов П.Н.* Некоторые черты эволюции крестьянского «мира» в пореформенную эпоху // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1971 г. / Под ред. В.Л. Янина. Вильнюс: «Минтис», 1974. С. 383.
28. *Дедюлин С.А.* Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом. К вопросу о пересмотре законоположений о крестьянах (ответы на вопросы министра внутренних дел). СПб.: Тип. «Бережливость», 1902. С. 91.
29. *Чарушин А.А.* Крестьянские сходы в бытовом их освещении. Архангельск: Губернская типография, 1911. С. 11.

*Т.В. Цилибина**

**Численность и условия пребывания заключенных
в исправительно-трудовых колониях НКВД–МВД Коми АССР
в годы Великой Отечественной войны**

В статье на основе рассекреченной отчетной документации НКВД–МВД Коми АССР за 1941–1945 гг., находящейся на хранении в информационном центре при Министерстве внутренних дел Республики Коми, рассмотрена деятельность исправительно-трудовых колоний.

Ключевые слова: История репрессий, Коми АССР, Великая Отечественная война, заключенные

T.V. Tsilibina

**Number and conditions of stay of prisoners in corrective labour camps
of the People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs
of the Komi ASSR in days of the Great Patriotic War**

On the basis of the declassified accounting documentation of the People's Commissariat of Internal Affairs-Ministry of Internal Affairs of the Komi ASSR for 1941–1945, being stored in the information centre under the Ministry of Internal Affairs of the Komi Republic, the activity of the corrective labour camps is considered.

Key words: history of repressions, Komi ASSR, the Great Patriotic War, prisoners.

Обзор деятельности территориальных органов ГУЛАГа и подведомственных им учреждений на сегодняшний день носит фрагментарный характер и нуждается в серьезной доработке. В данной статье предпринята попытка рассмотреть деятельность исправительно-трудовых колоний на основе рассекреченной отчетной документации НКВД–МВД Коми АССР за 1941–1945 гг., находящейся на хранении в информационном центре при Министерстве внутренних дел Республики Коми.

Ведомственное руководство колониями на данном этапе их деятельности осуществлял Отдел ИТК НКВД–МВД Коми АССР [1]. Спектр выполняемых ими задач был достаточно обширен. В первую очередь, разрабатывался комплекс мер по усилению изоляции осужденных и ликвидации антисоветских проявлений в их среде. Задачи второго блока рассматривали трудовое использование заключенных и предполагали сохранение их физического состояния, комплектование рабочей силы для оборонных строителей и предприятий, организацию производства необходимой для нужд фронта продукции, расширение собственной производственной базы.

На начальном этапе войны в республике были ликвидированы три исправительные колонии: ИТК № 2 в пос. Сидор-Полой, ИТК №3 и ИТК № 4 в г. Сыктывкаре [2]. К началу 1942 г. действующей осталась только ИТК № 1 в пос. Верхний Чов, с 1943 г. начала функционировать Кажимская ИТК (пос. Кажим).

Численность заключенных в подразделениях Отдела ИТК отражена в документах Государственного архива РФ и информационного центра при МВД Республики Коми. Их сравнительный анализ не выявил существенных расхождений в статистических данных, что подтверждает факт достоверности. По состоянию на 1 января 1941 г. в колониях республики находилось 2325 заключенных. На 1 января 1942 г. численность заключенных, отбывающих наказание в колонии № 1, превысила более чем в два раза общую численность контингента, сосредоточенного в тюрьмах, воспитательных колониях и камерах предварительного заключения (КПЗ), и составила 2013 осужденных. Пик наполняемости в колонии был зафиксирован к началу второго квартала 1942 г. – 2558 чел. [3].

Использование заключенных в качестве ресурса для пополнения рядов Красной Армии обусловило интенсивный характер их перемещений. Из материалов декадных сводок о прибытии и убытии заключенных следует, что их численность в пределах одной колонии варьировалась от нескольких сотен до 2 тыс. и более чел.

* **Цилибина Таисья Васильевна** (г. Коряжма) – старший преподаватель кафедры менеджмента, Северный Арктический федеральный университет им. М.В.Ломоносова, филиал в г. Коряжме Архангельской области, t.tsilibina@narfu.ru.

Подобные изменения в численности контингента Верхне-Човской колонии обусловил ее пересыльный статус, который предполагал формирование и отправление в лагеря, расположенные в северных районах республики, а также на другие важные объекты, этапов из физически здоровых заключенных. В 1942 г. около 500 осужденных за мелкие преступления, «бытовики» были освобождены из колонии и отправлены на фронт; свыше 1000 чел. этапированы в лагеря, из них 500 – в Печорлаг [4]. За период с 1 января по 25 июня 1942 г. в колонию прибыло 1876 чел. [5].

По состоянию на 1 января 1943 г. распределение заключенных между исправительно-трудовыми колониями выглядело следующим образом: в Кажимской ИТК отбывали наказание 525 чел., в Верхне-Човской ИТК – 1879 чел. (всего 2404); на 1 апреля – 319 и 2007 чел. соответственно (2326); на 1 июля – 302 и 1839 (2141); на 1 октября – 284 и 1825 (2109) [6].

По состоянию на 1 января 1944 г. численность заключенных в колониях республики составляла 2075 чел., в том числе в Кажимской колонии – 261, в Верхне-Човской – 1814 [7]. Значительное влияние на численность контингента в местах заключения оказал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над фашистской Германией». По состоянию на 1 октября в колониях республики находилось 1530 заключенных или на 38% меньше по сравнению с началом года [8].

Наряду с численностью изменялся и состав контингента. Осужденные различались не только по характеру инкриминируемых преступлений, но и по таким критериям, как пол, возраст, сроки наказания, национальность, а также по физическому состоянию. При этом следует отметить, что основную массу заключенных, содержащихся в колониях, всегда составляли «краткосрочники», осужденные в основном за уголовные и бытовые преступления на срок от одного года до трех лет.

Постоянный приток этапированных в Верхне-Човскую ИТК № 1 обусловил многонациональность сплоченного состава: основную долю заключенных составляли коми и русские, наряду с которыми наказание отбывали поляки, немцы, евреи и пр. [9]. Мобилизация значительной части заключенных-мужчин в ряды Красной Армии и отправка физически здорового контингента на стратегически важные объекты республики обусловили увеличение удельного веса женщин в общей массе заключенных. Если в октябре 1942 г. соотношение мужчин и женщин характеризовалось следующим образом: 62 и 38%; то на 1 октября 1943 г. оно фактически уравнилось – 51 и 49% [10].

Важным аспектом в работе исправительно-трудовых колоний являлась производственно-хозяйственная деятельность. В местах заключения превалировал ручной труд, результативность которого непосредственно зависела от физического состояния осужденных. Для максимального вовлечения рабочей силы в трудовой процесс контингент дифференцировался на категории в зависимости от уровня трудоспособности (годные к тяжелому физическому труду, легкому и среднему труду, инвалиды), в соответствии с которыми должны были формироваться группы трудоустройства («А», «Б», «В» и «Г»). Поступление в колонии больных и ослабленных заключенных в значительной степени затрудняло организацию труда. Только в первом полугодии 1942 г. в Верхне-Човскую колонию было этапировано 1804 чел., в том числе больных пеллагрой – 8,6%; в первом полугодии 1943 г. – 1480, из которых пеллагрозных – 16% [11]. В течение первых трех кварталов 1943 г. в колонии республики поступило 1794 заключенных, из которых 624 чел. (35%) были отнесены к категории годных к физическому труду, 726 (40%) – ограниченно годных и 446 инвалидов (25%). Помимо этого досрочно было освобождено 494 осужденных с диагнозом «неизлечимо больные» [12].

Ослабление физического состояния контингента и как следствие – сокращение выходов на производство стали основанием для проведения соответствующей корректировки групп трудоустройства. Если в 1942 г. на производстве (группа «А») планировалось использовать 85% осужденных, то в 1943 г. – 78,5%, в 1944 г. – 77,3%. Несмотря на то, что отклонения между фактическими и плановыми показателями трудоустройства носили постоянный характер, прослеживается положительная динамика, обусловленная расширенным вовлечением осужденных в трудовой процесс. В первые три квартала 1942 г. распределение осужденных по группам трудоустройства выглядело следующим образом: «А» (занятые на производстве) – 69,6%, «Б» (обслуга и ВОХР) – 15,3%, «В» (неработающие больные и нетрудоспособные) – 13,1% и «Г» (неработающие по другим причинам) – 2,1%. В 1943 г. за аналогичный промежуток группа «А» достигла 71,9%, «Б» – 13,1%, «В» – 10,8%, «Г» – 4,2%. В 1944 г. на производство выходили 75,3% осужденных, при этом хозобслуга сократилась до 9,6%, группы «В» и «Г» – 13,1 и 2,1% соответственно [13].

Планирование хозяйственной деятельности предполагало не только распределение осужденных по участкам работ, но и принятие во внимание непроизводственных издержек. В 1942 г. отказы от работ привели к потере 3 тыс. рабочих дней, в 1943 г. – 6 тыс. рабочих дней. Их основной причиной являлась недостаточная обеспеченность заключенных вещевым довольствием. Подобные просчеты в организации трудового процесса приносили Отделу ИТК весомые убытки. В 1943 г. убыток от суммарных непроизводственных потерь в размере 17 тыс. рабочих дней составил 34 т.р. На сокращении рабочего времени непосредственно сказыва-

лись и частые внутренние переброски осужденных. В 1944 г. подобные перемещения привели к потере 2 тыс. рабочих дней и убытку в 11 т. р. [14].

Приоритетным направлением в деятельности колоний стало выполнение заданий оборонного характера. Спецзаказы включали производство таких видов продукции, как нефтетара, клещевая болванка, лыжи и пр. [15]. Среди подразделений Отдела ИТК ключевое место в выполнении спецзаказов занимала Верхне-Човская колония. В ее структуре выделялись участки в Верхнем и Нижнем Чове, Айкино, а также «Юркино», «Кокыль», «Мирон», «Дасашор» и пр. На участке в Верхнем Чове наряду с лесозаводом, лесными биржами и электростанцией функционировали мастерские разнообразного профиля (столярная, механическая и портновско-сапожная). В 1941 г. в колонии сверх годового плана было изготовлено 574 кубометров клепки, 595 кубометров лыжного кряжа (отрезок нижней части ствола, предназначенный для выработки специальных видов лесопродукции: тары, лыж, шпал. – *Прим. автора*) и 1480 пар лыж [16].

Хозяйственный профиль колоний республики был ориентирован на местные производственные условия, основу которых составляли лесозаготовка и деревообработка. Характерной особенностью лесозаготовительных работ стала их повышенная себестоимость, так как в отсутствие простейших механизмов и тягловой силы основной объем работ выполнялся вручную. В то же время обеспеченность рабочих необходимым инвентарем носила ограниченный характер [17]. Продолжительность рабочего дня на лесных участках составляла 10–12 часов, при этом вопросам организации питания уделялось недостаточно внимания. Значительную долю среди осужденных, направляемых на лесосеки, составляла «стрицаловка» – нарушители режима содержания. Впоследствии именно этот контингент преобладал среди отказчиков от работ [18]. Нормы выработки в расчете на одного заключенного корректировались с учетом физического состояния. Если в 1941 г. эта норма составляла 35 кубов, то в 1944 г. – 26, по плану на 1945 г. – 12. Объемы лесозаготовок неукоснительно сокращались. В Верхне-Човской колонии в 1943 г. планировалось заготовить древесины и дров на 60% меньше, чем в 1941 г., в 1944 г. – на 70% соответственно [19]. Заготовленная в ИТК № 1 древесина путем сплава по р. Човью и вывозки доставлялись в пос. Верхний Чов. В 1943 г. план по заготовке леса был выполнен на 130%, по вывозке – на 115% [20]. На лесопильном заводе древесина разделялась на доски, тарную дощечку, клепку и заготовки для мебели. Основная часть продукции вывозилась в пос. Нижний Чов, где она перегружалась на баржи и доставлялась в с. Айкино, после чего распределялась среди потребителей. Оставшаяся продукция реализовывалась на местных рынках.

Часть осужденных колоний работала по договорам, заключаемым с предприятиями и хозяйственными организациями республики (контрагентские или массовые работы). Согласно директивным указаниям от 11 декабря 1943 г. исправительно-трудовые лагеря не могли выделять рабочую силу хозяйственным организациям других наркоматов даже на контрагентской основе [21]. Альтернативным источником такого рода рабочей силы являлись заключенные колоний, услуги которых использовались на строительстве таких стратегически важных объектов республики, как Печорский узел, порт в п. Канин Нос. Кроме этого, заключенные выполняли работы по нарядам «Стройтреста». В 1942 г. порядка 700 заключенных колонии №1 были отправлены на восстановление Кажимского чугуноплавильного завода, на судовой Вычегодской сплавконторы и пр. [22]. Однако далеко не всегда рабочая сила соответствовала требованиям контрагента. К примеру, в 1942 г. из 500 заключенных, направленных на строительство порта, непосредственно работала только их треть (не более 150–180 чел.). Остальной контингент оказался нетрудоспособным по причине физической истощенности или болезни [23].

Заключенные 3-й и 4-й категорий трудоспособности (годные к легкому физическому труду и инвалиды) были задействованы в подсобном хозяйстве. В Верхне-Човской ИТК подобная рабочая сила обслуживала сельхоз, продукция которого направлялась на нужды колонии. Заключенные выращивали зерновые, картофель и овощи, а также занимались животноводством. Деятельность сельхоза осложняли типичные для подобных учреждений проблемы: нехватка специалистов (агрономов и ветеринаров), низкий уровень агротехнических и ветеринарно-профилактических мероприятий и пр. На начало 1942 г. убытки по сельхозу составили более 82 т. р. [24]. Тем не менее в 1943 г. объем сданных в Отдел снабжения овощей превысил показатель прошлого года на 53% и составил 2788 ц. Для поиска дополнительных источников продовольственного обеспечения организовывались бригады по сбору дикорастущих растений и вылову рыбы. В результате в 1943 г. было заготовлено 50 ц рыбы и собрано 499 ц ягод и грибов [25].

Особое внимание следует уделить создаваемой в исправительных учреждениях социальной инфраструктуре. В большинстве случаев она не отвечала потребностям контингента. В этом можно убедиться на примере Верхне-Човской ИТК № 1. Первое, на что следует обратить внимание, – это условия размещения заключенных. Территория жилой зоны регулярно затапливалась, движение затруднялось в период весенней распутицы. Состояние коммунально-бытовых объектов оценивалось как крайне неудовлетворительное: заключенных размещали в бараках, часть которых не была оборудована нарами вагонного типа, система вентиляции от-

существовала. На отдельных участках (Айкино) опасность представляли бараки, находившиеся в аварийном состоянии. В связи с отсутствием мыла, а также из-за перебоев в работе бань и дезинфекционных камер в колонии наблюдался педикулез заключенных [26].

Актуальной для мест заключения стала проблема ограниченности жилых площадей. Норма жилой площади на одного заключенного составляла в среднем 1,5 кв. м (вместо установленных инструкциями НКВД 2 кв.м). На отдельных участках ИТК № 1 (Мирон и Верхний Чов) жилая площадь не превышала 1 кв. м на человека. Как правило, в местах заключения установленный лимит наполнения не соблюдался. В 1944 г. в ИТК № 1 перелимит составил 13%, Кажимской колонии –31 % [27]. Подобная скученность осужденных сопровождалась антисанитарией.

Помимо крайне неудовлетворительных бытовых условий, весьма ограниченный характер носила обеспеченность контингента одеждой и обувью. Заключенные испытывали недостаток нательного и постельного белья. Люди были вынуждены спать на голых нарах. В зимние месяцы положение с вещевым довольствием усугубляла нехватка ватных фуфаяк и брюк. Вещи, требующие ремонта, сдавались в мастерские. Помимо единственной действующей в ОИТК пошивочной мастерской и сапожной, в колониях организовывались временные мастерские. Несмотря на данное обстоятельство, периодически возникали ситуации, когда ремонт вещей не удавалось завершить к началу зимнего сезона [28].

В колониях, равно как и в лагерях, остро стояла проблема с обеспечением заключенных продовольствием. Питание организовывалось таким образом, что паек определялся исходя из индивидуальной выработки производственных норм. Для работающего контингента было предусмотрено трехразовое питание по второму и третьему котлу; для неработающих и инвалидов – по первому котлу, при этом их рацион был достаточно скудным и малокалорийным. Калорийность пищи не всегда соответствовала установленным нормам ГУЛАГа: по первому котлу – 1469 калорий, по второму – 2482, по третьему – 3081 (данные за 1941 г. и первое полугодие 1942 г.). Для сравнения: в первом квартале 1942 г. калорийность по первому котлу для заключенных ИТК № 1 составила всего 1415 калорий, по второму – 2288, по третьему – 2870 [29]. В некоторые месяцы из рациона осужденных полностью исключались такие продукты, как свежее мясо, рыба, овощи, яйца, крупы, макароны, сахар. Кроме этого, отдельные участки испытывали трудности с доставкой продовольствия. Следствием дефицита продовольствия стало распространение алиментарной дистрофии и пеллагры. Кроме этого, появилась категория «резко истощенных». Например, по состоянию на 2 июня 1942 г. из 1975 отбывающих наказание в Верхне-Човской колонии 25,2% составляли инвалиды, 29,9% – «резко истощенные» и только 21,2% – годные к тяжелому физическому труду [30].

Серьезный ущерб колониям приносили хищения продовольствия, совершаемые недобросовестным персоналом и заключенными. Несмотря на организацию мероприятий в целях борьбы с подобными нарушениями, исключить случаи использования служебного положения персоналом столовой и хозяйственной, равно как и незаконное получение пайков, не удавалось. В наибольшей степени эта проблема затронула участки «Дасашор» и «Кокыль» [31].

Больные и ослабленные заключенные нуждались в своевременном и качественном лечении, однако уровень санитарного обслуживания был достаточно низким. Среди распространенных заболеваний числились пеллагра и болезни органов кровообращения (порок сердца), туберкулез и воспаление легких. В декабре 1944 г. в местах заключения зафиксировали вспышку сыпного тифа. Однако отсутствие специальных лечебных учреждений не позволяло проводить оперативную госпитализацию больных и оказывать медицинскую помощь в полном объеме. К примеру, единственная больница в ИТК № 1 находилась в неудовлетворительном состоянии, аптека не располагала необходимым набором медикаментов. В дополнение к действующему стационару на участке Верхний Чов (на 100 коек) был организован стационар на участке «Мирон» (на 30 коек). Как правило, в подобных местах размещали прибывших с этапов заключенных, больных хроническими заболеваниями, ослабленных и истощенных. Немаловажной составляющей их лечения, а также восстановления здоровья должно было стать полноценное питание. Как правило, рацион состоял из минимального набора продуктов: рис, манная крупа, мясо, редко – печень, сливочное и растительное масло, молоко, сушеная черника и пр. [32].

Результатом физической истощенности контингента и неудовлетворительного санитарного обслуживания стал рост смертности в местах заключения. Уже в третьем квартале 1941 г. показатель смертности по Отделу ИТК Коми НКВД превысил аналогичный показатель второго квартала: 0,34% (4192 чел.) и 0,18% (2491 чел.) соответственно. В январе 1942 г. смертность по ОИТК составила 0,93%, в январе 1944 г. – 0,99% и в течение года оставалась на достаточно высоком уровне – 1,69%; в январе 1945 г. – 1,11% [33].

Декадные сводки информационного центра при МВД Республики Коми позволили проследить динамику смертности по отдельным колониям. Большинство летальных исходов было зафиксировано в ИТК № 1. За три первых квартала 1942 г. здесь умерло 623 чел. или 26% к среднесписочному составу; за аналогичный пе-

риод 1943 г. – 458; в Кажимской колонии – 279 и 73 соответственно. Умершие, как правило, были инвалидами и неработающими от 20–40 лет и находились в колонии не более трех месяцев. Очевидно, что первые месяцы пребывания в колонии были наиболее сложными для адаптации [34].

Организация режима и охраны контингента в исправительно-трудовых колониях имела свою специфику. В результате неоднократных обследований специально созданные комиссии отмечали целый ряд нарушений. Большинство замечаний сводилось к халатному исполнению должностных обязанностей со стороны руководства колоний и их подчиненных. По итогам одной из проверок в ноябре 1942 г. «за неудовлетворительное обеспечение руководства Верхне-Човской ИТК» был освобожден от должности начальник ОИТК А.А. Прокуратов. Довольно распространенным нарушением в организации режима было рукоприкладство со стороны охраны и администрации колонии. В 1942 г. за подобные случаи к уголовной ответственности было привлечено девять человек. Начальник участка Марков «ввиду маловажности преступления», повлекшего за собой смерть заключенного, был уволен с работы [35].

Наиболее распространенной формой нарушений режима со стороны заключенных являлись побегі, среди прочих – отказы от работы, хищения и кража имущества, хранение запрещенных предметов, сожительство, распитие спиртных напитков, рукоприкладство и пр. [36]. Частота побегов, в первую очередь, зависела от сезонного фактора: численность беглецов возрастала в летний период. Следует учитывать и такие косвенные факторы, как недостаточная освещенность территории, некомплект личного состава охраны, халатность со стороны отдельных сотрудников, бесконтрольное расконвоирование осужденных. Только за первое полугодие 1942 г. из Верхне-Човской колонии бежало 30 осужденных. Несмотря на поступающие сигналы о готовящихся побегіх, руководство колоний не принимало оперативных мер для их предотвращения. В 1943 г. из подразделений ОИТК бежало 45 заключенных, из них четыре находились в бегах; в 1944 г. – 52 и 10 соответственно [37].

Великая Отечественная война обусловила существенные изменения в деятельности исправительно-трудовых колоний НКВД–МВД Коми АССР. Напряженные условия военного времени главным образом отразились на ухудшении условий жизнедеятельности и интенсификации труда осужденных. Наряду с приемом и этапированием заключенных, исправительно-трудовые колонии осуществляли принудительное использование дешевой рабочей силы в решении важных для республики хозяйственных задач.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 871. Л. 20; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник / Сост. М.Б. Смирнов; Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. С. 529; URL: <http://11.fsin.su/istoriya-uis-komi/> (дата обращения: 27.09.2013).
2. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1162. Л. 19, 103.
3. Информационный центр при Министерстве Внутренних дел Республики Коми (далее – ИЦ при МВД РК). Ф. 32. Оп. 1п. Д. 203. Л. 3–4, 13; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. С. 534.
4. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 18; *Кызыюров Л.А.* Колония смертельного режима (из истории Верхне-Човской исправительно-трудовой колонии) // Покаяние: Мартиролог в 8 т. / Сост. М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2000. Т. 3. С. 332.
5. НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 24.
6. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 15. Л. 84; Д. 394. Л. 60–61; ИЦ при МВД РК. Ф. 32. Оп. 1п. Д. 203. Л. 40; Д. 228. Л. 2–3, 29–30, 57–58, 84–85.
7. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 418. Л. 1–2; ИЦ при МВД РК. Ф. 32. Оп. 1п. Д. 228. Л. 107.
8. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 436. Л. 1, 59.
9. НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 25 об.; Кызыюров Л.А. Указ. соч. С. 334–335.
10. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 15. Л. 84; Кызыюров Л.А. Указ. соч. С. 332–333.
11. *Кызыюров Л.А.* Указ. соч. С. 341.
12. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 15. Л. 84.
13. Там же. Л. 78, 82; Оп. 1. Д. 3143. Л. 97; Д. 3144. Л. 295–296.
14. Там же. Оп. 1. Д. 2005. Л. 71–72; Д. 3143. Л. 98–99; Д. 3144. Л. 296.
15. НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 100. Л. 60.
16. Там же. Д. 128. Л. 2–2 об., 16, 28.
17. Там же. Л. 10 об.–12, 16; Д. 130. Л. 83.
18. Там же. Д. 128. Л. 10–12 об., 42–43.
19. Там же. Д. 130. Л. 29–29 об.
20. Там же. Л. 5 об.–6.
21. *Упадышев Н.В.* ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад: Монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. С. 201.
22. *Кызыюров Л.А.* Указ. соч. С. 332.
23. Покаяние: Мартиролог. Т. 3. С. 143.

24. НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 35; Д. 129. Л. 6, 23.
25. ГАРФ. Оп. 1а. Д. 15. Л. 83; *Кызыюров Л.А.* Указ. соч. С. 336.
26. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3144. Л. 296; ИЦ при МВД РК. Ф. 21. Оп. 1п. Д. 33. Л. 101; Д. 34. Л. 9; НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 22–23, 26.
27. ИЦ при МВД РК. Ф. 21. Оп. 1п. Д. 33. Л. 101 об.
28. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 15. Л. 86; Оп. 1. Д. 1878. Л. 184; НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 30–31.
29. НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 24 об.
30. Там же. Л. 24.
31. Там же. Л. 48–49, 77; *Кызыюров Л.А.* Указ. соч. С. 340.
32. НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 24.
33. Там же. Л. 24 об.; Д. 129. Л. 18–20; Д. 130. Л. 32.
34. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2784. Л. 12, 21; Д. 2796. Л. 106–109; Д. 2804. Л. 3–6; Д. 3144. Л. 296.
35. Там же. Д. 2782. Л. 2, 108; Оп. 1а. Д. 15. Л. 84; НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 25–25 об.; ИЦ при МВД РК. Ф. 32. Оп. 1п. Д. 203. Л. 3–4, 13, 22, 31, 40; Д. 228. Л. 2, 29, 57, 84, 107, 109; *Кызыюров Л.А.* Указ. соч. С. 341.
36. *Кызыюров Л.А.* Указ. соч. С. 332–333.
37. НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 69.
38. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3144. Л. 99, 296; ИЦ при МВД РК. Ф. 32. Оп. 1п. Д. 33. Л. 101; Д. 34. Л. 9–9 об.; Д. 228. Л. 3, 85, 109; НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 22–23; Д. 130. Л. 32.

*В.Н. Бубличенко**

Численность беспризорных на Европейском Севере России в 1940-е годы

В статье анализируются динамика численности и социальный состав беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних в 1940-е гг. на Европейском Севере, рассматриваются деятельность приёмников-распределителей и мероприятия государственных органов власти по ликвидации беспризорности и безнадзорности среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: беспризорные, безнадзорные, приемники-распределители, Архангельская область, Вологодская область, Коми АССР.

V.N. Bublichenko

Number homeless in the European North of Russia in the 1940-s

The dynamics of number and social composition of homeless and neglected minors in the 1940-s in the European North is analyzed, the activity of receivers-distributors and activities of state power structures for liquidation of homelessness and neglect among minors is considered.

Key words: homeless, neglected, receivers-distributors, the Arkhangelsk region, the Vologda area, the Komi ASSR.

Одним из сложных и противоречивых периодов для Советского Союза стали 1940-е гг. В то время как первая половина десятилетия была связана с отражением фашистской агрессии, когда все силы и средства страны были мобилизованы на достижения победы над врагом, во второй половине требовалось не только вести работу по ликвидации последствий войны, но и изыскивать силы для развития государства.

Как военные, так и послевоенные годы привели к кардинальным изменениям во всех сферах общественной жизни страны. При этом не будет преувеличением сказать, что социальные отношения подверглись наибольшему воздействию. В контексте сказанного прежде всего следует обратить внимание на институт семьи. В то время как взрослое население сражалось на фронтах, трудилось в тылу, обеспечивая армию и флот всем необходимым, затем восстанавливало разрушенное хозяйство, подростки оставались вне воспитательного воздействия. В связи с этим актуальной задачей отечественной науки является исследование, прежде всего, численности и состава внесоциальной советской молодёжи военного и послевоенного периода, что позволяет оценить масштабы беспризорности и безнадзорности, выявить общие тенденции и закономерности данных процессов. Это особо важно в современных условиях, когда институт семьи переживает кризис. Следует отметить, что ряд исследователей на основе новых источников проанализировали различные аспекты беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних в Советском Союзе различных временных периодов [1]. В то же время 1940-е гг. не нашли широкого освещения в исследовательской литературе.

Безусловно, перед советским руководством стояла сложная задача принятия адекватных мер по ликвидации указанных явлений, поскольку речь шла о будущем поколении страны. Следует отметить, что они принимались. Отметим некоторые из них. В январе 1942 г. было принято Постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», которое предусматривало устройство несовершеннолетних и предотвращение беспризорности среди них в случае сиротства или потери родителей при переезде в другую местность. На НКВД СССР возлагались ответственность по выявлению таких подростков и размещение их в приёмники-распределители, увеличив количество таких учреждений. Предусматривались и другие меры, позволяющие организовать воспитание оставшихся без родительского попечения подростков [2]. Важным этапом стала организация в 1943 г. Отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорности (ОБДББ), подчинявшегося Наркомату внутренних дел Советского Союза. Это была не простая структурная реорганизация. Созданное подразделение имело свои четко определенные функции и задачи, было наделено широкими полномочиями.

* **Бубличенко Владимир Николаевич** (г. Ухта) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Ухтинского технического государственного университета, vbublichenko@mail.ru.

При анализе общей численности несовершеннолетних, которые оказались беспризорными и безнадзорными, исследователь в первую очередь сталкивается с проблемой выработки методики анализа. Связано это с тем, что решением указанной проблемы занимался ряд государственных структур. Так, в Вологодской области, кроме созданного 25 июля 1943 г. Отдела по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью, аналогичные задачи выполняли детское отделение при уголовном розыске Управления милиции и Отдел службы при нём [3]. Таким образом, объединяя различные структуры одного ведомства, в Коми АССР МВД республики привлекало к решению проблемы детской беспризорности и безнадзорности Министерство просвещения, Управление трудовых ресурсов, партийные и комсомольские организации [4]. С одной стороны, это свидетельствует, что проблема решалась комплексно, но, с другой стороны, требовалась четкая координация между государственными учреждениями, имеющими различную ведомственную принадлежность, выполняющими различные функции. Вызывает сомнение, что это взаимодействие находилось на высоком уровне. Следствием такого положения становились противоречия в отчетных документах, относящихся к численности беспризорных и безнадзорных подростков.

Кроме того, в приёмниках-распределителях выявленные на улице подростки должны были находиться непродолжительное время. Затем их распределяли в другие государственные учреждения. Такое положение создавало трудности в учете, не позволяя однозначно определить их точную численность. Содержащиеся в отчетных документах данные могут быть только относительными, что несколько не ставит под сомнение их подлинность, но создает проблему правильности в оценивании. Несмотря на то, что в трудовых колониях несовершеннолетние находились дольше (как минимум, по требованиям законодательства, до трех месяцев), полностью выделить в них отдельно контингент беспризорных и безнадзорных не всегда представлялось возможным, что было связано со спецификой отчетной документации.

В своих оценках численности внесоциальной молодежи Советского Союза в 1940-е гг. автор предлагает исходить из следующих критериев. Во-первых, имеющаяся источниковая база является неполной, что связано с объективными обстоятельствами ее формирования. Поэтому итоговый показатель численности беспризорных и безнадзорных подростков в указанный период будет носить оценочный характер, возможно, близкий к реальному. Во-вторых, региональная компонента указанной проблемы позволяет проследить динамику изменения численности внесоциальной молодежи на протяжении как короткого времени (от месяца до квартала), так и длительного (от года до нескольких лет). В-третьих, комплекс источников по заявленной проблеме носит вполне репрезентативный характер, что позволяет выявить общие тенденции закономерности и сделать вполне обоснованные выводы.

По выявленным архивным данным, за период 1944 г. в детские трудовые воспитательные колонии Советского Союза прибыло 33 144 беспризорных и безнадзорных подростков [5]. При этом почти половина из них попали в учреждения в связи с занятием бродяжничеством. В то же время в приемники-распределители страны в первом квартале 1944 г. поступило 69 826 подростков [6]. Следовательно, в рассматриваемый период уровень детской беспризорности и безнадзорности может быть оценен примерно в 102 970 чел. В данном случае не учтены несовершеннолетние, которые не были охвачены органами государственной власти, но также находились вне семейного воспитания. Данный контингент подсчитать не представляется возможным, поскольку они не были учтены в ведомственных документах. Одновременно необходимо более подробно остановиться на динамике численности и составе беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних в 1940-х гг., уделяя основное внимание приемникам-распределителям, что связано с тем, что именно они в первую очередь вели учет и распределение данного контингента в другие учреждения страны. Данную проблему рассмотрим на примере Европейского Севера.

Следует отметить, что к началу 1940-х гг. на указанной территории ситуация с беспризорностью и безнадзорностью стабилизировалась, контингент подростков данной категории был незначительным. Приведем динамику движения несовершеннолетних по приемникам-распределителям, расположенным в Архангельской области за 1940 г. (табл.1).

Таблица 1

Движение несовершеннолетних по приемникам-распределителям Архангельской области за 1940 г.

Приемник-распределитель	I квартал		II квартал		III квартал		IV квартал	
	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло
Архангельский	128	115	123	139	120	113	91	90
Котласский	35	39	68	76	42	42	50	52
Итого:	163	154	181	215	162	155	141	142

Источник: Архив ИЦ УВД АО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

Анализ данных табл. 1 свидетельствует, что численность подростков областных детприемников при расчете их среднеквартирной наполняемости составляла 162 чел., достигая своей максимальной величины во втором квартале и постепенно снижаясь к концу года до минимального уровня.

Наиболее приемлемым объяснением данной закономерности могут служить природно-климатические условия Архангельской области, когда подростки для своего перемещения в весенне-летний период использовали не только железнодорожный, но и водный транспорт. Наступление зимы сокращало число детей из отдаленных от железных дорог районов, что и приводило к их сокращению в детприемниках области в четвертом квартале [7].

Война с фашистской Германией привела к значительному увеличению число детей, оставшихся без родительского попечения и попавших под влияние улицы. Специфику движения несовершеннолетних по детским приемникам-распределителям на Европейском Севере в 1943 г. рассмотрим на примере квартального движения подростков по ДПР Архангельской и Вологодской областей (табл. 2).

Таблица 2

Квартальное движение детей по приемникам-распределителям Архангельской и Вологодской областей в 1943 г.

Параметр	Архангельская область				Вологодская область			
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.
Число детей на начало квартала	342	243	288	168	171	273	304	273
Всего прибыло	313	303	433	344	545	860	947	1029
Всего выбыло	402	190	677	390	443	824	978	1056
Трудоустроено	27	27	62	25	14	24	36	273
Отправлено в ДТВК	–	–	–	61	–	–	–	23

Источник: ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 5.

Табличные данные подтверждают среднегодовую тенденцию увеличения числа размещенных в областные распределительные учреждения задержанных подростков, что позволяет сделать вывод о региональном численном росте в 1943 г. беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних. Лидирующее положение в данном процессе занимала Вологодская область, что может быть обусловлено ее расположением на пересечении железнодорожных транспортных путей, связывающих Москву, Ленинград, Архангельск, Коми АССР и другие районы страны. Заметим, что к концу года улучшилась работа областных детских приемников-распределителей по отправке задержанных подростков из них в другие учреждения.

Нельзя не отметить, что в 1943 г. при задержании подростков на улице территориальными органами милиции в целом по стране было выявлено 210 414 беспризорных и 280 795 безнадзорных несовершеннолетних [8]. Анализ работы в 1944 г. органов внутренних дел Вологодской области по ликвидации беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних свидетельствует о более частом задержании безнадзорных, чем беспризорных [9]. Снижение в 1945 г. в Вологодской области уровня безнадзорности приводит к уменьшению подростковой беспризорности, что, впрочем, только подтверждает взаимосвязанность данных явлений. В то же время в отдельных регионах Европейского Севера наблюдалась другая тенденция. Так, в 1944–1945 гг. в Коми АССР беспризорных несовершеннолетних было больше, чем безнадзорных, что свидетельствует о том, что в ДПР в основном попадал данный контингент подростков.

При характеристике возрастного состава несовершеннолетних, задержанных органами внутренних дел в годы войны и переданных в приемники-распределители Европейского Севера, наибольшее число составляли лица мужского пола средней возрастной группы. Данная ситуация объяснялась половозрастными особенностями несовершеннолетних. Юноши среднего возраста легче других могли покинуть семью, попадали под влияние улицы, а затем в приемники-распределители.

Следует отметить, что социальный состав беспризорных и безнадзорных подростков на Европейском Севере в первой половине 1940-х гг. не отличался разнообразием. Так, в начале 1943 г. в Архангельской области к внесоциальной молодежи относились как дети рабочих, так и колхозников, причем преобладание одной группы над другой зависело от экономической ситуации в каждом конкретном районе. Национальный состав подростков, помещенных в распределительные учреждения области, не отличаясь разнообразием, характеризует преобладание русскоязычного населения среди несовершеннолетних как в регионе, так и в близлежащих областях. Задержания детей карелов и финнов являлись единичными случаями [10].

Послевоенные годы не стали временем снижения численности несовершеннолетних в приемниках-распределителях. Материальные и бытовые трудности многих семей, голод в 1946–1947 гг. на большей части страны привели к увеличению числа подростков, потерявших связь с родителями. По данным историка М. Зезиной, в январе 1946 г. в детских трудовых колониях страны находилось около 20% таких детей, в отдельных областях складывалась критическая ситуация. Например, в Молотовской и Вологодской областях

этот показатель достигал 70%, в Смоленской – приближался к 90% [11]. Увеличение численности несовершеннолетних в приемниках-распределителях МВД Советского Союза продолжалось до 1947 г. В июле в них содержалось 41 130 чел. [12], что почти на 70% превышало их лимитную ёмкость.

Анализ динамики движения несовершеннолетних через приемники-распределители Вологодской области в период 1944–1948 гг. свидетельствует, что снижение контингента в учреждениях, имевшее место в 1945 г., носило временный характер. На протяжении двух последующих лет наблюдалась тенденция его увеличения, достигнув к 1947 г. своего максимума. В следующем году численность подростков в данных учреждениях области уменьшилась на 53%, что, очевидно, связано с изменением социально-экономической ситуации в целом по стране (табл. 3).

Таблица 3

Динамика движения несовершеннолетних по детским приемникам-распределителям НКВД – МВД Вологодской области в 1944–1948 гг.

Параметр	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	Итого
Прибыло за год	3840	3236	3521	4804	2530	17931
Убыло за год	3746	3317	3389	4644	2786	17882

Примечание: Убыль воспитанников за 1946 г. и итоговый показатель подсчитаны автором.

Источник: Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 19. Л. 180, 181. Д. 21. Л. 168. Д. 32. Л. 137.

Таким образом, как в целом по стране, так и на Европейском Севере России в 1940-е гг. шли сложные социальные процессы, которые способствовали увеличению контингента беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних. Они были вызваны как внешнеполитическими, так и внутривнутриполитическими факторами. Носили объективный характер. Государственные учреждения, выполняя нормативные распоряжения органов власти, стремились локализовать и ликвидировать беспризорность и безнадзорность среди несовершеннолетних. Несмотря на невозможность получить полные данные о численности внесоциальной молодежи в рассматриваемый период, общие тенденции вполне возможно выявить и использовать их в практической деятельности.

Источники и литература

1. Афанасова Е.Н. История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920–1930-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук; *Верхотурова Т.Г.* О мероприятиях советской власти по ликвидации детской беспризорности в Енисейской губернии в 1920–1930 гг. // Власть и общество: проблемы взаимодействия и противостояния. Материалы межрегиональной конференции с международным участием. Красноярск, 2007. С. 41–49; *Войткевич И.Н.* История беспризорности в России в 20-е годы XX века // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2; *Пархоменко И.К., Кишкова Л.К.* Роль органов внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью в предвоенные годы // Военно-юридический журнал. 2009. № 2 и др.
2. Дети ГУЛАГа / Сост. С.С. Виленский и др. М., 2002. С. 376–377.
3. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 23. Л. 231.
4. Там же. Д. 28. Л. 95–97.
5. Там же. Д. 17. Л. 1.
6. Там же. Д. 35. Л. 2.
7. Архив Информационного центра УВД Архангельской области (Архив ИЦ УВД АО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
8. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 35. Л. 44.
9. Подробнее см.: *Бубличенко В.Н.* Создание и развитие детских закрытых учреждений НКВД–МВД СССР на Европейском Севере России. Ухта: УГТУ, 2010. С. 107–108.
10. Подробнее см.: Архив ИЦ УВД АО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 1 об., 2, 2 об., 4, 4 об., 8, 8 об., 9, 9 об.
11. *Зезина М.* Без семьи. Сироты послевоенной поры // Родина. 2001. № 9. С. 82.
12. Там же. С. 84.

*Н.А. Морозов**

История социально-демографического развития Воркуты

В статье рассматривается история формирования населения Воркуты, анализируются половозрастной и социальной состав заключенных и вольнонаемных граждан Воркутлага, причины высокой смертности заключенных, особенности регистрации рождения детей, родившихся в местах лишения свободы, и регистрации брака у вольнонаемных и заключенных.

Ключевые слова: Воркута, ГУЛАГ, население, смертность, 1930–1950-е гг., заключенные, регистрация рождения, регистрация брака.

N.A.Morozov

History of social-demographic development of Vorkuta

The history of formation of the population of Vorkuta is considered, the sex-age and social composition of prisoners and civilian citizens of Vorkutlag, the reason of high death rate of prisoners, peculiarities of birth registration of children born in places of imprisonment, and registration of marriage in civilians and prisoners are analyzed.

Key words: Vorkuta, GULAG, population, death rate, the 1930-50-s, prisoners, birth registration, marriage registration.

В современных исследованиях принято считать, что социально-экономическая ситуация вторична по отношению к демографической ситуации, поскольку воспроизводство населения влияет на все социально-экономические процессы, прежде всего, на состав и качество трудовых ресурсов, более широко – на трудовой потенциал населения региона. Для северных городов свою роль играет специфическая система расселения и размещения населения, экономико-географическое положение, место территории и населения в геополитической структуре северного (субарктического) вектора российской политики [1]. На развитие социально-демографических процессов влияют историко-культурный потенциал, традиции, обычаи и привычки большинства населения, тип организационной культуры, модель зрелости территориального (муниципального) управления.

В научных публикациях региональным демографическим процессам уделяется внимание в трудах исследователей В.В. Фаузера, В.И. Коротяева, Л.А. Максимовой, Е.Н. Рожкина. Социально-демографическая проблематика затрагивается также в общих работах по истории Коми края и Европейского Севера России (И.Л. Жеребцов, Н.А. Морозов, М.В. Рогачев, Н.В. Упадышев, Г.Ф. Доброноженко, Н.М. Игнатова и др.). На основе значительного опубликованного статистического материала, прежде всего, переписей населения, статистических отчетов структурных подразделений объединения «Воркутауголь» за 1930–1950-е гг., а также огромного количества мемуарной и публицистической литературы, материалов, появившихся в средствах массовой информации (краеведческий альманах «Дым отечества») и т.д., исследователи пришли к нескольким важным итогам. Прежде всего, дана достаточно полная характеристика основным социально-демографическим процессам в регионе [2]. Во-вторых, отмечена связь демографических процессов с социально-экономическим положением регионов (по Воркуте эта связь намечена пока в самых общих чертах, например, в публикации В.И. Ильина о социальной стратификации Воркуты периода 1930–1950-х гг.) [3]. В-третьих, ученые настойчиво и обоснованно говорят о необходимости принятия долгосрочной демографической стратегии в отношении северных городов России, в том числе Воркуты.

На сегодняшний день отсутствует единство мнений о приоритетах демографической политики, нет глубокого анализа историко-демографических аспектов возможной стратегии, и в имеющейся нормативно-правовой базе историко-культурному и социально-демографическому аспектам не уделено достаточного внимания (см. Концепцию социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Воркута» на 2010–2015 годы и на период до 2020 года, Приложение к решению Совета МО ГО «Воркута» от 30 ноября 2010 года № 551).

* **Морозов Николай Алексеевич** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российского университета кооперации (Сыктывкарский филиал), moroz_03@rambler.ru.

Изначально население Воркуты составляли люди подневольного труда. В 1932 г. здесь насчитывалось около полутора тысяч заключенных Усинского отделения Ухто-Печорского ИТЛ. Фактическая рабочая сила Воркутинского отделения Ухтпечлага (с. Кочмесом) в начале 1-го квартала 1935 г. составляла 3566 чел., в начале 2-го квартала – 3552, начале 3-го – 3221 и начале 4-го – 3731 чел. На 1 июня 1935 г. на руднике Воркута числились 812 чел. (на 1 января – 1747 чел.), в сельхозе Кочмес – 520 чел. (267 – на 1 января). На 1 января 1936 г. в отделении насчитывалось 3850 заключенных и вольнонаемных (с перевалочными базами в Абези и Адзьве, трудколлонной судоремонтного предприятия в Покче), в том числе на руднике Воркута – 1747 (без буровиков), воркутинской железной дороге (ВЖД) – 601 и базе Воркута-вом – 461 чел., итого 2809 чел. (78,5% от общей численности списочного состава отделения). За год из отделения убыло 2470 чел., в том числе 1056 освободились по окончании срока заключения, и 1235 чел. ушли в другие подразделения лагеря, 179 чел. умерли. Прибыли этапами 2754 заключенных, в том числе 433 чел. в июне и 848 чел. в июле 1936 г. В мае 1936 г. из-за тяжелых условий труда и быта уволились 100 чел. вольнонаемного состава [4].

По сведениям историка А.Н. Каневой, в 1937 г. на Воркуте было 12122 заключенных из 58000, находившихся в Ухтпечлаге [5]. На момент организации Воркуто-Печорского ИТЛ (1 июля 1938 г.) численность заключенных достигла 15009 чел., на 1 января 1939 г. – 17923 (рост 12%), на 1 января 1940 – 16509 (часть заключенных была освобождена), на 1 января 1941 г. – 19080, на 1 июля 1941 г. – 27393 чел. (рост 15%). В 1937 г. с началом строительства шахты № 1 «Капитальная» напротив поселка Рудник на левом, противоположном берегу реки, возникло второе шахтерское поселение – поселок Воркута. В 1938 г. открылась первая средняя школа Воркуты [6]. За годы Великой Отечественной войны численность населения города и окрестностей выросла с 30 до 80 тыс. чел. В 1943 г. здесь, по данным В.В. Фаузера, проживали 25000 заключенных и 7000 вольнонаемных [7]. Состав работников заметно изменился за счет появления новых категорий – каторжников, мобилизованных немцев, «окруженцев», бывших военнослужащих вермахта, бойцов и командиров национальных антикоммунистических формирований.

На 1 января 1945 г. списочный состав Воркутлага состоял из 29953 заключенных, 9036 каторжан, 6631 мобилизованных немцев, 10223 вольнонаемных, всего 55843 чел. В 1945–1947 гг. Воркутлаг достиг максимума численного состава заключенных – 60000 чел., были построены 10 новых лаготделений (98 жилых бараков на 10000 заключенных, 72 жилых дома – в том числе 49 кирпичных). В послевоенный период резко увеличивается количество политзаключенных, которых сосредоточили в Речлаге – особом лагере для государственных преступников. В конце 1948 г. в нем было 6654 политзаключенных, в 1949 г. – 25024, в 1951 г. – 35459, в 1952 – 35451, на 1 августа 1954 – 37654 чел. [8]. Выросло и количество вольнонаемных, но главным образом за счет механических передвижений внутри Воркутинского комплекса – освобождавшихся заключенных оставляли работать на предприятиях комбината Воркутуголь. Конечно, было много мигрантов из других районов страны. Точное соотношение внутренних перемещений и внешних миграционных потоков рассчитать невозможно из-за отсутствия достаточной статистической базы.

Естественный прирост был незначительным – по нашим подсчетам, с использованием метода обратной проекции, в среднем за 1940-е гг. по 350 новорожденных от заключенных женщин и каторжанок и по 250 новорожденных от вольнонаемных женщин (подчеркнем, что значительную их часть составляли бывшие осужденные). В то же время смертность составляла по несколько тысяч человек в год. В 1949 г. численность вольнонаемного населения Воркуты достигла 40000 чел., но лишь 29000 из них имели гражданские права в полном объеме. Управленческая элита составляла 1350 чел., в том числе инженерно-технических работников насчитывалось 716 чел. (из них 258 – бывшие заключенные). Вплоть до ликвидации Воркутлага сложившаяся структура населения не менялась [9].

Половозрастной состав населения Воркуты реконструировать сложно. Большую часть его составляли мужчины в трудоспособном возрасте (от 18 до 55 лет). В силу ряда причин количество женщин, отправленных в лагерь, было относительно небольшим. Согласно официальной статистике ГУЛАГА, в 1942 г. они составляли 13% списочного состава заключенных по всем ИТЛ, а в 1945 – 30%, не в последнюю очередь благодаря закону 1940 г. о запрете самовольно уходить с рабочего места, от этого в основном пострадали молодые люди. В 1948 г. женщины составляли 22%, в 1951–1952 гг. – около 17% списочного состава подневольной рабочей силы ГУЛАГа. Естественно, что в лагерях производственного или транспортного назначения их численность было ничтожно малой, их поначалу размещали в отдельных бараках мужских зон, а затем постепенно переместили в женские зоны («командировки», лагпункты) [10].

Первые воркутинские женские лагпункты были созданы при сельхозе Кочмес и при кирпичном заводе, который был построен на трассе Воркутинской узкоколейной железной дороги. В августе 1935 г. женщины-заключенные выработали 3600 штук кирпича, в сентябре – 9600, в октябре – 12000 и опять 3600 в ноябре [11]. Женский лагпункт в с. Адзьва-вом осенью 1937 г. был на специальном режиме («закрытом», т.е. без права переписки), в нем разместили около ста жен ЧСИР (членов семей изменников родины) с Кавказа, там были

армянки, грузинки, лезгинки, ингушки, кабардинки, среди них были представители творческих профессий, интеллигенция – артистки, балерины, режиссеры, певицы [12]. В инвалидном лагпункте Адак также с 1937 г. был дом для детей, родившихся от репрессированных матерей, первое учреждение такого рода в районе Воркуты.

С развитием Воркуто-Интинского промышленного района на 1 января 1943 г. в пяти сельхозах и трех кирпичных заводах Воркуты (сельхозы Центральный, Западный, Пригородный, Заполярный, Усинский, Победа) при списочном составе 27793 заключенных было 1355 женщин (0,05%). На 1 марта 1952 г. из 38595 заключенных их было уже 3242 (0,08%). Интересно сравнить эти показатели с другими лагерями, расположенными в Коми АССР. Например, на 1 января 1943 г. в Интинском лагере из 6644 заключенных было всего 427 женщин (0,06%), в Севжелдорлаге из 29741 заключенных было 2709 женщин (0,08%), в Устьвымлаге из 24245 заключенных 2104 составляли женщины (0,055%), в Ухто-Ижемском лагере насчитывалась 1281 женщина из 22827 заключенных (0,08%), а на 1 мая 1952 г. в этом же лагере из 32188 заключенных было уже 4614 женщины (около 0,2%) [13].

Численность населения Воркуты на 10 мая 1953 г.

Население	Муж.	Категории по труду			Жен.	Категории по труду		
		1-я	2-я	Инв.		1-я	2-я	Инв.
Начальствующий состав	493				102			
Вольнонаемные	997				98			
Заключенные	11914	6603	4507	804	758	605	105	48
Каторжане	17173	10581	4034	2558	929	238	563	128
Итого:	29087	17184	8541	3362	1687	843	668	176

Подсчитано автором по: ГАРФ. Ф.Р.-9414. Оп. 1. Д. 173. Л. 6, 8–9.

Как видно из таблицы, на 10 мая 1953 г. население Воркуты состояло из 29087 человек подневольного труда (в том числе 1687 женщин, что составляло 0,07%) и 1490 человек управленческого персонала и вольнонаемных (в том числе 200 женщин, что составляло 0,13%). Соотношение подневольных и вольнонаемных колебалось, но общая тенденция шла к постепенному вытеснению труда заключенных и каторжан трудом освободившихся из заключения и мигрантов.

О движении рабочей силы Воркутлага свидетельствуют следующие данные. На 1 апреля 1951 г. всего насчитывалось 25511 заключенных. Прибыло к этой дате 2981 чел., убыло 1878 (1718 на освобождение, 69 умерли, 7 бежали, 84 этапированы в другие места). На 1 июля 1951 г. по списочному составу было 26614 заключенных и 17671 каторжанин. Из числа каторжан прибыли 26 чел., убыли 156 (трое освободились, 53 умерли, 97 ушли с этапами). Итого на 1 апреля 1951 г. было учтено 43182 чел., из них прибыло 3007, убыло 2051, умерли 122 чел. На 1 июля 1951 г. всего в Воркутлаге насчитывалось 44158 осужденных по всем категориям [14].

Начальник Речлага А.Д. Кухтиков 11 сентября 1951 г. сообщал в ГУЛАГ, что в марте 1951 г. впервые по решению отдела МГБ двое освободившихся заключенных-горняков были оставлены для работы в комбинате «Воркутауголь», до этого освободившихся отправляли из Воркуты в другие регионы страны. А.Д. Кухтиков просил разрешения впредь оставлять всех освободившихся политзаключенных в комбинате «Воркутауголь», чтобы восполнять уменьшение рабочей силы. По приказу ГУЛАГа МГБ Коми АССР 10 ноября 1951 г. начальник Речлага распорядился оставлять всех освободившихся политзаключенных под надзор Воркутинского горотдела МГБ с закреплением в комбинате «Воркутауголь». В связи с этим сообщалось, что в IV квартале 1951 г. из Речлага ожидалось освобождение 188 чел. и в 1952 г. еще 994 чел. (в их числе осужденные за шпионаж – 111, за терроризм – 29, за диверсии – восемь и за принадлежность к правотроцкистской оппозиции – 24 чел.) [15].

Начальник Минлага в Инте полковник М.И. Халеев 3 октября 1951 г. сообщал, что в сентябре-октябре 1951 г. 137 освободившихся особо опасных государственных преступника пойдут на спецпоселение в сельхозы комбината «Интауголь», вытесняя оттуда заключенных общего режима. По окончании срока заключения из Минлага в 1951 г. освобождались 381 чел., в 1952 г. ожидалось освобождение еще 1322 чел. [16]. Всего за 1949–1951 гг. из Инты освободились более тысячи человек, всех вывезли за пределы Коми АССР [17].

Одной из характеристик демографических процессов является смертность. Смертность зависит от различных факторов (природно-климатические, генетические, социально-экономические и др.). С точки зрения демографического анализа причин смертности наиболее важным является деление на две основные группы факторов – эндогенные и экзогенные. А. Омран подсчитал, что в 1930-е гг. вероятность умереть от инфекционных болезней у людей была в шесть раз выше, чем в 1990-е гг. Таким образом, в 1930–1940-е гг. во многих странах, в том числе и в СССР, происходит переход к современному типу смертности, который определяется, прежде всего, внутренним развитием человеческого организма [18].

Вторая зимовка воркутинских поселенцев 1932–1933 гг. выдалась особенно сложной. «В тундру забрасывают десятки тысяч людей. Короткая осень, полярная зима. Но продовольствие не подвезли. Реки стали, инструмента и материалов, чтобы строить бараки или хотя бы копать землянки, не хватало. О лекарствах и говорить нечего. Люди гибли от недоедания, тяжелого изнурительного труда, заболеваний, которые подхватывал ослабленный организм. Многие приходили в отчаяние... Десятки тысяч людей остались в этой вечно мерзлой земле...» [19].

Холод, голод, цинга сделали свое дело – из 1500 чел. в живых осталось только 54. К концу 1933 г. в поселении Рудник жили 382 вольнонаемных, а в лагерном пункте – 3600 заключенных. Судя по актам о смерти (учтено 473 чел.), составленных работниками санотдела лагеря за 1941–1942 гг., среди причин смертности заключенных на первом месте была пеллагра – 247 умерших (52,22%), на втором – легочные заболевания (108 чел., или 22,71%), затем сердечно-сосудистые – 36 чел. (7,61%) и туберкулез легких – 35 (7,37%) [20].

Многочисленные наблюдения, которые проводились в местах концентрации населения в местах лишения свободы, показали, что находящиеся там люди постоянно испытывают стрессовое состояние, как индивидуальное, так и групповое. Известный социолог Раймонд Пиддингтон вывел математическое правило, которое соотносит свободу человека и занимаемую им жилую площадь. Предложенная им формула гласит, что «личная свобода индивида уменьшается пропорционально корню квадратному его «жилой площади» [21]. В Воркутлаге были приняты санитарные нормы жилой площади на одного заключенного – 0,8 кв.м, для вольнонаемного населения – 2,0 кв.м.

Тяжелое положение и постоянная угроза смерти от беспредела уголовников и некоторых чинов лагерной администрации порождали серьезную социальную напряженность в среде заключенных. В 1936 г. из уральских политизоляторов и ссылок в Воркуту прибыли этап троцкистов и небольшая группа бывших меньшевиков и эсеров. Они отказались выходить на общие работы, требовали отделить их от уголовников, соглашались работать только по своей специальности. Дело дошло до голодной забастовки. В 1937 г. эти люди стали первыми жертвами расстрельной комиссии лейтенанта госбезопасности Кашкетина [22]. В 1938 г. геолога Петра Полевого, исследователя Воркутинских угольных месторождений, вместе с 200-ми других политзаключенных уничтожили члены расстрельной команды Кашкетина под Ухтой [23].

Для первого поколения строителей и шахтеров тех лет (1931–1941 гг.) были характерны высокая пассионарность и значительный протестный потенциал. Оба фактора сыграли свою роль и в строительстве десятков угольных шахт, и в известной забастовке политзаключенных Воркуты 1936 г., и восстании 1942 г. заключенных воркутинского лагпункта Лесорейд на Печоре (восстание Ретюнина) [24]. Интересны наблюдения Григория Марковича Литинского, московского литератора, который работал администратором воркутинского театра с 1944 по 1954 г.: «8 августа 1943 г. открылся музыкально-драматический театр Воркутлага. ...Странная смесь из вольнонаемных и заключенных здесь никого не удивляет. Привыкли. Привыкли, что из зоны приводят под конвоем артиста-зэка, и вольнонаемный скрипач Миллер его подкармливает... В зале странная публика. Сидят в строгом соответствии со званием, у каждого определенное место, как в помещицкой церкви. О продвижении по службе можно судить по тому, как меняется место человека в партере» [25].

За годы войны Воркута дала стране более пяти миллионов тонн угля. Рабочий день заключенных в сентябре 1942 г. был увеличен до 12 часов (с часовым перерывом на обед), летом 1943 г. этот порядок был распространен на все лагеря Главного управления лагерей горно-металлургической промышленности. В марте 1944 г. администрация Воркутлага вернулась к 8-часовому рабочему дню ввиду специфики горных работ. Это не помешало в 1947 г. после ухода генерала Мальцева продлить рабочий день заключенных до 10–12 часов в сутки. В лагерях 10 июля 1954 г. опять был введен 8-часовой рабочий день [26]. Грубые нарушения в системе охраны труда и технике безопасности как по вине администрации, так и отчасти по вине самих заключенных приводили к тяжелым последствиям. Так, в 1945 г. на шахтах Воркуты были зафиксированы 7124 таких происшествий, в которых погибли 137 шахтеров и 482 получили серьезные травмы. В результате только за этот год были потеряны 61492 человекодня [27].

После окончания войны огромной социальной трагедией стала беспощадная резня двух группировок заключенных – к одной принадлежало старшее поколение уголовников, к другой – то, что пришло им на смену (коллаборанты администраций мест заключения). Политзаключенные в эту вражду вовлечены не были. На Воркуте, по некоторым подсчетам, погибли в 1946–1948 гг. несколько тысяч человек. Описание этих событий на Колыме дал Вадим Туманов, но картина по всем лагерям была точно такой же [28]. Медицинская помощь пострадавшим от серьезных происшествий невольникам была совершенно недостаточной. На 1 января 1952 г. в Воркутлаге было 109 врачей: 68 вольнонаемных, 22 заключенных, 19 каторжан. Из 395 медсестер – 194 вольнонаемных, 130 заключенных, 31 каторжанка. В мае 1954 г. из 107 врачей – 80 заключенных, из 266 медсестер – 163 осужденных. В мае 1954 г. умер 21 заключенный. Имело значение не только количество медперсонала, но и нехватка медицинских препаратов и медтехники [29].

Показатели рождаемости напрямую зависели от государственной политики в области семейно-брачных отношений. В 1940–50-е гг. государство приступило к поэтапной модернизации всей сферы семейно-брачных отношений. Указом Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении Ордена «Материнская слава» и медали «Материнство» менялись статус и конфигурация как семьи, так и внутрисемейных отношений. Указ придавал правовое значение только зарегистрированным бракам, при этом всем лицам, вступившим в фактические брачные отношения в период с 1926 по 1944 г., предписывалось зарегистрировать брак, в противном случае он объявлялся недействительным. Естественно, что это в первую очередь касалось бывших политзаключенных. Ужесточалась процедура развода: было введено обязательное судебное разбирательство при разводе, с процедурой примирения в народном суде и решением дела по существу только в вышестоящей судебной инстанции; брак расторгался только в случае признания судом необходимости его прекращения, делам о разводе стала придаваться широкая огласка (публичное судопроизводство, с привлечением свидетелей, обязательная публикация в местной прессе объявлений о разводах).

Указом также запрещалось установление отцовства в отношении детей, рожденных вне брака, что фактически вновь вводило понятие «незаконнорожденный», ибо дети, рожденные вне брака, не могли получить фамилию отца, даже если последний давал на это согласие. Ребенку присваивалась фамилия матери, а в свидетельстве о рождении (метрике) в графе «отец» – ставился прочерк. Отметим, что это была обычная практика и в отношении детей, родившихся в местах лишения свободы. Государство снимало ответственность за внебрачного ребенка с отцов и перекладывало ее на матерей и частично на себя, обязавшись выплачивать ежемесячные пособия на каждого рожденного вне брака ребенка. Спустя 10 лет указами Президиума Верховного Совета СССР 1954 г. была снята уголовная ответственность за подпольный аборт, а в 1955 г. разрешен аборт по медицинским и социальным показаниям. В 1955 г. отпуск по уходу за ребенком был увеличен и составил 56 дней до и 56 дней после родов, введен оплаченный больничный лист по уходу за заболевшим ребенком и т.д., что сыграло положительную роль в демографических процессах [30].

Управление Воркутинским лагерем, а затем и Речным особым № 6 вело обстоятельный учет осужденных через учетно-распределительные подразделения (УРЧ, УРО). Значительная информация содержалась в личных делах заключенных, а также в материалах санитарных отделов и бухгалтерий. Что касается вольнонаемных, то основными документами, на основе которых можно анализировать процессы брачности и разводимости, рождаемости и смертности, являются актовые записи. Например, актовая запись о заключении брака в том же году включала: имя и отчество вступающих в брак, фамилию до и после брака, национальность, возраст, семейное положение до брака, какой по счету брак, род занятий и место работы. С 1951 г. появляется графа – «место рождения».

В 1960-е гг. вводятся следующие показатели: сведения о детях до данного брака с указанием имени и места рождения, сведения об образовании и с какого года вступающие в брак проживают по данному адресу. Акт о регистрации рождения образца 1946 г. содержал следующие сведения: фамилия, пол, время рождения, сколько родилось детей (живо- или мертворожденных), сколько всего детей у матери, включая рожденного, сколько из них осталось в живых, а также сведения о родителях – фамилия, имя, отчество отца и матери, их национальность, возраст, род занятий, место работы, адрес постоянного места жительства и справка врача о рождении ребенка. В графе «особые отметки» указывалось отчество ребенка в том случае, если сведения об отце отсутствовали. В 1958 г. в бланке появились дополнительные данные – отчество и место рождения ребенка, номер свидетельства о браке, где и когда данный брак был зарегистрирован. Актовая запись регистрации смерти имела следующий вид: фамилия, имя, отчество, национальность, дата смерти, возраст, род занятий, место работы, место постоянного жительства, причины смерти, справка врача с указанием причины смерти, а также номер паспорта умершего с указанием, куда и когда сдан документ. Таким образом, при регистрации того или иного демографического события, например, рождения ребенка, помимо фиксирования самого факта рождения, собирались и другие сведения социально-демографического характера. Весь массив этой информации поступал в органы статистики для изучения и использования в деятельности органов государственной власти и управления.

Среди вольнонаемных и заключенных были холостые и замужние, вдовы мужчины и женщины, были и те, кто никогда не состоял в брачных отношениях. После освобождения они либо воссоединялись с прежней семьей, либо заводили новые семьи, многие так и оставались незамужними и холостыми, и эта ситуация отражалась прежде всего на детях. На 1 июля 1951 г. в двух домах младенца Воркутлага насчитывалось 316 детей: 191 – от матерей-заключенных в сельхозе Горняк и 125 – от каторжанок на станции Чум. В сентябре 1951 г. детей, достигших трехлетнего возраста, отправили в детдом в Сыктывкаре и 15 детей – в Курск. На 1 июля 1953 г. в доме младенца сельхоза Горняк оставалось 98 детей. Представляет интерес возрастная градация этой

группы. В возрасте до одного года было 20 детей, от 1 до 2 лет – 37, от 2 до 3 лет – 35, свыше трех лет – 6 [31]. Можно сказать, что демографические процессы проходили как в среде вольнонаемных, так и в среде заключенных (каторжан). Эти процессы (за исключением брачности и соответственно разводимости, которые были запрещены в зонах), рождаемость и смертность присутствовали в своем истинном виде и оказывали воздействие на воспроизводство населения через смену поколений, каждое из которых наследовало как положительные, так и некоторые отрицательные свойства своих родителей.

Таким образом, в 1940–1950-е гг. северные города Коми АССР, в том числе Воркута, превратились из барачных временок в большие благоустроенные города с развитой инфраструктурой, театрами, библиотеками и музеями, художественными школами и мастерскими. Здесь были построены железные дороги и аэропорты, была устойчивая телефонная и почтовая связь и т.д. Уровню и качеству жизни вольнонаемного населения этих мест могли завидовать жители средней полосы России – здесь были зарплаты, в 2-3 раза превышающие средние по стране, первоклассное снабжение всем необходимым, солидные бонусы и льготы за работу на Севере. Только построено было это благополучие на подневольном рабском труде и страданиях.

Источники и литература

1. Фаузер В.В. Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. Сыктывкар. 2007. 40 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 492).
2. Демографическое развитие Усинского района: история и современное состояние / Коллектив авторов. Сыктывкар; Усинск. 2007. 140 с. (Библиотека демографа. Вып. 6).
3. Ильин В.И. Город-концлагерь: социальная стратификация гулаговской Воркуты (1930–1950-е годы) // Стратификация в России: история и современность / Отв. ред. Ю.М. Раппопорт. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1999.
4. НАРК. Ф.Р-1668. Оп. 1. Д. 319. Л. 139–140. В июне 1935 г. база Воркута-вом была передана на учет ВЖД. В сентябре 1936 г. организован инвалидный лагпункт Адак (изначально – «командировка»).
5. Канева А.Н. УхтПечлаг. 1929–1938 // Звенья. Исторический альманах. М.: Прогресс-Феникс-Atheneum, 1991. Вып. 1. С. 344, 349.
6. Угольная сокровищница Севера. Сб. документов и материалов / Науч. ред. А.Н. Александров. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. С. 301; *Ann Appelbaum*. GULAG: A History. The Penguin Press, London-N.Y., 2003. P. 81.
7. Фаузер В.В. Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. Сыктывкар. 2007. С. 34. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 492).
8. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: Справочник. М.: Звенья, 1998. С. 192, 368.
9. Серегин А. Воркулаг – http://rechivraga.blogspot.ru/p/blog-page_13.html.
10. *Ann Appelbaum*. Op.cit., Ch. Women and Children. P. 307–333. См. также: *Максимова Л.А.* Положение женщины в лагерях ГУЛАГа // Политические репрессии в Коми и на Севере России: организаторы и жертвы. Материалы регион. науч. конф. (Сыктывкар, 28–29 октября 2005 г.). Сыктывкар, 2006. С. 72–74; *Маркова Е.В.* Жили-были в XX веке // Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Приложение 8. Сыктывкар: «Покаяние», 2006. С. 334.
11. НАРК. Ф.Р-1668. Оп. 1. Д. 319. Л. 127.
12. Сулимов И. Эхо прожитых лет. Одесса: АстроПринт, 1997. С. 39–40; *Розанов М.М.* Мартиролог. Т. 8. Ч. 2. С. 154–155. Осенью 1936 г. здесь было 148 заключенных, прибывших с рудника Воркута для работы на пристани.
13. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: Справочник. М.: Звенья, 1998. С. 192–193.
14. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 554. Л. 26–27.
15. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 386. Л. 248.
16. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 248. Л. 250.
17. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 387. Л. 7.
18. *Омран А.* Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. М., 1977.
19. *Ясный В.К.* Год рождения – девятьсот семнадцатый. М.: ИНТЭК ЛТД, 1997. С. 62.
20. НАРК. Фонд архива ЗАГС. Оп. 1. Д. 2064, 20065, 20066.
21. *Piddington R.* Malinowski's theory of needs // *Man and culture*. London, 1957.
22. *Медведев Р.* О Сталине и сталинизме // Знамя. 1989. № 3. С. 175.
23. *Serenas A.* Vorkutos mirties lageriai. Vilnius, 1998. S. 221; *Lennart Samuelson.* Skolko stoit tjelovek / The Price of A Human Being. Stockholm, Rosspen, 2010. 851 s.
24. *Рогачев М.Б.* Усинское восстание: документы и комментарии // Покаяние: Коми республиканский мартиролог. Сыктывкар, 2005. Т. 7. С. 165–209.
25. http://www.wismut.su/History_PER_MALCEV_4.htm
26. *Ann Appelbaum*. GULAG: A History. The Penguin Press, London-N.Y., 2003. P. 193, 507.
27. Там же. P. 228.
28. *Туманов В.* Всё потерять – и вновь начать с мечты. М., 2004. См. также: *Simon Ertz.* Zwangsarbeit im stalinistischen Lagersystem. New York, Duncker & Humboldt, 2012. 273 S.
29. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 443. Л. 184, 288.
30. URL: <http://menrights.mybb.ru/viewtopic.php?id=1399> (дата обращения 12.10.2013).
31. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 443. Л. 14–17, 32.

Г.А. Юркина*

Материалы переписи 1970 года о национальном составе занятого населения Коми АССР

В статье на основе изучения материалов переписи 1970 г. охарактеризована этническая принадлежность работающего населения, его особенности в один из периодов бурного экономического развития республики. Отмечено, что национальный состав населения влияет на занятость, так же как проблемы занятости определяют структуру национального состава населения. В Коми АССР преобладали русские, коми, украинцы, белорусы, немцы, татары, чувашаи, литовцы и евреи. Основные занятия были связаны с промышленностью. Тем не менее каждый этнос имел свои особенности.

Ключевые слова: демография, перепись 1970 г., Коми АССР, национальность, работающее население.

G.A. Yurkina

Materials of the 1970 census on the national structure of the occupied population of the Komi ASSR

On the basis of the materials of the 1970 census the ethnic belonging of the working population, its peculiarities in one of the periods of rapid economic development of the republic is characterized. It is noticed that the national structure of the population influences the employment as well as the employment problems define the national structure of the population. The Russians, Komis, Ukrainians, Byelorussians, Germans, Tatars, Chuvashs, Lithuanians and Jews prevailed in the Komi ASSR. The basic employment was connected with the industry. Nevertheless, each ethnos had its own features.

Key words: demography, census of 1970, Komi ASSR, nationality, working population.

Изучение различных аспектов межэтнического взаимодействия и занятости населения не только представляет большой научный интерес (в силу очевидной значимости этнических и демографических процессов для социополитического, экономического и культурного развития любого государства или региона), но и является актуальным из-за возросшего в современных условиях внимания общества к вопросам национальных отношений и востребованности трудовых ресурсов. Целесообразность обращения к исследованию означенной темы диктуется сравнительно малой ее изученностью. Вопрос о национальном составе занятого населения в трудах историков подробно не рассматривался.

Существует ряд работ, посвященных этническому составу Коми АССР в его связи с миграциями и численностью населения и национальными отношениями [1]. Проблемы занятости населения частично освещаются в трудах экономистов и демографов [2]. Историки уделяли им свое внимание в публикациях о положении коми деревни [3], развитии промышленности [4]. Некоторая информация по этим вопросам содержится в работах об истории Коми общего плана [5]. В данной статье предпринимается попытка специально проанализировать материалы переписи 1970 г. и охарактеризовать на основе указанного источника этническую принадлежность занятого населения и связанные с этим его особенности в один из периодов бурного экономического развития республики. Перепись содержит сведения о численности наличного занятого населения большинства национальностей (кроме незначительного количества неизвестных, отнесенных к группе «другие») и постоянного занятого населения основных национальностей (для которого, кроме того, есть данные о конкретных занятиях). Можно узнать также, где работало трудящееся население наиболее многочисленных национальностей и к каким общественным группам принадлежали люди. Другая информация косвенная. К сожалению, нет сведений о национальном составе занятого населения по отдельным городам и районам (в отличие, например, от переписи 1989 г.) и о возрасте трудящихся.

Состав занятого населения Коми АССР довольно сложен. Перепись зафиксировала более 100 различных национальностей (наличное население) [6]. Так, помимо представителей «основных» этносов, много молдаван (3411), мордвы (1920), болгар (1776) [7], поляков (1748), удмуртов (1400) и латышей (984) [8].

* Юркина Галина Александровна (Сыктывкар) – научный сотрудник Национального музея Республики Коми.

Согласно переписи, в 1970 г. постоянно занятое население распределялось по «основным» национальностям следующим образом: 289847 русских, 126108 коми, 55183 украинцев, 16680 белорусов, 8816 немцев, 7393 татар, 4505 чувашей, 3483 литовцев, 1388 евреев и 17822 представителей других этносов [9].

Рассмотрим, где работали представители наиболее многочисленных в Коми АССР национальностей [10]. Для того, чтобы обнаружить, какому труду они отдавали предпочтение (или же чем именно имели возможность заниматься), целесообразным представляется узнать, сколько процентов от общего числа работников каждой народности составляли занятые определенным делом и сравнить между собой эти результаты.

Можно заметить, что среди русского населения были популярны машиностроение и металлообработка (12,2% всех занятых русских), инженерно-техническая работа (8,37%), строительные занятия (6,73%). Чуть меньше в процентном отношении было работников коммунального обслуживания (5,57%). 10,2% из всех коми, имеющих занятия, работали в сельском хозяйстве, 7,77% – в машиностроении и металлообработке, 7% – в коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании. Украинцы предпочитали работать в машиностроении и металлообработке (11,35% всех трудящихся украинцев), горняков было 8,15%, инженерно-технических работников – 7,1%. 6,26% занималось строительством, 6,15% – автотранспортом и городским транспортом. Похожее соотношение наблюдалось у белорусов: 10,9% заняты в машиностроении и металлообработке, 8,33% – горняки, 7,1% – строители, 6,64% – инженерно-технические работники, 6,09% – работники городского и автотранспорта. Литовцы и татары предпочитали те же занятия, но проценты резко отличались: горняки составляли 18,3% литовцев и 15,88% татар, в машиностроении и металлообработке работали 13,51% всех литовских и 10,71% татарских трудящихся, строители составляли соответственно 7,73% и 8,68%. 7,79% занятых литовцев и 6,07% татар трудились в коммунальном хозяйстве. Наибольший процент чувашей трудился в строительстве (14,91%), машиностроении и металлообработке (10,72%), на железнодорожном транспорте (7,56%). Большинство немецких занятых (15,57%) работали также в машиностроении и металлообработке, 7,79% – на городском и автотранспорте, 6,75% составляли инженерно-технические работники. Несколько иными были предпочтения еврейского народа: 17,23% были инженерно-техническими работниками, 10,17% – научными работниками и педагогами, 8,49% руководили предприятиями. Отметим, что достаточно крупный процент занятого населения каждой национальности составляли лица, точно не указавшие специальности, а также рабочие вне отраслевых групп.

На лесозаготовках работал следующий процент трудящегося населения разных национальностей: 5,38% всех занятых татар, 5,3% украинцев, 5,19% белорусов, 5,08% русских, 4,77% чувашей, 3,42% коми, 3% литовцев, 3% евреев.

К медицинским работникам принадлежали 5,68% всех занятых евреев, 3,09% русских, 2,74% коми, 2,11% украинцев, 1,91% татар, 1,68% белорусов, 1,55% немцев, 1,36% чувашей, 0,47% литовцев. Работники культуры (науки и педагогики, литературы и печати, просвещения и искусства) распределялись следующим образом: 12,61% всех занятых евреев, 7,93% коми, 5,26% русских, 3,59% немцев, 3,03% украинцев, 2,69% белорусов, 1,75% татар, 1,63% чувашей, 1,59% латышей.

Итак, наиболее распространенные занятия различных этносов связаны с обеспечением нужд промышленности: машиностроение и металлообработка, горное дело, инженерно-техническая работа, строительство, рабочие специальности. Это связано как со спецификой Коми АССР, ориентированной главным образом на добычу сырья [11], так и с особенностями 1960–1970-х гг., когда промышленность республики развивалась особенно быстрыми темпами [12]. Тем не менее наблюдается некоторое различие в доле занятых различной деятельностью по национальностям. Причин этого несколько. Во-первых, количественное несходство этнических групп. Заметим, что более многочисленные русские и коми, например, имеют менее выраженные «скачки» в процентном соотношении различных занятий, чем можно наблюдать в случае с евреями и латышами. Можно предположить, что это связано, возможно, в некоторых случаях со стремлением представителей одной национальности держаться вместе и с государственной политикой привлечения работников в районы республики, в этом нуждавшиеся. Известно, что прослеживается зависимость между тем, какой деятельностью должны были заниматься прибывающие в Коми АССР и тем, из каких районов страны они приезжали [13]. Следовательно, их национальная структура была относительно однородной, и размещались на новом месте они относительно компактно.

Во-вторых, следует учитывать и национальные установки, привычки и традиции, влияющие на выбор вида занятости представителем того или иного этноса [14]. Так, вероятно, именно традиционной склонностью еврейского народа к умственному труду может быть объяснено столь резкое отличие занятий, им выбираемых, от занятий, предпочитаемых другими национальностями. Коми, истари проживавшие на территории республики, оставались связанными с землей [15]. Обращает на себя внимание тот факт, что русские преобладают численно практически в каждом «занятии», коми следуют за ними. Исключение составляют сельское хозяйство, в котором трудились более 12000 коми, охота и рыболовство, где хотя и работали всего

304 коми, но и это число в три раза превосходит количество занятых в той же сфере русских. (Все же, говоря об этнических традициях и склонностях, нужно учитывать разницу между населением постоянным и прибывающим на заработки на более или менее длительный срок. Последние хотя и принадлежали к определенному этносу, но все же имели психологию и установки несколько иные, чем представители той же национальности, оставшиеся на родине).

Важным для понимания особенностей национального состава занятого населения является распределение его в зависимости от пола и места проживания (в городских либо сельских поселениях). Рассмотрим соотношение мужчин и женщин в сельском и городском постоянном занятом населении [16].

Городские мужчины, имеющие занятие, распределялись по основным национальностям следующим образом: русских было 110894 чел. (59,3% всех городских мужчин данной национальности), украинцев – 23967 (70,2%), коми – 20680 (54,5%), белорусов – 7315 (71,9%), немцев – 3424 (65,7%), татар – 3388 (66,5%), литовцев – 2051 (70,8%), чувашей – 1709 (69,1%), евреев – 763 (81,7%).

Национальный состав занятых городских женщин был таковым: 99812 русских (52,7% от всех городских женщин этой национальности), 27648 коми (51,4%), 16717 украинок (57,8%), 5152 белорусок (59,7%), 3045 немок (53,2%), 2224 татарок (52,2%), 1481 чувашек (66,9%), 870 литовок (46,7%), 416 евреек (65,1%).

Национальный состав сельского мужского населения, имеющего занятия: 50978 русских (64,7% всех сельских мужчин данной национальности), коми – 36037 (43,7%), украинцев – 10396 (79,3%), белорусов – 2814 (75,6%), немцев – 1312 (67,7%), татар – 1291 (74,5%), чувашей – 748 (71,3%), литовцев – 430 (81,5%), евреев – 183 (91,5%).

Среди занятых сельских женщин были представительницы следующих национальностей: 41743 коми (39,5%), 28163 русских (48,3% всех сельских женщин этой национальности), 4103 украинок (57,5%), 1399 белорусок (57,8%), 1035 немок (53,2%), 567 чувашских женщин (64,0%), 490 татарок (55,9%), 132 литовки (53,9%), 26 евреек (72,2%).

Уровень занятости сельского мужского населения выше, чем уровень занятости городского. Исключение составляют коми. Можно предположить, что причиной этого является то, что коми – коренное население, основная часть которого проживает в сельской местности [17], в то время как среди других национальностей много именно молодых трудоспособных мужчин, приехавших на лесозаготовки, нефтегазовые промыслы и транспортное строительство. Уровень занятости сельских литовских женщин, татарок и евреек также выше, чем уровень занятости горожанок этих национальностей, но необходимо отметить, что численность городских жительниц намного больше. Занятость горожанок всех иных национальностей либо сопоставима, либо выше, чем занятость сельских жительниц, что можно объяснить тем, что город предоставляет для женщин больше возможностей для трудоустройства. Зачастую женщинам было трудно найти работу по своей специальности [18]. Относительно высокий уровень занятости коми женщин по сравнению с занятостью женщин иных национальностей объясняется, вероятно, именно тем, что они были коренными жительницами республики и превосходили представительниц других этносов численно.

Необходимо отметить, кроме того, что уровень занятости городских мужчин выше, чем уровень занятости городских женщин тех же национальностей. Ситуация в сельской местности аналогична. Это объясняется специализацией республики на тяжелой, в частности, добывающей промышленности, которая нуждалась, прежде всего, в мужском труде [19]. Это подтверждает и заметное численное преобладание мужчин украинцев, белорусов, литовцев, татар над женщинами этих же национальностей. (Количество евреев относительно невелико, чтобы можно было сделать выводы, наличие же практически равного числа немцев обоих полов объясняется тем, что покинуть территорию Коми АССР они могли лишь в 1971 г. [20]). Кроме того, если обозначить всех занятых городских женщин как 100%, то более 62% будут составлять русские, 17,18% коми, более 10% украинки. В случае со всеми трудящимися городскими мужчинами доля русских чуть больше 60%, коми – 11,34%, доли же других национальностей растут. В сельской местности наблюдаются большие диспропорции в процентном отношении мужчин и женщин одних и тех же этносов. Среди всех занятых сельских женщин почти 53% составляют коми, 35,7% – русские, 5,2% – украинки. Доля всех русских в общем количестве занятых сельских мужчин 46,77%, коми – 33,06%, украинцев – 9,54%. Увеличиваются за счет снижения процента коми доли других национальностей. Все это еще раз подтверждает, что с развитием промышленности, где преимущественно используется мужской труд, наблюдается приток именно мужского населения различных национальностей (особенно в этой связи выделяют лесные поселки) [21].

Нельзя обойти вниманием и распределение представителей различных национальностей по общественным группам (в каждую из которых входили трудившиеся на предприятиях, в учреждениях, колхозах, своем хозяйстве и у частных лиц) [22]. Самую большую долю во всех национальностях, кроме евреев, составляла группа рабочих: 88,17% всех занятых литовцев, 83,98% татар, 83,8% чувашей, 78,38% белорусов, 76,67% украинцев, 76,47% немцев, 70,44% русских, 67,76% коми. Значительно преобладали рабочие предприятий и

учреждений. Группа служащих по удельному весу в общем числе работающих представителей определенного этноса занимала второе место: 29,15% всех занятых коми, 28,78% русских, 23,33% немцев, 22,49% украинцев, 21,52% белорусов, 14,19% татар, 14,14% чувашей, 10,82% литовцев. Отметим, что 68,88% занятых евреев были служащими и лишь 31,12% – рабочими. Еще меньше в процентном выражении было колхозников: 2,99% всех занятых коми, 2,06% чувашей, 1,83% татар, 0,8% украинцев, 0,77% русских, 0,57% литовцев, 0,19% немцев, 0,1% белорусов. Крайне немногочисленной была группа «прочие», куда входили люди, работавшие на частных лиц либо в своем хозяйстве.

Итак, национальный состав населения влияет на занятость так же, как и проблемы занятости определяют структуру национального состава населения. В Коми АССР преобладали русские, коми, украинцы, белорусы, немцы, татары, чувашаи, литовцы и евреи. Основные занятия были связаны с промышленностью. Тем не менее каждый этнос имел свои особенности.

Источники и литература

1. *Жеребцов Л.Н.* Некоторые аспекты современных этнических процессов в Коми АССР // Жеребцов Л.Н. Дороги этнографа. Сыктывкар, 2005; *Фаузер В.В.* Проблемы формирования населения Республики Коми. М., 1993; *Фаузер В.В.* Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. Сыктывкар, 1992; *Безносова Н.П., Рожкин Е.Н., Шабает Ю.П.* Этнодемографические процессы в Коми АССР в 1926–2002 гг. // Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Сыктывкар, 2006; *Дейберт Р.Д., Ошвинцева Н.И.* Динамика численности немцев в Коми крае // Немцы в Республике Коми и на Европейском Севере: история и культура. Сыктывкар, 2007, и др.
2. *Подоплелов В.П.* Проблемы воспроизведения трудовых ресурсов // Региональная демография. Сыктывкар, 2003. Вып. 1; *Фаузер В.В., Парначев А.А., Загайнова Г.В.* Сельское население Республики Коми: численность, состав, расселение. Сыктывкар, 1996; *Загайнова Г.В., Подоплелов В.П.* Занятость женского трудоспособного населения Коми АССР в общественном производстве // Проблемы экономики Коми АССР. Сыктывкар, 1970, и др.
3. *Попов А.А., Сметанин А.Ф.* Советская северная деревня в 60-е – первой половине 80-х годов. Сыктывкар, 1995, и др.
4. Создание целлюлозно-бумажной промышленности в Коми АССР. М., 1979; *Турубанов А.Н.* Рабочий класс в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма. М., 1981, и др.
5. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2; Народ коми: краткие очерки этнической истории и культуры. Сыктывкар, 2008; Республика Коми: вчера, сегодня, завтра. Сыктывкар, 1981.
6. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф.Р–140, 2Т9, 10067.
7. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Сыктывкар, 2006. С. 81.
8. НАРК. Ф. Р–140, 2т9, 10067. Л. 9–13.
9. НАРК. Ф. Р–140, 2Т9, 10040. Л. 1.
10. НАРК. Ф. Р–140, 2Т9, 19940. Л. 1–8.
11. *Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Загайнова Г.В.* Население Коми АССР. Сыктывкар, 1990. С. 6.
12. *Турубанов А.Н.* Рабочий класс Коми АССР в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма. М., 1981. С. 37; *Жеребцов И.Л., Конаков Н.Д., Шабает Ю.П., Шаранов В.Э., Цыпанов Е.А.* Народ коми: краткие очерки этнической истории и культуры. Сыктывкар, 2008. С. 267.
13. *Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В.* Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 97.
14. *Старовойтова Л.И.* Занятость населения и ее регулирование. М., 2001. С. 7.
15. *Фаузер В.В., Парначев А.А., Загайнова Г.В.* Сельское население Республики Коми: численность, состав, расселение. Сыктывкар, 1996. С. 6.
16. НАРК. Ф. Р–140. Т9, 10032. Л. 7–17.
17. *Фаузер В.В., Парначев А.А., Загайнова Г.В.* Сельское население Республики Коми: численность, состав, расселение. Сыктывкар, 1996. С. 6.
18. *Подоплелов В.П.* Проблемы воспроизведения трудовых ресурсов // Региональная демография. Сыктывкар, 2003. Вып. 1. С. 33.
19. Там же.
20. *Жеребцов И.Л., Конаков Н.Д., Шабает Ю.П., Шаранов В.Э., Цыпанов Е.А.* Народ коми: краткие очерки этнической истории и культуры. Сыктывкар, 2008. С. 269.
21. *Жеребцов Л.Н.* Некоторые аспекты современных этнических процессов в Коми АССР // Жеребцов Л.Н. Дороги этнографа. Сыктывкар, 2005. С. 238.
22. НАРК. Ф. Р–140, 2Т9, 10032. Л. 1.

УДК 314.148:069.5(02)(470)

*Н.В. Краева**

Материалы по демографической истории России конца XIX – начала XX века в собрании Национального музея Республики Коми

В фондах Национального музея Республики Коми имеется коллекция редких книг конца XIX – начала XX в., представляющая историко-демографические источники, издававшиеся Центральным статистическим комитетом Российской империи. В историко-демографическом источниковедении материалы по демографии и статистике позволяют получить достоверную картину происходивших в российском государстве процессах и являются важным информационным ресурсом общества XXI в.

Ключевые слова: *Национальный музей Республики Коми, коллекция редких книг, демография, статистика, историко-демографические источники*

N.V. Kraeva

Materials of the collection of the National Museum of the Komi Republic on the demographic history of Russia in the late XIX – early XX centuries

There is a collection of rare books late XIX – early XX centuries in the collections of the National Museum of the Komi Republic. These books are historical and demographic sources, published by the Central Statistical Committee of the Russian Empire. Demographics and statistics materials provide reliable picture occurs in the Russian state processes and are an important information resource of the XXI century society.

Key words: *the National museum of Komi Republic, collection of rare books, demography, statistics, historical and demographic sources.*

Одной из основных характеристик современного общества является повышенный интерес к информации и всевозможным информационным ресурсам. Библиотека Национального музея Республики Коми является хранителем определенного рода информации. Частью информационного массива являются материалы по демографии и статистике России конца XIX – начала XX в., которые насчитывают более 200 единиц хранения.

Демография – это наука о закономерностях воспроизводства населения [1]. Историческая демография – научная дисциплина, объектом исследования которой являются демографическая история, которая находится на стыке истории и демографии [2]. Основное внимание исследований в области исторической демографии уделяется вопросам рождаемости, смертности, брачности и семьи, миграции населения, расселения и плотности населения, демографической структуры и демографического поведения населения.

Изучение демографических процессов, происходивших в России в XIX – начале XX в., может осуществляться на базе комплекса различных источников: статистические данные Российской империи, ежегодники России за разные годы, результаты данных переписей населения, сборники и материалы Центрального Статистического Комитета. Обсуждая информационный потенциал историко-демографических источников, ученый-исследователь Д.К. Шелестов подчеркивал, что статистические данные, позволяющие выявить параметры демографических процессов и воспроизводства населения в целом, всегда будут занимать центральное место в историко-демографическом источниковедении [3].

* Краева Надежда Вениаминовна (Сыктывкар) – зав. отделом книжного фонда Национального музея Республики Коми, nadezhda-kraeva@mail.ru.

В России активную статистическую деятельность осуществлял Центральный Статистический Комитет (далее – ЦСК), который был организован в 1863 г. Первым директором ЦСК был назначен великий русский ученый, географ, статистик, экономист, общественный и государственный деятель Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский. Ведущим изданием ЦСК был «Статистический временник Российской империи», который издавался с 1866 по 1890 г. В этих изданиях содержались информация о расселении и движении населения Европейской России, статистика по городским поселениям, число населённых местностей, уголья Европейской России, добыча минералов, сведения по судоходству, торговле, транспорту, заводах, народному образованию и др. [4]. В коллекции Национального музея имеется 27 экземпляров «Статистического временника» по самым различным отраслям: «Государственные доходы России, их классификация, нынешнее состояние и движение» (1872), «Сведения о внешней торговле России и русском торговом флоте» (1872), «Статистика русских банков» (1875), «Еврейская питейная торговля в России» (1886), «Статистика доходов и расходов городов Европейской России с 1870 по 1884 г.» (1887), «Движение населения в Европейской России за 1884 год» (1889). В 1888 г. название «Временника» было изменено, и он стал называться «Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел». В выпусках «Временника Центрального статистического комитета» содержалась самая разнообразная статистика. В коллекции музея хранится 13 выпусков «Временника»: «Цены на провиант и фураж» (1889), «Материалы по вопросу о стоимости обработки земли в Европейской России» (1889), «Православное население Томской губернии по данным 1870-1880 годов» (1890), «Главные результаты урожая 1891 года (1891), «Основания расчетов по публичным займам» (1891), «Мирские расходы и доходы крестьян за 1891 год в 50-ти губерниях Европейской России» (1895), «Посевные площади, принимавшиеся ЦСК при разработке урожаев 1881, 1887, 1893–1899» (1901), «Сведения о количестве скота в 1900 г. по данным волостных правлений и уездной полиции» (1901) и др.

С 1887 г. ЦСК начинает публиковать ежегодник «Статистика Российской империи». Это универсальное издание вмещало текущую статистику из достаточно широкого круга проблем: «Движение населения в Европейской России» (из 95 изданных томов 26 посвящено движению населения), «Главнейшие данные поземельной статистики». Вып. I: Архангельская губерния (1895), Вып. VII: Вологодская губерния (1897), «Волости и гмины. Вып. VII: Вологодская губерния» (1890), «Урожай 1892 года в 60 губерниях Европейской России (1893), «Университеты и средние учебные заведения» (1888), «Статистика выборов в земские учреждения за 1883–1886 гг.» (1888), «Проституция в Российской империи» (1890), «Статистика слепых в России» (1888) и др. В коллекции музея сохранилось 68 изданий.

В 1904 г. «Временник» и «Статистика» были объединены в одно издание под названием «Ежегодник России». С 1904 по 1916 г. было издано 13 выпусков: «Ежегодник России. 1904 г.» (1905), «Ежегодник России. 1906 г.» (1907). Структура содержания ежегодника отражала структуру народного хозяйства Российской империи и менялась вместе с последней. Это издание представляет особый интерес с точки зрения изучения хозяйственных процессов, происходивших в России в начале XX в. [5].

К предыстории демографической статистики можно отнести составление «Списков населенных мест Российской империи». В течение 1861–1885 гг. было издано 43 выпуска «Списков», каждый из которых посвящен отдельной губернии. В изданиях нашли отражение как административно-территориальное деление губернии, уезда, волости, географическое расположение населенных пунктов, так и социально-экономические, культурные связи, которые сложились в сельской местности. Сведения о поселениях собирались в соответствии с единой программой, которая включала следующие пункты: название населенного места; топографическое обозначение его положения; расстояние городов от столичного и губернского и селений от уездного города и стана; в городах и селениях указывалось число дворов; наличное число жителей обоого пола; число молитвенных зданий, благотворительных и учебных заведений, ярмарок, базаров и пристаней, почтовых станций, а также больших фабрик и заводов и др. В коллекции музея выявлено девять изданий: «Т. I. Архангельская губерния» (1861), «Т. VI. Владимирская губерния» (1863), «Т. XLIV. Тульская губерния» (1862) и др. Общероссийское издание «Списков населенных мест» в дореволюционной России было единственным. Далее эта работа была поручена местным земским органам.

Земская статистика зародилась в начале 70-х гг. XIX в. с возникновением в России земств. Материалы земств являются ценным источником по истории экономики, культуры, демографии, быта населения. Они охватывали чрезвычайно широкий круг вопросов местной жизни – численность и состав населения (профессиональный, сословный, образовательный, этнический, вероисповедальный), проблемы землевладения и аренды, состояние животноводства, урожайность, состояние торгово-промышленных учреждений, заработная плата населения, цены на местах. Земские статистики не только собирали статистическую информацию, но и публиковали сводные данные земской статистики [6].

К основной группе официальных источников земской статистики относятся «Адрес-календари», «Памятные книжки», а также различные сборники и обзоры. Эти издания представляют для историков и крае-

ведов особую ценность, так как позволяют во всех подробностях воссоздать картину повседневной жизни губернии или области, отдельных населенных пунктов и местностей, получить сведения о составе и занятиях жителей, состоянии природы, экономики, культуры, быта. Издаваемые сравнительно небольшими тиражами и распространяемые преимущественно в пределах своей губернии, они становились библиографической редкостью почти с самого момента своего выхода в свет.

Библиотека Национального музея Республики Коми располагает коллекцией памятных книжек и адрес-календарей Вологодской и Архангельской губерний, а также единичными экземплярами справочников Олонецкой и Вятской губерний второй половины XIX – начала XX в. в количестве 36 экз. Самым ранним из названных справочников является «Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 год» (Вологда, 1860), последний из дореволюционных изданий относится к 1915 г. Наиболее полно количественно и хронологически представлена коллекция справочных изданий Вологодской губернии. К ним помимо памятных книжек, относятся их разновидности: адрес-календари, ежегодники (календари-справочники), иллюстрированные календари. Справочные издания по Архангельской губернии немногочисленны. Они представлены памятными книжками и адрес-календарями за 1897, 1908, 1912 гг.

В коллекции музея также представлены сборники губернских статистических комитетов. В третьем томе «Статистического сборника, издаваемого Вологодским Губернским Статистическим Комитетом» за 1883 г. дан интересный материал: статистические данные о движении населения в губернии за 1879 и 1880 гг., в фабрично-заводской промышленности, сведения о составе волостей, о тифозной эпидемии в Вологодском уезде, а также пословицы и повествовательные песни, народные песни и загадки, собранные по Вологодской губернии. В сборнике Пермского губернского статкомитета «Пермский край» (Пермь, 1892) раскрыты сельскохозяйственные нужды Пермской губернии и экономический быт населения, средние цены на рожь, ячную крупу и овес (за 1877–1891 гг.), результаты метеорологических наблюдений. Издание Архангельского губернского статистического отдела «Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год» (Архангельск, 1927) охватывает в цифровом отношении всю хозяйственную и социальную сферу: климат, население, моральная статистика, образование и здравоохранение, промышленность и транспорт, сельское и лесное хозяйство, страхование и финансы и др.

На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи появляется интерес к различным аспектам сельскохозяйственного производства. С 1883 г. Центральный Статистический Комитет на основе выборочных данных собирал сведения об урожае «Урожай 1883 года в Европейской России» (1884), «Урожай 1885 года в Европейской России» (1886). В начале XX в. было проведено несколько сельскохозяйственных переписей. В 1917 г. была проведена земельная и сельскохозяйственная перепись, в которой более детально учитывалось население, а также собирались подробные данные о найме рабочей силы, промысловых занятиях крестьян, сельскохозяйственном инвентаре. Но наибольшее внимание было уделено изучению землевладения: сведения собирались по видам угодий (пашня, выгон и др.) и по категориям (надельная, купленная, арендованная земля, хутора, отруба). Всего в переписи 1917 г. учитывалось 194 показателя, что должно было позволить всесторонне изучить крестьянское хозяйство [7]. В 1920 г. была проведена Всероссийская сельскохозяйственная перепись с целью получения сведений о ситуации в сельском хозяйстве в первые годы утверждения советской власти. В коллекции музея имеются восемь изданий по данным этих переписей: «Поуездные итоги Всероссийской Сельско-Хозяйственной и Поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям» (Москва, 1923), «Всероссийская Сельско-Хозяйственная и Поземельная перепись 1917 года по Архангельской губернии» (Архангельск, 1919), «Итоги Всероссийской Сельско-Хозяйственной переписи 1920 года» (Москва, 1921) и др.

В начале XX в. в России были проведены промышленные переписи:

– Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г.: «Предварительная сводка данных» (Москва, 1920), «Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг.» (Москва, 1926). При переписи были освещены главнейшие стороны жизни и деятельности фабрично-заводской промышленности в период 1913–1918 гг.: численный состав и территориальное распределение промышленных заведений, рабочих и продукции; обеспечение промышленных заведений механической двигательной силой и др.

– Всероссийская перепись промышленных заведений 1920 г.: «Итоги по губерниям, группам и классам производств. Северная область. Приозерная область» (Москва, 1922), «Итоги по губерниям, группам и классам производств. Украинская ССР. Крымская ССР» (Москва, 1925). Цели и задачи данной переписи: установление общего числа промышленных заведений по отраслям промышленности; числа занятых в них лиц и числа заведений с двигателями и мощность двигателей [8].

Большой пласт сведений оставила ведомственная статистика: «Россия в мировой войне 1914–1918 года» (Москва, 1925), «Движение цен на главные предметы потребления» (Москва, 1926), «Материалы по динамике грузооборота» (Москва, 1927), «Текущая статистика транспортных накладок» (Москва, 1928), «Статистика осужденных» (Москва, 1928) и др.

Главными источниками информации о населении и демографических процессах являются переписи населения. Первая и единственная всеобщая перепись населения Российской империи была проведена 9 февраля (28 января) 1897 г. Программа переписи включала следующие вопросы: имя и фамилия; пол; возраст; отношение к главе семьи и к главе хозяйства; семейное положение; сословие, состояние или звание; место рождения; место приписки; обыкновенное место жительства; отметка о временном отсутствии или временном пребывании; вероисповедание; родной язык; грамотность и образование; род занятий – ремесло, промысел, служба; при этом отмечались главное и побочное, или вспомогательное, занятия [9]. Результаты переписи были опубликованы в 89 томах (119 книг) под заглавием «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года».

В коллекции музея сохранилось 21 издание: два тома «Общего свода итогов по империи...» (СПб., 1905), отдельные тома по губерниям «Т. I. Архангельская губерния» (1899), «Т. X. Вятская губерния» (1904), «Т. XXXI. Пермская губерния» (1904). Вологодской губернии посвящен VII том, состоящий из двух тетрадей, изданных в 1901 и 1904 гг. В таблицах I тетради имеются сведения о пространстве губернии, о численности наличного и постоянного населения, распределении населения по полу и десятилетним возрастным группам, по одногодичным возрастным группам и грамотности по сословиям. Распределение населения по полу и десятилетним возрастным группам дано по каждому населенному пункту с числом жителей более 500 чел., остальные данные – по уезду с выделением городов [10]. II тетрадь содержит таблицы со сведениями о главных и побочных занятиях населения, о распределении населения по родному языку, местных и не местных уроженцах, о лицах с физическими недостатками, подробные данные о семейном состоянии, о грамотности населения, религиозной принадлежности, сословном составе населения и т.д. Опубликованные в названных книгах итоги переписи полезны и актуальны при исследованиях историко-демографических вопросов местного края. Остальные тома тематические: «Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий», «Города и поселения в уездах имеющие 2000 и более жителей», «Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам», «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и месту рождения». Почти все сведения даются по уезду с выделением городов. Эта перепись представляет собой единственный источник достоверных данных о численности и составе населения России в конце XIX в.

В советский период в нашей стране было проведено 8 Всесоюзных переписей населения. Первую из них провели в 1920 г. в условиях гражданской войны и разрухи. Она была и демографической, и профессиональной, и сельскохозяйственной. Главное внимание в ней уделялось изучению классового состава населения, его занятию, распределению по отраслям народного хозяйства и источникам средств существования. В коллекции музея выявлено всего три издания, из которых только один охватывает всю Россию: «Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 25 губерний Европейской России» (Москва, 1920), а два посвящены губерниям: «Численность городского и сельского населения Кулужской губернии» (Калуга, 1922), «Итоги переписи населения по Северо-Двинской губ. (Великий Устюг, 1922). В 1923 г. была проведена перепись населения в городах и поселках городского типа одновременно с переписью промышленных и торговых предприятий. В коллекции музея данная перепись сохранилась в девяти изданиях: «Итоги переписи владений, строений и квартир в городах и поселках городского типа» (Москва, 1924), «Население городов Союза С.С.Р. по занятиям» (1925), «Распределение городского населения по главным отраслям труда» (1925), «Краткая промышленная характеристика городов и поселений городского типа (1926) и др. Быстрый рост экономики сделал необходимым проведение новой переписи населения, которую осуществили в декабре 1926 г. Это была фактически первая Всесоюзная перепись населения [11]. Результаты данной переписи выходили с 1928 по 1933 гг., всего было опубликовано 56 томов, пять из которых имеются в музее: «Всесоюзная перепись населения. Т. I. Северный район. Ленинградско-Карельский район. Народность, родной язык, возраст, грамотность (1928), «Т. XVIII. Северная полоса. Северный район. Ленинградско-Карельский район. Занятия» (1929), «Т. LIII. Владения, строения, жилые и нежилые помещения в городах и городских поселениях Союза ССР» (1929) и др. Перепись 1926 г. отличалась богатством собранных данных, особенно о социальном составе населения и о семьях. Переписи проводились в 1937, 1939, 1959, 1970, 1979 гг., но, к большому сожалению, в фондах музея данных по этим переписям не сохранилось.

В коллекции Национального музея сохранились издания Коми края. Сборник областной плановой комиссии «Коми область» является первой попыткой систематизировать и дать широким слоям трудящихся представление о богатом Коми крае, о его экономических возможностях, о жизни коми-зырян (Устьсысольск, 1926). Коми областным статистическим отделом были подготовлены и изданы Итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г.: «Население по возрасту, полу, народности и грамотности автономной Коми области» (Устьсысольск, 1928), «Население по полу и народности автономной области Коми» (год не указан). В 1927 г. был издан «Список населенных мест» с данными о населении по переписям 1920 и 1926 гг. Книги изданы

в рукописном виде стеглографским способом. После проведения районирования по Северному краю в 1929 г. и изменения границ Коми области выявилась необходимость иметь список населенных мест Коми области в новых границах и применительно к новому административному делению. Поэтому статистический сектор Облплана издает новый «Список населенных мест Коми области» (Сыктывкар, 1930) [12].

Все перечисленные источники – статистические и демографические – имеют свои достоинства и недостатки, взаимно дополняют друг друга и лишь в единстве их использования позволяют получать достоверную и полную картину происходящих в обществе процессов и являются важным информационным ресурсом общества.

Источники и литература

1. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 118.
2. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 159.
3. Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987. С. 109.
4. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. XXXI. С. 498–499.
5. История российской государственной статистики: 1811–2011. М., 2013. С. 58.
6. Данилевский И.Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Российской истории. М., 2000. С. 438.
7. Полин Н.В. Материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. как исторический источник // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981. С. 184–188.
8. Итоги по губерниям, группам и классам производств. Северная область. Приозерная область. М., 1922. С. VII–VIII.
9. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 118.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. VII. Вологодская губерния. Тетрадь I. 1901. С. I.
11. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 323–324.
12. Бабушкин А.И. Список населенных мест Коми области. Сыктывкар, 1930. С. 3.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

УДК 930.2 : 314.8.062(470.13)"17/..."

*А.М. Мацук, М.А. Мацук**

Нижневычегодские волости Коми края в начале XVIII века**

Публикуется фрагмент переписной книги Яренского уезда 1710 г., содержащий информацию о населенных пунктах Коми края, расположенных на нижней Вычегде.

Ключевые слова: переписная книга, Коми край, публикация документа, населенные пункты.

A.M. Matsuk, M.A. Matsuk

The Low-Vychegda volosts of the Komi territory in the beginning of XVIII century

A fragment from the 1710 census book of the Yarensk district containing information on the settlements of the Komi territory located on the Low Vychegda is published.

Key words: census book, Komi territory, the document publication, settlements.

Начало XVIII столетия – один из самых сложных периодов истории России. В это время на фоне продолжавшейся Северной войны прошли реформы Петра I, кардинально изменившие облик страны. Военные действия против Швеции, Турции, Закавказские походы требовали постоянного пополнения армии. Запланированный перенос столицы во вновь основанный город Санкт-Петербург сопровождался активным строительством этого города. Пополнение армии и работы на строительстве Санкт-Петербурга требовали, в свою очередь, постоянного изымания из семей тяглых сословий мужчин трудоспособного возраста. Данное обстоятельство не могло не сказаться отрицательно на демографическом состоянии населения страны. Все перечисленные моменты: реформирование административно-политических и культурных основ России, военные действия, сокращение населения, экономические новации на протяжении двух с лишним столетий, – являлись предметом исторических исследований, как общероссийских, так и региональных. Историография первой четверти XVIII в. поистине огромна. Не являлась исключением и историческая наука Коми АССР – Республики Коми.

Среди исторических источников, привлекавшихся исследователями при изучении указанного периода, важное место принадлежит переписной книге Яренского уезда 1710 г. Ее данные для характеристики движения численности народонаселения Коми края в целом и Яренского уезда на уровне приведения отдельных фактов, в частности, использовались авторами обобщающих трудов по истории Коми (Н.Ф. Демидова, В.В. Политов, И.Л. Жеребцов) [1]. Н.Ф. Демидова при написании параграфа в «Очерках по истории Коми АССР» использовала не оригинал переписной книги 1710 г., а копию, сохранившуюся в фонде Яренской воеводской канцелярии. По неизвестным причинам и без какой-либо аргументации она указала, что «данные переписей 1707–1710 гг., к сожалению, не полны» [2].

* **Мацук Александр Михайлович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; **Мацук Михаил Александрович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, заведующий лабораторией археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, michailmatsuk@gambler.ru.

** Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике».

Более подробно сведения, представленные в данной книге, исследовались Н.П. Воскобойниковой, И.Л. Жеребцовым и А.М. Мацуком. Н.П. Воскобойникова впервые привела данные о количестве селений, дворов и численности тяглого населения мужского пола. Она не дала сведений о дворах и населении духовенства и в целом о женском населении [3]. И.Л. Жеребцов систематизировал данные переписной книги Яренского уезда 1710 г. и привел в своих монографиях сведения о половом составе населения, количестве дворов и численности населения по всем административно-территориальным единицам переписываемой в 1710 г. части уезда, а также данные о внутриуездных (внутренних) миграциях и перемещениях населения за пределы уезда [4]. А.М. Мацук проанализировал данные о половозрастном составе населения на примере Еренского городка и погоста Палевицы; подробно рассмотрел вопрос о дворности населенных пунктов и другие сюжеты. Они в основном прозвучали в форме докладов на научных конференциях и публикуются в данной монографии в качестве параграфов; опубликована также одна статья [5].

Краткую характеристику документа дала в своей статье Н.П. Воскобойникова [6]. По неизвестной нам причине она указала, что в переписной книге Яренского уезда 1710 г. приведены сведения не только по Вычегодской и Вымской землям и архиерейской вотчине, но и по отхожим Удорским волостям. В публикуемом нами документе таких сведений нет. Возможно, Н.П. Воскобойникова допустила ошибку, или же раньше в дело, основная часть которого состояла из переписной книги Яренского уезда 1710 г., архивисты включили дополнительно часть переписного материала, посвященного населению Удорских волостей. В 1972 г., во время микрофильмирования переписной книги Яренского уезда 1710 г., в архивном деле таких дополнительных материалов не было.

Документ представляет собой беловик переписной книги. Все листы этой книги заверены подписями (скрепами) переписчика – стольника и воеводы Еренского (Яренского) уезда Ивана Ивановича Немтинова. Структурно книга распадается на блоки. Каждый блок соответствует какой-либо административно-территориальной единице уезда (Еренский посад, погосты (волости), Спаский Сойгинский монастырь). Каждый блок написан волостным (посадским, монастырским) дьячком. Почерки в каждом случае разные. Разное и написание некоторых слов, что видно из публикации текста документа. Каждый блок полистно скреплен подписями волостных целовальников. Однако не их самих, а по их велению Еренских посадских людей, вероятно принимавших непосредственное участие в переписи населения. В конце книги имеется итог по всей переписанной территории уезда, в котором указано количество дворов церковных, посадских, крестьянских и иных и число людей обоего пола. В оригинале документа отсутствуют два листа из начала книги. На них размещалась информация о духовенстве Еренского посада.

Мы осуществляли перевод рукописи на современную орфографию по микрофильму данного документа. Микрофильм сделан в 1972 г. по заказу Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. В настоящее время данный микрофильм хранится в Научной библиотеке Коми НЦ УрО РАН.

В данную публикацию включен фрагмент переписной книги 1710 г., содержащий сведения о нижнеычегодских волостях Коми края – от Жешарта до Палевиц (Полный текст будет опубликован нами в серии «Новые источники по истории Европейского Севера России», которую с 2014 г. издает Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН»). Документ публикуется в соответствии с действующими правилами издания исторических документов. Вышедшие из употребления буквы передаются буквами современного гражданского алфавита. Краткое «и» обозначается согласно правилам современной орфографии. В конце слов буква «ъ» опускается, буква «ь» ставится по правилам современной орфографии. Числа, написанные словами, оставляются без сокращений. Принятые в рукописи однотипные и часто повторяющиеся сокращенные слова, например: «д» - двор, «в» - во дворе и др. раскрываются без оговорок. Прописные буквы употребляются согласно правилам современной орфографии. Явные описки, вписывания слов и частей слов в строку и другие казусы оговариваются в тексте в скобках.

Источники и литература

1. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. Т. 1. С. 150, 164, 165, 181–182; История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. С. 76; История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 1. С. 230, 246.
2. Очерки по истории Коми АССР. Т. 1. С. 148.
3. *Воскобойникова Н.П.* Динамика народонаселения Яренского уезда в XVIII в. // Традиции и новации в народной культуре коми. Сыктывкар, 1983. С. 96–106; С. 102–103, 105–106. (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР).
4. *Жеребцов И.Л.* Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. С. 22, 56, 57, 138 и др.; *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. 376 с.; *Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П.* Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. 202 с.;

Жеребцов И.Л. Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник. М.: Наука, 2001. 580 с.; *Жеребцов И.Л.* Где ты живешь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 448 с.; *Жеребцов И.Л.* Переписные книги начала XVIII в. как источник для изучения численности населения Коми края // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР. Тезисы. Вологда, 1989. Ч. 2. С. 108–111.

5. *Мацук А.М., Мацук М.А.* Яренское околородье в начале XVII и начале XVIII вв.: культурно-демографические аспекты // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы Итоговой Всероссийской научно-теоретической конференции (с международным участием) (24 – 25 октября 2013 г., Сыктывкар): в 5 частях. Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2013. Ч. 4: Симпозиум «Социокультурная динамика российской северной провинции: история и современность (на материалах Республики Коми)». С. 14–22.

6. *Воскобойникова Н.П.* Динамика народонаселения Яренского уезда в XVIII в. С. 97.

Переписная книга Яренского уезда 1710 года

(Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 1. Д. 478)

(Л. 5) Лета 1710-го мая в 3 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и по грамоте из Сибирского приказа, какова прислана в Еренск к стольнику и воеводе Ивану Ивановичю Немтинову за приписью дьяка Якова Щетинина. Велено в Сибирской губернии, как и в протчих во всех губерниях, во всех городех и уездех, переписать дворы и в них людей мужеска и женска полу от мала и до велика, не обходя никого, всех по имяном и в лета, для ведения его царьскому величеству о числе людей – сколько в котором городе есть. И по тому великого государя указу стольник и воевода Иван Иванович Немтинов в Еренску на посаде и в уезде дворы, и в них людей мужеска и женска полу переписал. А по переписи в Еренску //

<...>

(Л. 186) Погост Жешарт

Во дворе священник Алексей Конанов, сорока трех лет; жена ево Ирина, тритцати пяти лет; дети ево: Василей, десяти лет; Иван, семи лет; Агафья, девяти лет; у него ж братья родные: пономарь Михайло, тритцати пяти лет; Захар, тритцати лет; у Михаила жена Евдокия, тритцати лет; сын ево Семен, году.

Во дворе дьячек Стефан Герасимов сын Козлов, пятидесяти трех лет; брат ево родной Федор, сорока трех лет; у Стефана жена Настасья, пятидесяти лет; дети ево: Иван, тритцати лет; Яков, девяти лет; Ирина, пятнатцати лет; у Ивана жена Ульяна, дватцати семи лет; сын ево Петр, года; у Федора жена Гликерия, дватцати шти лет; дети ево: Алексий, дватцати дву лет; Осип, шеснатцати лет.

Во дворе просвирня Мавра Прокопьева дочь, пятидесяти лет; сын ея Иван, тритцати лет; жена ево Анна, дватцати лет; сын ево Иван, года.

Во дворе трапезник Иван Дементьев сын Офимьиных, сорока пяти лет; сестра ево Марья, тритцати пяти лет; сын ево Гурий, десяти лет. //

(Л. 186 об.) Деревни Межега

Во дворе вдова Маремьяна Федотовская жена Иванчина, пятидесяти лет; бездетна.

Во дворе крестьянин Семен Федоров сын Межецких, тритцати лет; у него мати Февронья, пятидесяти лет; брат ево Петр, дватцати пяти лет; сестра ево Евдокия, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Федор Багатырев (не указано, сколько лет. – *М.М.*); у него сын Василей, тритцати лет; жена ево Варвара, дватцати осми лет; у него ж мати Пелагия, семидесяти лет.

Во дворе крестьянин Василей Федоров сын Пешкин, пятидесяти лет; жена ево Катерина, сорока осми лет; сын ево Пимин, тритцати лет; жена ево Стефанида, дватцати девяти лет.

Во дворе бобыль Никита Васильев сын Просужих, дватцати лет; у него мати Соломия, пятидесяти лет; сестра ево Стефанида, шти лет.

Во дворе крестьянин Семен Федотов сын Волков, тритцати пяти лет; жена ево Елисаветф, тритцати трех лет; дети ево: Дарья, осми лет; Парасковья, трех лет. //

(Л. 187) Во дворе крестьянин Зотий Иванов сын Просужих, тритцати лет; жена ево Ульяна, дватцати осми лет; мати ево Маремьяна, семидесяти дву лет; сестра ево Матрона, семи лет.

Во дворе вдова Ульяна Ильинская жена Иванова, осмидесяти лет; бездетна.

Во дворе крестьянин Семен Иванов сын Фетиев, семидесяти лет; жена ево Парасковья, штидесяти лет; дети ево: Василей, сорока лет; Пелагия, дватцати лет; Агафья, пятнатцати лет; у Василья жена Антонида, сорока лет; дети ево: Анна, десяти лет; Варвара, семи лет.

Во дворе бобыль Иван Савин сын Фетиев, сорока лет; жена ево Елена, пятидесяти лет; сын ево Георгий, десяти лет; у него ж сестры: Анна, сорока лет; Федосья, тридцати лет.

Во дворе половник Епифана Чюкичева Иван Афанасьев сын Фоминых, сорока пяти лет; жена ево Акилина, сорока четырех лет; дети ево: Елена, пятнадцати лет; Маремьяна, четырнадцати лет; Стефан, трех лет; у него ж брат двоюродной Семен, сорока дву лет; жена ево Соломия, сорока лет; сын ево Андрей, трех лет. //

(Л. 187 об.) Во дворе крестьянин Федор Кирилов сын Межецких, двадцати лет; мати ево Варвара, пятидесяти осми лет; сестра ево Овдотья, десяти лет.

Во дворе половник Леонтья Чюкичева Игнатей Фомин сын Истомин, пятидесяти трех лет; жена ево Маремьяна, сорока осми лет; дети ево: Антон, десяти лет; Маремьяна, семнадцати лет; Лукирья, четырнадцати лет.

Во дворе крестьянин Василий Стефанов сын Седрочев, сорока дву лет; жена ево Лукирья, сорока лет; дочь ево Овдотья, семи лет.

Во дворе крестьянин Иван Ульянов сын Екимовых, штидесяти лет; жена ево Татьяна, пятидесяти девяти лет; сын ево Антипа, двадцати лет; у Антипы жена ево Христина, двадцати дву лет; дочь ево Матрона, дву лет.

Во дворе крестьянин Иван Федоров сын Агиев, штидесяти осми лет; у него сын Сидор, тридцати дву лет; жена ево Оксинья, тридцати лет; дочь ево Василиса, трех лет; у Ивана ж дочь Матрона, четырнадцати лет.

Во дворе крестьянин Петр Кирилов сын Матухин, тридцати лет; жена ево Маремьяна, тридцати лет; // (Л. 188) дочь ево Анна, осми лет.

Во дворе вдова Овдотья Григорьевская жена Екимовых, пятидесяти лет; дочь ея Каптелина, пяти лет.

Во дворе крестьянин Федор Игнатъев сын Пиминовых, сорока лет; жена ево Анна, тридцати лет; дочь ево Матрона, двенатцати лет; у него ж брат родной Дмитрий, двадцати пяти лет; жена ево Овдотья, двадцати четырех лет; у них же мачеха Федора, двадцати лет.

Во дворе крестьянин Андрей Карпов сын Мининых, сорока пяти лет; жена ево Катерина, сорока лет; дети ево: Авдей, двадцати лет; Федор, пятнадцати лет; у Авдия жена Анна, семнадцати лет.

Во дворе крестьянин Иван Карпов сын Мининых, штидесяти осми лет; дети ево: Филип, тридцати трех лет; Елфим, тридцати лет; у Филипа жена Оксинья, тридцати дву лет; дети ево: Дарья, семи лет; Парасковья, пяти лет; у Елфима жена Мавра, тридцати трех лет; дочь ево Пелагия, дву лет.

Во дворе крестьянин Дмитрий Никитин сын Гилев, пятидесяти пяти лет; сын ево Иван, пятнадцати лет; жена ево Матрона, // (Л. 188 об.) двадцати пяти лет; у него ж брат родной Никифор, пятидесяти лет; жена ево Катерина, сорока лет; дочь ево Дарья, десяти лет.

Во дворе крестьянин Филип Клементъев сын Мининых, пятидесяти лет; жена ево Оксинья, сорока лет; дети ево: Федор, осмнатцати лет; Анна, осми лет.

Деревня Римья

Во дворе половник Епифана Чюкичева Козма Георгиев сын Мишев, пятидесяти лет; жена ево Ульяна, тридцати лет; дети ево: Никита, двадцати лет; Игнатей, пятнадцати лет; Оксинья, семи лет; у Никиты жена Матрона, осмнатцати лет.

Во дворе крестьянин Андрей Стефанов сын Коковкин, штидесяти лет; жена ево Ирина, пятидесяти лет; дети ево: Иван, тридцати лет; Кирило, двадцати лет; у Ивана жена Татьяна, двадцати пяти лет; сын ево Петр, четырех лет; дочь Овдотья, дву лет; у Кирила жена Стефанида, двадцати пяти лет.

Во дворе крестьянин Полуян Ульянов сын Римских, штидесяти лет; дети ево: Иван, сорока лет; Дмитрий, // (Л. 189) пятнадцати лет; у Ивана жена Овдотья, тридцати лет; дети ево: Нефед, пяти лет; Овдотья, трех лет.

Во дворе крестьянин Федор Денисов сын Федосиев, пятидесяти шти лет; жена ево Анна, пятидесяти лет; дети ево: Михайло, семи лет; Ховронья, осмнатцати лет; у него ж племянник Фадей, пятнадцати лет.

Во дворе крестьянин Перфирей Павлов сын Римских, пятидесяти трех лет; жена ево Настасья, пятидесяти лет; дети ево: Лаврентей, семи лет; Лукирья, шеснатцати лет.

Во дворе бобыль Афанасей Васильев сын Римских, штидесяти лет; жена ево Феодора, пятидесяти четырех лет; дети ево: Стефан, двадцати лет; Марья, пятнадцати лет.

Погост Жешарт

Во дворе крестьянин Маркел Петров сын Потапов, шестнатцати лет; мати ево Ульяна, сорока лет.

Во дворе вдова Оксинья Григорьевская жена Попова, пятидесяти лет; бездетна.

Во дворе крестьянин Федор Аммосов сын Потапов, сорока дву лет; жена ево Татьяна, тридцати // (Л. 189 об.) шти лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Тимофей Михайлов сын Ячменев, сорока лет; у него жена Марфа, тридцати лет; дочь ево Пелагия, десяти лет.

Во дворе нищей Сергей Дементьев сын Кызьюров, пятидесяти лет; жена ево Татьяна, сорока трех лет; сын ево Иван, четырнатцати лет.

Во дворе крестьянин Никита Родионов сын Шепетев, тридцати пяти лет; жена ево Евдокия, сорока лет; дети ево: Афанасей, пяти лет; Алексей, дву лет; у него ж брат родной Иван, пятнатцати лет; жена ево Татьяна, семнатцати лет.

Во дворе крестьянин Терентей Иванов сын Ларионовых, сорока семи лет; жена ево Татьяна, сорока лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Василей Михайлов (сын) Ячменев, тридцати пяти лет; жена ево Парасковья, дватцати трех лет; дочь ево Агафья, дву лет; у него ж брат родной Дорофей, тридцати лет.

Во дворе крестьянин Осип Нестеров сын Панов, сорока пяти // (Л. 190) лет; жена ево Ирина, тридцати пяти лет; у него мати Катерина, семидесяти шти лет.

Во дворе бобыль Козма Прокопьев сын Попов, штидесяти пяти лет; жена ево Варвара, пятидесяти лет.

Во дворе крестьянин Андрей Панфилов сын Панов, пятидесяти лет; жена ево Маремьяна, сорока лет; дети ево: Федор, пяти лет; Катерина, дву лет.

Половник посадского человека Ивана Володимерова сына Малахиева Нефед Панфилов сын Панов, сорока пяти лет; жена ево Федосья, сорока лет; дочь ево Анна, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Алексей Карпов сын Митрошин, штидесяти лет; у него невестка Овдотья, тридцати пяти лет; дочь ево ж Парасковья, семи лет.

Во дворе крестьянин Филип Амосов сын Подюков, пятидесяти пяти лет; сын ево Петр, тридцати лет; жена ево Катерина, дватцати девяти лет; сын ево Андрей, шти лет.

Во дворе крестьянин Иван Петров сын Гамитин, семидесяти трех лет; сын ево Мирон, тридцати осми лет; // (Л. 190 об.) жена ево Офимья, дватцати шти лет; сын ево Алексей, шти месяцев; у него ж невестка Маремьяна, пятидесяти лет; бездетна.

Во дворе крестьянин Сидор Степанов сын Панов, штидесяти пяти лет; жена ево Агрипина, штидесяти трех лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Стахий Яковлев сын Марков, сорока лет; жена ево Офимья, тридцати лет; у него ж пасынки: Дмитрий, пятнатцати лет; Мартин, тринацати лет; у него ж мати Федора, семидесяти трех лет.

Во дворе крестьянин Яков Макаров сын Ячменев, пятидесяти лет; брат ево родной Фома, сорока лет; сестра ево Парасковья, пятидесяти пяти лет.

Во дворе крестьянин Фома Трофимов сын Старищев, осмидесяти трех лет; сын ево Марко, сорока четырех лет; жена ево Татьяна, сорока лет; дети ево: Федор, одиннатцати лет; Ирина, шестнатцати лет; Оксинья, двенатцати лет; Варвара, пяти лет.

Во дворе бобыль Трифон Никитин сын Вихляев, сорока осми лет; жена ево Ховронья, сорока лет; дети ево: Прокофей, четырнатцати лет; Алексей, осми лет. //

(Л. 191) Во дворе крестьянин Иван Евстратьев сын Ячменев, тридцати лет; брат ево Мартин, дватцати пяти лет; у Ивана жена ево Анна, дватцати лет; у Мартына жена Ирина, дватцати лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Василей Петров сын Бызов, дватцати пяти лет; жена ево Фетинья, тридцати лет; дочь ево Стефанида, пяти лет.

Во дворе крестьянин Григорей Лукин сын Лабицын, пятидесяти лет; жена ево Ирина, сорока лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Гурей Трофимов сын Кочев, пятидесяти лет; жена ево Акилина, сорока лет; дети ево: Карп, дватцати лет; Иван, семи лет; Федосья, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Федор Лукин сын Лабицын, сорока лет; жена ево Анисья, тридцати лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Василей Леонтьев сын Безменов, сорока пяти лет; жена ево Оксинья, сорока шти лет; сын ево Петр, одиннатцати лет; жена ево Федосья, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Сергей Семенов сын Лютоев, пятидесяти шти лет; жена ево Устина, сорока че // (Л. 191 об.) тырех лет; у него ж невестка Фетинья, тридцати лет; дочь ево Соломия, года.

Во дворе крестьянин Иван Парфенов сын Мишев, сорока осми лет; жена ево Ирина, тридцати семи лет; дети ево: Матрона, шти лет; Ирина, трех месяцев; у него ж невестка Ирина, сорока осми лет; дочь ея Василиса, тринацати лет.

Во дворе крестьянин Аникий Сергиев сын Кузнецов, тридцати пяти лет; брат ево родной Макар, тридцати лет; у Аникия жена Марья, тридцати пяти лет; сын ево Григорей, осми лет; у Макара жена Февронья, дватцати шти лет; дочь ево Оксинья, года.

Во дворе крестьянин Андрей Михайлов сын Ячменев, сорока пяти лет; жена ево Анна, дватцати дву лет; дети ево: Аверкий, шеснатцати лет; Никифор, одного месяца.

Во дворе крестьянин Гурей Федоров сын Кованов, тридцати девяти лет; жена ево Марья, сорока трех лет; дети ево: Лукирья, шеснатцати лет; Федор, двенатцати лет; Стефан, осми лет; Елена, шти лет; Федосья, четырех лет. //

(Л. 192) Во дворе крестьянин Панфил Григорьев сын Мишев, пятидесяти лет; жена ево Каптелина, пятидесяти дву лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Евсий Иванов сын Вихляев, пятнатцати лет; сестра ево Катерина, десяти лет.

Во дворе крестьянин Семен Иванов сын Агафонов, пятидесяти девяти лет; жена ево Агрипина, пятидесяти семи лет; дети ево: Федосей, тридцати трех лет; Настасья, дватцати пяти лет.

Во дворе вдова Марфа Фоминская жена Кызродева, семидесяти лет; сын ея Хрисанф, дватцати лет; жена ево Соломия, осмнатцати лет.

Во дворе крестьянин Игнатей Селивестров сын Ростегаев, сорока дву лет; жена ево Матрона, тридцати девяти лет; дочь ево Евдокия, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Аника Лукиянов сын Ростегаев, штидесяти пяти лет; жена ево Овдотья, штидесяти трех лет; сын ево Прокопей, сорока лет; жена ево Оксинья, тридцати девяти лет.

Во дворе крестьянин Андрей Григорьев сын Вихляев, // (Л. 192 об.) сорока шти лет; жена ево Анна, сорока лет; сын ево Елизар, семнатцати лет.

Во дворе крестьянин Яков Трофимов сын Старищев, семидесяти лет; жена ево Марья, штидесят осми лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Митрофан Козмин сын Пархачев, пятидесяти девяти лет; жена ево Дарья, пятидесяти лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Дементей Козмин сын Пархачев, семидесяти лет; сын ево Стефан, тридцати девяти лет; жена ево Федосья, тридцати лет; сын ево Михайло, года.

Во дворе бобыль Михайло Олексиев сын Кукольников, пятидесяти шти лет; жена ево Улита, сорока лет; дети ево: Сила, девятнатцати лет; Анна, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Георгий Исаков сын Шепетов, семидесяти трех лет; жена ево Марфа, семидесят лет; сын ево Федор, тридцати трех лет; Марья, девятнатцати лет; у Федора жена Ульяна, дватцати семи лет; дети ево: Григорей, десяти лет; Иван, осми лет; Петр, четырех лет; Елена, пяти лет; у него же для деревенской работы Логин Михайлов сын Суворов, тридцати четырех лет; жена ево Маремьяна, тридцати // (Л. 193) семи лет; дочь ево Анна, трех лет; сын ево Максим, дву лет; у него ж самоцкой породы Мартиниян Дорофиев, осмнатцати лет.

Во дворе крестьянин Борис Петров сын Шепетов, тридцати четырех лет; жена ево Татьяна, тридцати лет; дочь ево Анна, шти лет; мати ево Соломия, семидесяти пяти лет.

Во дворе крестьянин Василей Микулин сын Канев, пятидесяти пяти лет; дети ево: Василей, пятнатцати лет; Максим, одиннатцати лет; Семен, осми лет; у Василья жена Дарья, семнатцати лет.

Во дворе бобыль Дмитрий Федоров сын Костиных, тридцати пяти лет; жена ево Елисавет, дватцати дву лет; бездетен; у него ж отец Федор Исаков, штидесяти лет.

Во дворе крестьянин Василей Семенов сын Канев, штидесяти пяти лет; жена ево Меланья, штидесяти лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Козма Микулин сын Канев, штидесяти дву лет; жена ево Настасья, сорока пяти лет; дети ево: Козма, дватцати дву лет; Фекла, осмнатцати лет; Парасковья, шеснатцати лет. //

(Л. 193 об.) Во дворе вдова Марфа Нефедовская жена Меркурьева, пятидесяти лет; дочь ея Марья, девяти лет.

Во дворе вдова Устинья Павловская жена Костина, семидесяти лет; бездетна.

Во дворе крестьянин Парфен Никитин сын Мозгонов, сорока девяти лет; жена ево Соломия, сорока лет; дети ево: Артемей, шеснатцати лет; Нифонт, четьрнатцати лет; Марья, двенатцати лет.

Во дворе вдова Анисья Ивановская жена Флоровых, сорока дву лет; дети ея: Марья, осми лет; Овдотья, шти лет.

Во дворе крестьянин Иван Козмин сын Климушев, сорока лет; жена ево Дарья, тридцати лет; сын ево Павел, четырех лет; у него ж мати Катерина, штидесяти лет.

Во дворе крестьянин Ларион Федоров сын Попов, пятидесяти лет; жена ево Настасья, пятидесяти лет; сын ево Гаврило, дватцати лет; у него ж брат родной Федор, сорока лет; жена ево Анна, тридцати осми лет; дети ево: Василей, осми лет; Анна, четьрех лет; мати ево Лукирья, семидесяти лет. //

(Л. 194) Во дворе бобыль Иван Савин сын Вихляев, пятидесяти дву лет; жена ево Федосья, сорока пяти лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Федот Иванов сын Шильников, штидесяти лет; жена ево Марья, сорока лет; дети ево: Максим, пятнатцати лет; Марья, семи лет.

Во дворе крестьянин Иван Сидоров сын Кокорин, пятидесяти шти лет; жена ево Макорина, сорока четырех лет; дети ево: Никита, дватцати пяти лет; Анна, дватцати лет.

И всего в погосте Жешарте церковных причетников четыре двора. Людей в них: мужеска полу – семнацать; женска – десять человек. Да крестьянских и бобыльских, вдовьих и половничьих восемьдесят шесть дворов. Людей в них: мужеска полу – сто шездесят два; женска – сто восемьдесят четыре человека. //

(Л. 194 об.)

Дворы пустые: Деревни Межега

Двор пуст Богдана Петрова сына Межецких, и скитаецца в мире меж дворы; жена ево умре; дети ево в Сибирских городех.

Двор пуст Кирила Гаврилова сына Агиева, взят в салдаты; жена ево умре; детей не было.

Двор пуст Григорья Трофимова сына Гилева, взят в работу в Санкт Питербурх; жены и детей не было.

Деревни Римьи

Двор пуст Леонтья Матвиева сына Седрочева, взят в салдаты; жена ево умре и з детми.

Жешарт

Двор пуст крестьянина Ивана Гычева, умре з женою; детей не было.

Двор пуст Трифона Оксенова, умре з женою и з детми.

Двор пуст Еремия Тарасова сына Кузнецова, взят в работу на Таганрог.

Двор пуст вдовы Федоры Семеновы дочери, а Федоровской жены, умре; бездетна. //

(Л. 195) Двор пуст Филипа Амосова, перешел в новой двор.

Двор пуст Стефана Андриева сына Отева, умре з женою; бездетен.

Двор пуст Ярафея Андриева сына Гычева, умре з женою; детей не было.

Двор пуст Якова Трофимова сына Старищева, перешел в ьной двор.

Двор пуст Ивана Минина, умре з женою и з детми.

И всего пустых тринатцать дворов. //

Скрепы: Л. 186 – 195. Ива – н – Не – мь – ти – но – в – Ива – н – Немтинов //

Л. 186–197. К сим переписным книгам – вместо – Жешарской волости – земского – целовальника – Василья Ячменева – веле – нием ево – еренчанин – Василей – Матвиев сын Попов – руку приложил.

(Л. 198) Погост Гам

Во дворе священник Володимер Иванов, сорока дву лет; жена ево Домна, тритцати дву лет; дети ево: Иван, шти лет; Марфа, осми лет; Афанасей, дву лет.

Во дворе дьячек Елизарей Семенов сын Комаров, тритцати лет; жена ево Васса, дватцати осми лет; дети ево: Агрипена, пяти лет; Иван, трех лет; Парасковья, году.

Во дворе пономарь Карп Стефанов сын Козлов, тритцати лет; жена ево Анна, дватцати шти лет; дети ево: Марфа, трех лет; Ульяна, дву месяцев.

Во дворе просвирня Епистимия Афанасьева дочь, штидесяти осми лет; сын ея Дементей, дватцати лет.

Во дворе трапезник Спиридон Семенов сын Полев, пятидесяти лет; жена ево Марфа, сорока лет; сын ево Артемей, тритцати лет; жена ево Домна, тритцати лет.

Во дворе половник Ивана Федорова сына Агиева // (Л. 198 об.) Никита Исаков сын Полев, тритцати лет; жена ево Марья, дватцати лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Сергей Панкратьев сын Вакорин, сорока лет; жена ево Анна, тритцати девяти лет; дочь ево Анна, пяти лет.

Во дворе крестьянин Карп Нефедов сын Хлопов, пятидесяти лет; жена ево Анна, сорока лет; дочь ево Анна, пятнатцати лет; у него ж племянник Максим, дватцати лет; жена ево Оксинья, семнатцати лет.

Во дворе крестьянин Федор Елизаров сын Баташев, сорока лет; жена ево Ирина, тритцати лет; дети ево: Марья, дву лет; Оксинья, полугода.

Во дворе крестьянин Иван Андреев сын Адамов, пятидесяти лет; жена ево Овдотья, пятидесяти лет; сын ево Феоктист, дватцати лет; у Феоктиста жена Гликерия, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Софон Фомин сын Кутькин, пятидесяти лет; жена ево Маремьяна, пятидесяти дву лет; дети ево: Игнатей, дватцати лет; Овдотья, осмнатцати лет; у Игнатья жена // (Л. 199) Агрофена, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Маркел Максимов сын Сухарев, штидесяти пяти лет; сын ево Михай, тритцати лет; жена ево Овдотья, дватцати осми лет.

Во дворе крестьянин Федот Алексиев сын Карповых, сорока пяти лет; брат ево родной Костянтин, тридцати дву лет; у Федота жена Овдотья, тридцати лет; сын ево Василей, десяти лет.

Во дворе крестьянин Родион Андреев сын Адамов, тридцати лет; жена ево Василиса, тридцати дву лет; дочь ево Оксинья, шти лет.

Во дворе крестьянин Евтроп Осипов сын Отев, пятидесяти осми лет; жена ево Ирина, пятидесяти лет; дети ево: Савин, тридцати лет; Матрона, одиннатцати лет; у Савина жена Марья, дватцати пяти лет; дочь ево Анна, года; у него ж на подворье Марфа Семенова дочь, осмидесяти лет.

Во дворе бобыль Фотей Тимофеев сын Лодыгин, штидесяти семи лет; бездетен.

Во дворе вдова Христина Киприяновская жена // (Л. 199 об.) Обросова, семидесяти лет; бездетна.

Во дворе крестьянин Петр Евсевьев сын Отев, пятидесяти лет; жена ево Оксинья, дватцати четырех лет; дочь ево Анна, десяти лет.

Во дворе крестьянин Иван Семенов сын Отев, сорока лет; жена ево Федосья, тридцати шти лет; дети ево Иван, шти лет; Парасковья, четырех лет.

Во дворе крестьянин Петр Гурьев сын Челпанов, сорока трех лет; жена ево Овдотья, сорока лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Стефан Романов сын Гитев, пятидесяти лет; жена ево Овдотья, сорока лет; дети ево: Иван, тридцати лет; Марина, десяти лет.

Во дворе крестьянин Иван Васильев сын Безсонов, дватцати лет; у него сестры: Меланья, дватцати дву лет; Пелагия, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Иван Гурьев сын Челпанов, сорока лет; жена ево Настасья, тридцати лет; дочь ево Устинья, полугода.

Во дворе крестьянин Андрей Поликарпов сын Кочев, тридцати лет; жена ево Анна, тридцати лет; дочь ево Елена, // (Л. 200) дву лет.

Во дворе вдова Овфимья Козминская жена Федотова, штидесяти лет; бездетна.

Во дворе крестьянин Семен Максимов сын Околтышев, сорока лет; жена ево Марья, тридцати лет; сын ево Василей, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Федот Афанасьев сын Пархачев, пятидесяти шти лет; жена ево Овдотья, пятидесяти лет; дети ево: Мартемьян, дватцати лет; Ульяна, семи лет.

Во дворе Марья Тимофиевская жена, сорока девяти лет; бездетна.

Во дворе крестьянин Афанасей Поликарпов сын Кочев, дватцати трех лет; жена ево Евдокия, дватцати пяти лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Стахей Михайлов сын Полев, сорока лет; у него ж брат родной Пимин, тридцати лет; у Стахея жена Марфа, тридцати пяти лет; дети ево: Осип, тринатцати лет; Федосья, десяти лет.

Во дворе крестьянин Давыд Федотов сын Полев, // (Л. 200 об.) сорока шти лет; жена ево Марфа, тридцати лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Нифонт Иванов сын Шильников, пятидесяти пяти лет; жена ево Федосья, сорока лет; дети ево: Татьяна, двенатцати лет (слово «лет» вписано между словами «двенатцати» и «Семен», причем пришлось подтереть ранее написанную букву «С» в слове «Семен» - М.М.); Семен, трех лет.

Во дворе крестьянин Иван Кирилов сын Заневых, пятидесяти лет; жена ево Катерина, сорока шти лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Панфил Михайлов сын Полев, тридцати пяти лет; жена ево Пелагия, тридцати лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Еремий Давыдов сын Федотов, тридцати лет; жена ево Дарья, тридцати лет; дочь ево Марфа, трех лет.

Во дворе вдова Евгения Насонова дочь, а Поликарповская жена, семидесяти пяти лет; бездетна.

Во дворе вдова Василиса Онкудинова дочь, сорока пяти лет; у нее сын Федор, девяти лет; дочь Анна, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Омельян Григорьев сын Власов, // (Л. 201) сорока лет; жена ево Пелагия, сорока лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Сидор Иванов сын Власов, тридцати пяти лет; жена ево Анна, тридцати лет; сын ево Максим, года.

Во дворе крестьянин Яков Иванов сын Власов, штидесяти лет; жена ево Акилина, штидесяти лет; дети их: Андриян, сорока лет; жена ево Татьяна, сорока лет; дети ево: Роман, четырех лет; Парасковья, шти лет.

Во дворе крестьянин Иван Григорьев сын Власов, тридцати лет; жена ево Ульяна, дватцати пяти лет; сын ево Назар, осми лет.

Во дворе крестьянин Никита Иванов сын Белоголов, пятидесяти лет; жена ево Федора, тридцати четырех лет; дети ево: Елена, пятнатцати лет; Ульяна, двенатцати лет; Яков, полутора года.

Во дворе крестьянин Иван Иванов сын Белоголов, тридцати пяти лет; жена ево Ульяна, тридцати дву лет; дети ево: Михайло, полутора года; Парасковья, одиннатцати лет.

Во дворе крестьянин Лазарь Петров сын Териев (надо «Туриев» - М.М.), штидесяти // (Л. 201 об.) лет; жена ево Овдотья, пятидесяти осми лет; сын ево Ларион, тридцати лет; жена ево Парасковья, тридцати лет; сын ево Дмитрий, шти лет.

Во дворе крестьянин Антон Иванов сын Белоголов, тридцати дву лет; жена ево Меланья, тридцати лет; сын ево Сидор, четырех лет.

Во дворе вдова Оксинья Максимова дочь, Сергиевская жена Туриева, пятидесяти лет; бездетна; у нее ж на подворье Анна Федорова дочь Туриева ж, сорока лет; бездетна ж.

Во дворе бобыль Роман Кирилов сын Подоров, штидесяти лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Василей Торопов, сорока пяти лет; жена ево Мавра, сорока лет; дети ево: Иван, пятнатцати лет; Марья, осми лет.

Во дворе крестьянин Филип Иванов сын Челпанов, штидесяти пяти лет; жена ево Анна, семидесяти лет; сын ево Клементей, тридцати лет; жена ево Василиса, тридцати лет; // (Л. 202) дочь ево Агафья, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Павел Калинин сын Есев, сорока лет; жена ево Макрина, сорока лет; сын ево Иван, десяти лет.

Во дворе вдова Стефанида Трофимовская жена Дунаева, сорока лет; дочь ево (так в тексте. – М.М.) Татьяна, пяти лет.

Во дворе бобыль Стахий Козмин сын Коняев, сорока пяти лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Козма Стахийев сын Юсев, сорока осми лет; жена ево Меланья, сорока шти лет; дочь ево Ульяна, десяти лет.

Во дворе крестьянин Никита Ларионов сын Туркин, штидесяти лет; жена ево Анна, сорока лет; дети ево: Иван, тридцати лет; Конан, сорока пяти лет; у Ивана жена Марья, дватцати осми лет.

Во дворе крестьянин Иван Федотов сын Булашев, штидесяти лет; жена ево Ирина, пятидесяти лет; бездетен. //

(Л. 202 об.) Во дворе крестьянин Тимофей Юрьев сын Габов, штидесяти лет; жена ево Парасковья, пятидесяти шти лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Авксентей Меркурьев сын Огнев, штидесяти осми лет; жена ево Каптелина, пятидесяти девяти лет; сын ево Дмитрий, сорока лет; жена ево Ульяна, дватцати девяти лет; дочь ево Аносья, двенатцати лет.

Во дворе крестьянин Стахий Андреев сын Кызродев, семидесяти дву лет; сын ево Игнатей, сорока пяти лет; жена ево Ульяна, сорока лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Василей Меркурьев сын Огнев, пятидесяти девяти лет; жена ево Марья, сорока лет; дочь ево Анисья, десяти лет.

Во дворе крестьянин Никифор Мелентьев сын Кызродев, штидесяти лет; жена ево Стефанида, пятидесяти осми лет; сын ево Ларион, семи лет.

Во дворе крестьянин Гаврило Мелентьев сын Кызродев, пятидесяти лет; жена ево Ирина, сорока лет; дочь ево Евлампия, дву лет. //

(Л. 203) Во дворе бобыль Малахий Андреев сын Сурказанов, пятидесяти лет; жена ево Федосья, сорока пяти лет; дети ево: Никифор, дватцати лет; Анна, четырнатцати лет.

Во дворе крестьянин Еким Фалелеев сын Жданов, тридцати лет; жена ево Дарья, дватцати девяти лет.

Во дворе крестьянин Сысой Фалелиев сын Жданов, сорока лет; жена ево Марфа, пятидесяти лет; дочь ево Парасковья, пятнатцати лет.

Во дворе вдова Татьяна Ивановская жена Кызродева, пятидесяти осми лет; бездетна.

Во дворе крестьянин Костянтин Митрофанов сын Отев, пятидесяти шти лет; жена ево Пелагия, пятидесяти четырех лет; сын ево Давыд, шти лет.

Во дворе крестьянин Фадей Федоров сын Кызродев, пятидесяти четырех лет; жена ево Парасковья, сорока лет; бездетен. //

(Л. 203 об.)

И всего в погосте Гаме церковных причетников пять дворов. Людей в них: мужеска полу – девять; женска – одиннатцать человек. Да крестьянских и бобыльских, вдовьих и половничьих – шездесят два двора. Людей в них: мужеска полу – восьмьдесят восьмь; женска – сто два человека.

Пустые дворы

Двор пуст Микиты Андриева сына Батиева, умре з женою и з детми.

Двор пуст Григорья Антонова, сшел в Сибирь; бездетен.

Двор пуст Петра Евдокимова сына Минина, умре, бездетен.
Двор пуст Трофима Васильева, умре з женою и з детми.
Двор пуст Василья Исакова сына Ховрина, умре з женою; бездетен.
Двор пуст Федора Ярафиева, умре з женою и з детми.
Двор пуст Ивана Федотова сына Полева, умре з женою; бездетен.
Двор пуст Архипа Власовых, умре з женою и з детми. //

(Л. 204) Двор пуст Максима Маркова сына Туриева, взят в работу в Санкт Питербурх; жена ево умре; детей не было.

Двор пуст Ивана Васильева сына Никонова, умре з женою; бездетен.
Двор пуст Стахия Козмина сына Коняева, перешел в новой двор.
Двор пуст Артемья Васильева сына Никонова, умре з женою и з детми.

И всего пустых двенадцать дворов.

А по скаске вышеписанных волостей земского целовальника Василья Ячменева, которые вышеписанные пустые дворы и тех дворов люди померли, и дети их взяты в салдаты и в Санкт Питербурх в работу, а иные сошли в Сибирские города з женами и з детми.

Скрепь:

Л. 198 – 204. Иван – Не – мь – ти – но – в – Иван

Л. 198 – 203 об., 204. К сим переписным – книгам – вместо Жешарской волости – земского целовальника – Василья Ячменева – велением ево – еренчанин – Василей Матвиев руку приложил

(Л. 204 об.) Страница порозжея

(Л. 205) Лист порозжей

(Л. 206) Погост Шежам

Во дворе священник Федор Леонтьев, сорока пяти лет; жена ево Марфа, тритцати осми лет; дети ево Михайло, тринадцати лет; Федор, десяти лет; Анна, пяти лет.

Во дворе дьячек Емельян Григорьев сын Бронников, тритцати дву лет; жена ево Марья, тритцати лет; дочь ево Акилина, дву лет; у него ж отец Григорей, пятидесяти девяти лет; матери ево, дьячкова, Анна, сорока лет; у него ж на подворье трапезник Трофим Елфимов сын Шнырев, пятидесяти дву лет; жена ево Лукирья, пятидесяти лет; бездетны.

Во дворе пономарь Макар Петров сын Рупосов, сорока лет; жена ево Настасья, тритцати лет; дети ево: Мавра, пяти лет; Марфа, трех лет.

Во дворе просфирня (имя пропущено. – М.М.) Яковлева дочь, штидесяти лет; бездетна.

Деревня Арабач

Во дворе крестьянин Дмитрий Федоров сын Разманов, сорока // (Л. 206 об.) пяти лет; жена ево Фекла, тритцати шти лет; дети ево: Иван, десяти лет; Федосья, пяти лет.

Во дворе крестьянин Петр Ермолин сын Разманов, седмидесяти лет; жена ево Маремьяна, седмидесяти лет; дети ево: Василей, пяти лет; Анна, семи лет.

Во дворе крестьянин Евгий Петров сын Каракчиев, пятидесяти лет; жена ево Наталья, пятидесяти дву лет; дети ево: Трифон, осми лет; Пелагия, пяти лет.

Во дворе крестьянин Ефрем Минин сын Уляшкин, штидесяти лет; жена ево Ирина, пятидесяти лет; дочь Мавра, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Борис Никитин сын Жданов, сорока лет; жена ево Офимья, сорока лет; дети ево: Марина, четырнадцати лет; Иван, трех лет.

Во дворе крестьянин Григорей Иванов сын Малахиев, тритцати пяти лет; жена ево Анна, тритцати четырех лет; сын ево Андрей, шти лет. //

(Л. 207) Во дворе крестьянин Максим Несторов сын Зеленин, тритцати дву лет; жена ево Настасья, тритцати лет; сын Василей, осми лет.

Во дворе крестьянин Григорей Филипов сын Борисов, штидесяти лет; жена ево Дарья, пятидесяти девяти лет; внук ево Матвей, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Стахей Васильев сын Малахиев, сорока лет; жена ево Дарья, тритцати лет; дочь ево Пелагия, трех лет.

Во дворе крестьянин Мартын Ермолин сын Разманов, сорока пяти лет; жена ево Парасковья, тритцати пяти лет; дети ево Пелагия, двенадцати лет; Григорей, шти лет.

Во дворе крестьянин Андрей Елизарьев сын Ячменев, тридцати пяти лет; жена ево Евдокия, тридцати лет; дети ево: Григорей, четырех лет; Марфа, шти лет.

Во дворе крестьянин Павел Панфилов сын Борисов, тридцати осми лет; жена ево Соломия, дватцати лет; брат ево родной Федор, дватцати пяти лет; жена ево Агрипина, дватцати лет. //

(Л. 207 об.) Во дворе крестьянин Терентей Яковлев сын Одинцов, тридцати трех лет; жена ево Марина, тридцати лет; дети ево: Матрона, четырех лет; Пелагия, года; у него ж мати Ефросиния, штидесяти дву лет; у него ж сестра Акилина, пятнатцати лет; у него ж на подворье Антонида Юрьева жена Бернякова, семидесяти трех лет.

Во дворе крестьянин Леонтей Панкратьев сын Малахийев, тридцати пяти лет; жена ево Марья, тридцати дву лет; сын ево Михайло, дву лет; у него ж мати Фекла, штидесяти трех лет.

Деревня Карыбил

Во дворе крестьянин Федот Афонасьев сын Разманов, седмидесяти лет; сын ево Михайло, сорока лет; у Михаила жена Пелагия, тридцати лет; сын ево Тимофей, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Яков Федоров сын Разманов, сорока пяти лет; жена ево Анна, сорока лет; сын ево Семен, десяти лет.

Во дворе вдова Ирина Андриевская жена Разманова, сорока лет; сын ея Иван, шти лет. //

(Л. 208) Во дворе крестьянин Андрей Кондратьев сын Малахийев, пятидесяти лет; жена ево Ирина, сорока девяти лет; дочь ево Василей, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Прокопей Никифоров сын Туркин, сорока лет; жена ево Евдокия, тридцати пяти лет; дети ево: Иван, четырех лет; Василиса, пятнатцати лет.

Во дворе вдова Марья Маркова жена Фокина, пятидесяти лет; дети ея: Мирон, дватцати лет; Мавра, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Лука Меркурьев сын Огнев, седмидесяти лет; сын ево Ермолай, сорока лет; жена ево Домна, тридцати лет.

Во дворе крестьянин Дмитрий Сергиев сын Исаковых, седмидесяти лет; жена ево Ксения, пятидесяти лет; сын ево Гаврил, дватцати лет.

Деревня Кансамас

Во дворе крестьянин Софрон Тимофеев сын Фокин, сорока пяти лет; жена ево Катерина, сорока лет; сын ево Евдоким, дватцати лет. //

(Л. 208 об.) Во дворе крестьянин Кирило Ермолаев сын Лодыгин, штидесяти лет; жена ево Офимья, пятидесяти лет; дети ево: Петр, двенатцати лет; Марфа, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Иев Никитин сын Курилин, сорока четырех лет; жена ево Ирина, тридцати пяти лет; дети ево: Максим, пяти лет; Марфа, осми лет.

Во дворе крестьянин Яков Евтихийев сын Лодыгин, сорока осми лет; жена ево Наталья, сорока лет; бездетны.

Во дворе вдова Агафья Трофимовская жена Печкисева, штидесяти лет; бездетна.

Деревня Вездынь

Во дворе крестьянин Сава Матвиев сын Челпанов, тридцати лет; жена ево Ирина, дватцати девяти лет; сын ево Никита, десяти лет.

Во дворе крестьянин Терентей Перфирьев сын Челпанов, сорока пяти лет; жена ево Пелагия, сорока трех лет; сын ево Назар, двенатцати лет. //

(Л. 209) Во дворе крестьянин Илья Феофилактов сын Челпанов, тридцати лет; жена ево Парасковья, дватцати пяти лет; дочь ево Катерина, девяти лет.

Во дворе крестьянин Ефрем Семенов сын Истомин, сорока осми лет; жена ево Пелагия, сорока лет; дочь ево Акилина, десяти лет; у него ж мати Офимья, осмидесяти лет.

Во дворе крестьянин Илья Миронов сын Чюкичев, тридцати лет; жена ево Настасья, тридцати пяти лет; дочь ево Катерина, десяти лет.

Во дворе крестьянин Георгий Иванов сын Лукиных, пятидесяти дву лет; жена ево Улита, сорока пяти лет; дочь у них Наталья, пятнатцати лет.

Во дворе бобыль Федор Еремиев сын Исаков, пятидесяти лет; жена ево Капинья, сорока дву лет; у них дочь Марья, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Андрей Иванов сын Габанов, штидесяти лет; сын ево Федор, тридцати лет; жена ево Домна, сорока лет; дочь ево Матрона, четырех лет. //

(Л. 209 об.) Во дворе бобыль Мина Остафьев сын Башкирев, сорока пяти лет; жена ево Феодулия, сорока дву лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Логин Афонасьев сын Лютоев, пятидесяти пяти лет; жена ево Марфа, сорока девяти лет; дети ево Никита, семнатцати лет; Парасковья, девятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Ларион Софронов сын Лютоев, сорока лет; у него племянник Петр, пятнатцати лет; у него ж, Петра, мати, Марфа, тритцати пяти лет; у него ж на подворье Дмитрий Ефремов сын Лютоев, семидесяти лет.

Во дворе крестьянин Прокопей Лазарев сын Малахийев, дватцати пяти лет; жена ево Ефросинья, дватцати дву лет; дочь ево Овдотья, года.

Во дворе крестьянин Иев Трофимов сын Савельев, пятидесяти дву лет; жена ево Лукирья, пятидесяти лет; сын ево Григорей, десяти лет.

Во дворе крестьянин Леонтей Климонтов сын Челпанов, сорока осми лет; жена ево Ефросинья, сорока лет; бездетны.

Во дворе бобыль Иван Конанов сын Панев, тритцати пяти лет; // (Л. 210) жена ево Сусанна, тритцати лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Данило Афонасьев сын Лютоев, пятидесяти лет; жена ево Пелагия, сорока лет; сын ево Варлам, четырех лет.

Во дворе крестьянин Иван Конанов сын Лютоев, тритцати пяти лет; жена ево Марина, тритцати лет; дочь ево Анна, трех лет.

Во дворе Марфа Семенова дочь, а Киприянова жена Лютоева, тритцати лет; дети ея: Парасковья, трех лет; Анисья, года; у нея ж на подворье Федосья Никитина дочь, пятидесяти шти лет.

Во дворе крестьянин Михайло Лукин сын Лютоев, штидесяти трех лет; жена ево Евлампия, штидесяти лет; сын ево (слово «ево» вписано между словами «сын» и «Назар». – М.М.) Назар, сорока лет; жена ево Ксения, сорока лет; дети ево: Матрона, пятнатцати лет; Ксения, четырнатцати лет; Устинья, одиннатцати лет; Пелагия, девяти лет; Акилина, года.

Во дворе крестьянин Василей Евдокимов сын Бердников, штидесяти осми лет; жена ево Елена, пятидесяти осми лет; сын ево Фома, пятнатцати лет. //

(Л. 210 об.) Во дворе крестьянин Иев Конанов сын Лютоев, сорока девяти лет; жена ево Матрона, сорока лет; бездетны.

Во дворе бобыль Василей Феофилактов сын Прошев, тритцати лет; жена ево Ульяна, дватцати осми лет; у него ж на подворье Василиса Иванова дочь Поженкова, пятидесяти седми лет; сын ея Федот, двенатцати лет.

Во дворе крестьянин Петр Макаров сын Трифонов, штидесяти пяти лет; брат ево родной Сава, сорока лет; жена ево Федосья, тритцати лет; дети ево: Матрона, пятнатцати лет; Анна, десяти лет.

Во дворе крестьянин Сергей Сысоев сын Исаков, тритцати одного лета; жена ево Соломия, тритцати лет; дочь ево Феврония, осми лет.

Во дворе крестьянин Сысой Михайлов сын Исаков, пятидесяти дву лет; жена ево Ирина, пятидесяти четырех лет.

Во дворе вдова Офимья Зотиевская жена Исаковых, семидесяти лет; дочь ея Ирина, десяти лет.

Во дворе крестьянин Григорей Фомин сын Кызродев, семидесяти четырех лет; жена ево Маремьяна, пятидесяти лет; бездетны. //

(Л. 211) Во дворе крестьянин Гаврило Ермолин сын Разманов, пятидесяти лет; жена ево Матрона, сорока пяти лет; дети ево: Филип, осми лет; Марфа, одиннатцати лет.

Во дворе крестьянин Митрофан Иванов сын Айбабин, пятидесяти осми лет; жена ево Овдотья, пятидесяти пяти лет; сын ево Аверкий, девяти лет.

Во дворе крестьянин Тимофей Петров сын Исаков, штидесяти лет; жена ево Агрипина, пятидесяти лет; сын ево Устин, сорока пяти лет; жена ево Марья, тритцати лет; дети ево: Овдотья, седми лет; Анна, четырех лет.

Во дворе крестьянин Евтихий Еремиев сын Исаков, пятидесяти лет; жена ево Маремьяна, сорока пяти лет; сын ево Зотий, двенатцати лет.

Во дворе крестьянин Иван Матфиев сын Исаков, пятидесяти лет; жена ево Марфа, сорока лет; дети ево: Ирина, седми лет; Анна, пяти лет.

Во дворе крестьянин Михайло Харламов сын Исаков, пятидесяти лет; жена ево Марина, пятидесяти лет; дети ево: Мина, пятнатцати лет; Овдотья, осми лет. //

(Л. 211 об.) Во дворе вдова Настасья Сидоровская жена Попова, сорока дву лет; сын ея Федор, года; у него (так в тексте. – М.М.) ж пасынок Иван, двенатцати лет.

Во дворе бобыль Леонтей Климонтов сын Челпанов, семидесяти лет; жена ево Варвара, пятидесяти лет; у него ж на подворье вдова Ксения Дмитриева дочь, штидесяти лет; бездетна.

Во дворе крестьянин Василей Александров сын Попов, пятидесяти пяти лет; жена ево Евдокия, пятидесяти лет; дети ево: Исак, года; Анна, пяти лет.

Во дворе крестьянин Яков Петров сын Ларионов, штидесяти лет; жена ево Наталья, пятидесяти лет; бездетны; у него ж племянник Фадий Марков сын Ларионов, пятидесяти лет; жена ево Марья, сорока пяти лет; дети ево: Варлам, шти лет; Евдокия, дву лет.

Во дворе крестьянин Артемей Федоров сын Ростегаев, пятидесяти одного лета; жена ево Марья, сорока пяти лет; дочь ево Маремьяна, осми лет; у него ж племянники: Андрей, сорока пяти лет; Фома, тритцати пяти лет.

Во дворе крестьянин Артемей Карпов сын Айбабин, сорока // (Л. 212) осми лет; жена ево Варвара, пятидесяти лет; у него ж зять Василей Анофриев сын Ростегаев, дватцати седми лет; жена ево Епистимия, дватцати пяти лет.

Во дворе крестьянин Евтихий Денисов сын Истомина, пятидесяти лет; жена ево Марина, тритцати лет; дочь ево Феодора, дву лет.

Во дворе крестьянин Яков Афонасьев сын Попов, штидесяти трех лет; жена ево Евдокия, пятидесяти лет; дети ево: Денис, дватцати лет; Дарья, трех лет.

Во дворе крестьянин Сава Иванов сын Туркин, тритцати осми лет; жена ево Настасья, тритцати пяти лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Михайло Емельянов сын Балин, седмидесяти лет; жена ево Анна, сорока лет; сын ево Стефан, десяти лет.

Во дворе крестьянин Матвий Емельянов сын Балин, пятидесяти лет; жена ево Анна, сорока лет; дети ево: Андрей, десяти лет; Домна, осми лет.

во дворе крестьянин Епифан Стефанов сын Чюкичев, // (Л. 212 об.) сорока пяти лет; жена ево Гликерия, сорока лет; у него дети: Иван, десяти лет; Никола, полугода; у него ж племянники: Василей, тритцати шти лет; Конан, тритцати дву лет; Осип, девятнацати лет (слово «лет» в тексте пропущено – М.М.); у Василья жена Гликерия, тритцати шти лет; дети ево: Тимофей, тринацати лет; Стефан, осми лет; Григорей, четырех лет; у Конона жена Марья, осмнатцати лет; у них же для работы Лаврентей Антонов сын Сметанин, тритцати пяти лет; жена ево Наталья, тритцати лет; дочь Дарья, года; Михайло Никифоров сын Гуляев, тритцати лет; жена ево Пелагия, дватцати пяти лет; дети ево: Федор, полутора года; Петр, дву месяцев.

Во дворе крестьянин Сава Иванов сын Чюкичев, сорока пяти лет; жена ево Анна, тритцати пяти лет; сын ево Петр, десяти лет; дочь Марья, пятнацати лет.

Во дворе половник Георгия Шепетова Климонт Аникиев сын Зеленин, пятидесяти лет; жена ево Стефанида, сорока девяти лет; дети ево: Федор, пятнацати лет; Данило, тринацати лет.

Во дворе половник Епифана Чюкичева Иван Феофилакт // (Л. 213) сын Меншиков, сорока лет; жена ево Акилина, тритцати девяти лет; бездетны.

Во дворе половник Георгия Шепетова Иван Яковлев сын Маслов, пятидесяти лет; жена ево Стефанида, сорока девяти лет; у него ж брат родной Григорей, сорока шти лет; жена ево Василиса, сорока лет; у них дети: Аврам, пяти лет; дочь Овдотья, года.

Во дворе крестьянин Захар Стефанов сын Балин, пятидесяти лет; жена ево Стефанида, пятидесяти лет; дети ево Евсий, дватцати лет; Евтроп, пятнацати лет; у Евсия жена Анна, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Исак Александров сын Попов, пятидесяти шти лет; жена ево Соломия, сорока лет; дети ево: Матвий, дватцати пяти лет; Стефан, десяти лет; у Матвия жена Парасковья, дватцати трех лет; дочь ево Дарья, года.

Деревня Тьдор

Во дворе крестьянин Терентей Евдокимов сын Калимов, тритцати лет; жена ево Улита, дватцати пяти лет; дети ево: Федор, четырех лет; Марфа, дву лет; у него ж братья: Иван, дватцати лет; // (Л. 213 об.) Федор, пятнацати лет; Прокопей, дватцати четырех лет; у него ж мати Ксения, штидесяти лет; у Прокопья жена Домна, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Лука Георгиев сын Коняев, штидесяти лет; жена ево Овдотья, сорока лет; дети ево: Семен, дватцати лет; Василей, пятнацати лет; Марфа, осми лет; у него ж брат родной Федот, пятидесяти лет; жена ево Акилина, тритцати лет; дети ево: Юрье, двенатцати лет; Иван, полугода.

Во дворе бобыль Григорей Федоров сын Пономарев, седмидесяти девяти лет; жена ево Ульяна, пятидесяти осми лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Аника Семенов сын Жданов, пятидесяти лет; жена ево Марфа, сорока шти лет; дети ево: Матвей, тринацати лет; Овдотья, пятнацати лет.

Во дворе крестьянин Полуян Иванов сын Одинцов, пятидесяти пяти лет; жена ево Василиса, пятидесяти лет; сын ево Назар, дватцати осми лет; жена ево Марья, дватцати пяти лет; сын ево Афонасей, года. //

(Л. 214) Во дворе крестьянин Георгий Прокопьев сын Некрасов, пятидесяти четырех лет; жена ево Парасковья, сорока пяти лет; дети ево: Иван, дватцати пяти лет; Марья, дватцати лет.

Во дворе бобыль Стахий Козмин сын Коняев, штидесяти лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Стефан Иванов сын Одинцов, штидесяти девяти лет; дети ево: Влас, сорока трех лет; Григорей, сорока лет; у Власа жена Ксения, тритцати пяти лет; бездетен; у Григорья жена Устинья, дватцати девяти лет; дочь ево Федосья, четырех лет.

Во дворе крестьянин Сава Никитин сын Жданов, пятидесяти дву лет; жена ево Ксения, пятидесяти лет; сын ево Василей, тринацати лет; у него ж на подворье вдова Марья Васильевская жена Быкова, тритцати лет; бездетна.

Деревня Кырса

Во дворе крестьянин Емельян Георгиев сын Рогов, осмидесяти лет; жена ево Ирина, седмидесяти лет; сын ево Елизарей, сорока пяти лет; жена ево // (Л. 214 об.) Стефанида, пятидесяти лет.

Во дворе крестьянин Михайло Борисов сын Рогов, пятидесяти лет; жена ево Овдотья, тритцати осми лет; дети ево: Харитон, полугода; Ирина, десяти лет.

Во дворе крестьянин Терентей Павлов сын Исаков, сорока шти лет; жена ево Ефросинья, тритцати дву лет; сын ево Данило, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Петр Иванов сын Андриев, пятидесяти пяти лет; жена ево Марья, штидесяти лет; у него ж зять Лукоян Петров сын Челпанов, дватцати пяти лет; жена ево Марина, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Марко Лазарев сын Торлопов, пятидесяти лет; жена ево Марфа, сорока лет; дети ево: Петр, десяти лет; Ирина, осми лет.

Во дворе крестьянин Прокопей Михайлов сын Рогов, пятидесяти пяти лет; жена ево Акилина, сорока шти лет; бездетны.

Во дворе вдова Анна Даниловская жена Канева, штидесяти пяти лет; бездетна. //

(Л. 215) Во дворе крестьянин Андрей Емельянов сын Панев, пятидесяти пяти лет; жена ево Софья, тритцати пяти лет; дети ево: Данило, десяти лет; Евдокия, пятнатцати лет; Ирина, трех лет.

Во дворе крестьянин Василей Петров сын Удорятин, седмидесяти лет; жена ево Екатерина, штидесят осми лет; сын ево Гаврило, десяти лет.

Во дворе крестьянин Иван Ильин сын Исаков, штидесяти лет; жена ево Анна, пятидесяти лет; сын ево Федосий, дватцати дву лет; жена ево Ульяна, дватцати лет.

Во дворе бобыль Иван Борисов сын Рогов, штидесяти пяти лет; жена ево Матрона, пятидесяти шти лет; дочь их Марья, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Лука Марков сын Петров, седмидесяти лет; жена ево Устинья, штидесяти осми лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Матвей Емельянов сын Панев, тритцати четырех лет; жена ево Ирина, тритцати лет; дети ево: Марья, пяти лет; Ульяна, трех лет.

Деревня Керос

Во дворе крестьянин Панфил Наумов сын Семуков, седмидесяти // (Л. 215 об.) лет; сын (ево) Григорей, тритцати пяти лет; жена ево Пелагия, сорока лет; дети ево: Конан, двенатцати лет; Дарья, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Фрол Петров сын Семуков, седмидесяти лет; жена ево Марфа, штидесяти девяти лет; дети ево: Иван, сорока пяти лет; Ипат, сорока лет; у Ивана жена Марья, сорока четырех лет; сын ево Филип, осми лет; у Ипата жена Варвара, тритцати пяти лет; дочь ево Татьяна, года.

Во дворе крестьянин Марко Петров сын Семуков, осмидесяти пяти лет; жена ево Марья, седмидесяти лет; дочь ево Дарья, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Козма Фокин сын Семуков, седмидесяти лет; жена ево Федосья, сорока осми лет; дочь ево Евдокия, пятнатцати лет.

Во дворе вдова Марья Давыдовская жена, сорока лет; бездетна.

Во дворе крестьянин Конан Назаров сын Матвеев, сорока одного лета; жена ево Настасья, дватцати // (Л. 216) пяти лет; дети ево: Степан, шти лет; Евдокия, четырех лет.

Во дворе вдова Фекла Ивановская жена, тритцати лет; у нее дочь Парасковья, четырех лет.

Во дворе крестьянин Сергей Матвиев сын Челпанов, тритцати девяти лет; жена ево Евдокия, дватцати пяти лет; дочь ево Меланья, десяти лет.

Во дворе крестьянин Яков Назаров сын Матвеев, пятидесяти лет; жена ево Марья, сорока лет; у них дочь Татьяна, пятнатцати лет; у него ж мати Евдокия, штидесяти пяти лет.

Во дворе крестьянин Лаврентей Васильев сын Одинцов, седмидесяти осми лет; сын ево Мина, сорока лет; жена ево Евдокия, тритцати пяти лет; сын ево Петр, шти лет.

Во дворе крестьянин Калина Васильев сын Одинцов, пятидесяти девяти лет; жена ево Ульяна, пятидесяти семи лет; у него ж племянник Федор Вахромеев сын Одинцов, тритцати лет; жена ево Евдокия, тритцати лет; дочь ево Марина, десяти лет. //

(Л. 216 об.) Во дворе крестьянин Ипат Назаров сын Рогов, осмидесяти пяти лет; дети ево: Иван, сорока дву лет; Яков, тритцати лет; у Ивана жена Матрона, сорока лет; дети ево: Никита, двадцати пяти лет; Давыд, пятнатцати лет; у Якова жена Ирина, тритцати лет; дочь ево Марья, четырех лет.

И всего в погосте Шежаме церковных причетников четыре двора. Людей в них: мужеска полу – семь; женска – десять человек. Да крестьянских и бобыльских, вдовьих и половничьих сто двенатцать дворов. Людей в них: мужеска полу – двести одиннатцать; женска – двести шеснатцать человек. //

(Л. 217)

Дворы пустые деревни Арабача

Двор пуст Тимофея Спиридонова сына Белева, взят в салдаты; жены и детей не было.

Двор пуст Клементья Аникиева сына Зеленина, живет в половине у Юрья Шепетова.

Двор пуст Семена Юрьева сына Бернякова, взят в салдаты; жены не было.

Двор пуст Дмитрея Ятюнева, умре з женою и з детми.

Деревни Карьиб

Двор пуст Маркела Ермолина сына Разманова, перешел в новой двор.

Двор пуст Лаврентья Кондратьева сына Байдукова, умре и з женою; а сын ево Лазарь взят в работу в Санкт Питербурх.

Двор пуст Стефана Аникиева сына Малахеева, умре з женою; а дети ево сошли в Сибирь.

Двор пуст Ивана Малахеевых, умре з женою; а дети ево сошли к Соли Камской.

Деревня Кансамас

Двор пуст Семена Ермолина сына Лодыгина, // (Л. 217 об.) взят в работу в Санкт Питербурх; жена ево и дети померли.

Деревня Вездынь

Двор пуст Афонася Филипова сына Челпанова, умре з женою; бездетен.

Двор пуст Дементья Иванова сына Челпанова, умре з женою и з детми.

Двор пуст Полуяна Макарова сына Сирьюровых, умре з женою и з детми.

Двор пуст Мосия Ефремова сына Лютоева, умре з женою; бездетен.

Двор пуст Дмитрея Яковлева сына Малахеева, умре з женою и з детми.

Двор пуст Антона Кукольника, умре з женою; бездетен.

Двор пуст Афонася Ярафеева сына Буславьева, взят в салдаты; жены не было.

Двор пуст Иева Трифанова сына Савинова, перешел в Вездынь з женою и з детми на новую свою деревню.

Двор пуст Григорья Фомина сына Кызродева, перешел // (Л. 218) в ыной новой двор з женою и з детми.

Двор пуст Никона Тимофеева сына Исаковых, взят в салдаты.

Двор пуст Зиновья Осетрова, умре; бездетен.

Двор пуст Епифана Чюкичева, а в нем живет скот зимным временем ево Епифанов.

Двор пуст Михайла Федорова сына Курсова, умре з женою и з детми.

Деревни Тыдора

Двор пуст Захара Козмина сына Коняева, умре з женою и з детми.

Деревни Кырсы

Двор пуст Афонася Иванова сына Туркина, умре з женою и з детми.

Двор пуст Григорья Иванова сына Туркина, умре; бездетен.

Двор пуст Емельяна Рогова, взят в работу в Санкт Питербурх; бездетен.

Двор пуст Мины Ильина сына Исакова, умре; бездетен.

Деревни Кероса

Двор пуст Фрола Петрова сына Семукова, // (Л. 218 об.) перешел в новой двор.

Двор пуст Якова Фомина сына Семукова, умре, бездетен.

Двор пуст Лаврентья Васильева сына Одинцова, перешел в новой двор.

И всего пустых тритцать дворов.

А по скаске той волости земского целовальника Бориса Жданова, которые вышеписанные пустые дворы, и тех дворов люди померли; иные сошли в Сибирь, и дети их взяты в Санкт Питербурх в работу, а иные в салдаты.

Скрепы:

Л. 206–218. Не – мь – ти – но – в – Иван – Не – мь – ти – нов – Иван – Немти –

Л. 206–218 об. К сим – переписным – книгам – вместо – земского (целовалника – пропущено. – *М.М.*) – Шешамской – волости – Бориса – Жданова – по ево – велению – еренчанин – Иван – Малахийев – руку приложил (Л. 219) Лист порозжей

(Л. 220) Погост Уст(ь)вым

Во дворе священник Евтихий Петров, тридцати дву лет; жена ево Евдокия, тридцати четырех лет; у них дети: Пелагия, семи лет; Анна, четырех лет; Агафья, шти месяцев; у него ж мати Пелагия, пятидесяти пяти лет; у него ж сестра Марья, семнатцати лет.

Во дворе дьякон Алексей Григорьев, пятидесяти семи лет; у него дети: Иван, дватцати дву лет; Леонтей, осмнатцати лет; у Ивана жена Матрона, тридцати лет.

Во дворе дьячек Стефан Алексиев сын Шабалин, тридцати осми лет; жена ево Стефанида, сорока лет; у них дочь Евдокия, двенатцати лет.

Во дворе пономарь Тимофей Павлов сын Поповцев, дватцати трех лет; жена ево Марфа, дватцати дву лет; у них сын Сава, года.

Во дворе просфирня инокиня Евдокия, пятидесяти семи лет. //

(Л. 220 об.) В келье Архангельской пустыни иеромонах Леонтей Никонов, осмидесяти лет.

На погосте ж

Во дворе крестьянин Иван Павлов сын Пономарев, пятидесяти лет; жена ево Анна, сорока лет; у них дети: Стефан, дватцати дву лет; Михай, тринатцати лет; Матрона, шти лет; Фекла, десяти лет; у Стефана жена Федосья, дватцати лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Сава Петров сын Ивакин, сорока дву лет; жена ево Ульяна, тридцати лет; у них дети: Настасья, десяти лет; Фекла, трех лет; у него ж мати Анна, семидесяти лет; у него ж брат родной Матвей, сорока лет.

Во дворе крестьянин Галактион Иванов сын Ворсин, дватцати пяти лет; жена ево Евдокия, дватцати осми лет; у них сын // (Л. 221) Емельян, года; у него ж мати Устинья, осмидесяти лет.

Во дворе бобыль Афонасей Савин сын Кожухов, сорока лет; жена ево Евдокия, тридцати лет; у них сын Стефан, трех месяцев.

Во дворе крестьянин Амвросим Леонтьев сын Пономарев, тридцати девяти лет; жена ево Устинья, тридцати пяти лет; у них дети: Стефан, пятнатцати лет; Тихон, трех лет; Марья, девяти лет; у него ж мати Акилина, семидесяти лет.

Во дворе крестьянин Авдий Иванов сын Челпанов, штидесяти пяти лет; жена ево Ирина, пятидесяти пяти лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Михайло Гаврилов сын Туркин, сорока пяти лет; жена ево Зиновья, тридцати лет; у них дочь Домника, десяти лет.

Во дворе крестьянин Карп Федоров сын Тарабукин, сорока четырех лет; жена ево // (Л. 221 об.) Офимья, тридцати лет; у них дочь Ульяна, шти лет.

Во дворе крестьянин Стефан Павлов сын Пономарев, сорока пяти лет; жена ево Овдотья, сорока лет; у них дочь Марья, дву месяцев; у него ж мати Парасковья, семидесяти осми лет.

Во дворе крестьянин Сава Володимеров сын Тихоновых, пятидесяти одного лета; жена ево Евфросиния, сорока дву лет; у них дети: Стефанида, пятнатцати лет; Матрона, трех лет; у него ж брат родной Афонасей, семидесяти лет.

Во дворе вдова Марфа Самойловская жена Чапышева, сорока лет; бездетна.

Во дворе крестьянин Иван Иванов сын Дьяконов, сорока семи лет; жена ево Елена, сорока шти лет; у них сын Иван, семи лет.

Во дворе бобыль Иван Иванов сын Тренин, сорока лет; жена ево Ульяна, сорока дву лет; у них дети: Василей, десяти // (Л. 222) лет; Марфа, семи лет; Дарья, трех лет.

Во дворе крестьянин Козма Феоктистов сын Амосов, пятидесяти лет; жена ево Устинья, сорока пяти лет; у них дети: Федот, четырех лет; Анна, пятнатцати лет; у него ж брат родной Филип, сорока лет; жена ево Наталья, тридцати пяти лет; у них дочь Матрона, десяти лет.

Во дворе бобыль Марко Максимов сын Чапышев, пятидесяти лет; у него сын Григорей, тридцати лет; жена ево Марина, дватцати осми лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Дмитрий Нестеров сын Сеньюков, пятидесяти лет; жена ево Матрона, сорока осми лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Михайло Петров сын Мороков, семидесяти дву лет; жена ево Татьяна, штидесят пяти лет; у них сын Садоф, пятидесят трех лет; жена ево Парасковья, сорока шти лет; дети ево: Козма, дватцати лет; Наталья, дватцати лет; Василиса, тринатцати лет. //

(Л. 222 об.) Деревня Березник

Во дворе крестьянин Иван Андреев сын Туркин, пятидесят лет; жена ево Меланья, тритцати трех лет; у них сын Федот, четырех лет.

Во дворе крестьянин Семен Григорьев сын Пасынков, пятидесят лет; жена ево Елисавет, сорока девяти лет; у них сын Иван, тритцати лет; жена ево Марья, дватцати семи лет; у них сын Осип, трех лет.

Во дворе крестьянин Матвей Дмитриев сын Быков, сорока лет; жена ево Федора, тритцати пяти лет; у него ж брат родной Сава, осмнатцати лет.

Во дворе крестьянин Филип Меркурьев сын Богомоллов, пятидесят лет; жена ево Елисавет, сорока пяти лет; у них дети: Яков, четырех лет; Дарья, дву лет.

Во дворе крестьянин Петр Кирилов сын Быков, штидесят лет; жена ево Лукирья, пятидесят дву лет; у них дети: Иван, // (Л. 223) дватцати пяти лет; Ульяна, пятнатцати лет; у Ивана жена Лукирья, дватцати одного лета; у них дочь Стефанида, полугода.

Деревня Иб

Во дворе крестьянин Иван Иванов сын Базлуцких, штидесят лет; жена ево Соломия, пятидесят девяти лет; у них дети: Мелетий, тритцати девяти лет; Дмитрий, дватцати одного лета; у Мелетия жена Евфросиния, тритцати пяти лет; у них дети: Евдокия большая, двенатцати лет; другая Евдокия ж, трех лет; у Дмитрея жена Агафья, дватцати пяти лет.

Во дворе крестьянин Дмитрий Кирилов сын Канкаров, сорока лет; жена ево Вера, тритцати шти лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Герасим Григорьев сын Пасынков, пятидесят пяти лет; жена ево Офимья, пятидесят дву лет; у них дети: Иван, тритцати лет; Патрикий, дватцати осми лет; у Ивана // (Л. 223 об.) жена Катерина, дватцати девяти лет; у них сын Андрей, осмнатцати лет; у Патрикия жена Меланья, дватцати шти лет; у них дочь Марья, десяти лет.

Во дворе крестьянин Дмитрий Григорьев сын Пасынков, штидесят лет; жена ево Марья, пятидесят девяти лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Яков Титов сын Мишуков, сорока лет; жена ево Евдокия, дватцати пяти лет; мати ево Марфа, семидесят лет.

Деревня Полавье

Во дворе крестьянин Козма Ларионов сын Тырин, штидесят трех лет; жена ево Маремьяна, штидесят шти лет; у них сын Григорей, тритцати лет; жена ево Наталья, тритцати лет.

Во дворе вдова Ульяна Ивановская жена Тырина, пятидесят пяти лет; у нее // (Л. 224) дочь Василиса, осми лет.

Во дворе крестьянин Козма Андриев сын Логинов, тритцати лет; жена ево Пелагия, дватцати осми лет; у них дочь Марина, дву лет; у него ж брат родной Василей, дватцати трех лет; мати ево Анна, штидесят лет.

Во дворе бобыль Яков Давыдов сын Ворсин, тритцати лет; жена ево Анна, тритцати пяти лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Василей Яковлев сын Чапышев, сорока дву лет; жена ево Катерина, тритцати дву лет; у них дети: Дарья, осми лет; Марья, семи лет; Евдокия, трех лет.

Во дворе крестьянин Гаврило Григорьев сын Чапышев, семидесят лет; жена ево Марья, штидесят девяти лет; у него ж зять Андрей Трофимов сын Русинов, тритцати семи лет; у Андрея жена Марина, тритцати четырех лет; у них дети: Агафья, пяти лет; Фекла, полугода. //

(Л. 224 об.) Во дворе половник Герасима Тырина Елесея Афонасьев сын Киселев, пятидесят одного лета; жена ево Евфимия, сорока дву лет; у них дети: Игнатей, двенатцати лет; Евфимия, осми лет.

Во дворе крестьянин Яков Козмин сын Денисов, пятидесят пяти лет; жена ево Настасья, сорока лет; у них дочь Домна, осми лет; у него дядя Арефа Борисов, штидесят шти лет; жена ево Ирина, штидесят лет; у них сын Исак, сорока лет; у Исака жена Ксения, тритцати шти лет; у них дочь Марина, осми лет.

Во дворе крестьянин Максим Борисов сын Логинов, сорока осми лет; жена ево Федосья, сорока дву лет; брат ево родной Андрей, тритцати пяти лет; у Андрея жена Офимья, дватцати девяти лет; у них дочь Евдокия, четырех лет.

Во дворе крестьянин Василей Михайлов сын Амосов, семидесят дву лет; жена ево Марфа, сорока лет; бездетны; // (Л. 225) у него ж племянник Нестер Тарасов, пятидесят пяти лет; у Нестера жена Епистимия, сорока пяти лет.

Во дворе вдова Ксения Сидоровская жена Морокова, сорока лет; бездетна.

Во дворе крестьянин Иван Леонтьев сын Старцов, тридцати пяти лет; жена ево Ирина, двадцати осми лет; брат ево Семен, тридцати лет; жена ево Ульяна, тридцати дву лет.

Во дворе крестьянин Иван Петров сын Амосов, сорока лет; жена ево Анна, тридцати осми лет; у них дети: Анна, двадцати пяти лет; Дарья, осмнатцати лет.

Во дворе вдова Анна Петровская жена Воробьева, двадцати пяти лет; бездетна.

Деревня Березник

Во дворе крестьянин Василей Конанов сын Быков, тридцати четырех лет; жена ево Евдокия, двадцати девяти лет; // (Л. 225 об.) у них сын Иван, трех лет.

Во дворе крестьянин Никифор Васильев сын Поваров, сорока лет; жена ево Ульяна, тридцати девяти лет; у них сын Василей, двадцати лет.

Деревня Ванвиздин, Заречье

Во дворе крестьянин Герасим Иванов сын Тырин, штидесят шти лет; жена ево Феодосия, штидесят четырех лет; у них дети: Логин, сорока лет; Акинфей, тридцати осми лет; у Логина жена Федосья, сорока дву лет; дети ево: Стефан, двадцати лет; Сава, шеснатцати лет; Игнатей, двенатцати лет; у Акинфея жена Федора, тридцати осми лет; дети ево: Федор, десяти лет; Марина, трех лет; у него ж племянник Стефан Кирилов сын Тырин, пятидесят трех лет; жена ево Акилина, пятидесят дву лет; дети ево: Евтихий, двадцати лет; Федот, осми лет; Ксения, дву лет. //

(Л. 226) Во дворе крестьянин Семен Емельянов сын Выборов, пятидесят лет; жена ево Марья, сорока лет; дети ево: Парасковья, десяти лет; Марина, пяти лет; Евдокия, года; у него ж брат родной Иван, сорока пяти лет; жена ево Каптелина, тридцати лет; у них дочь Марья, полутора года.

Во дворе крестьянин Галахтион Емельянов сын Выборов, пятидесят пяти лет; жена ево Мавра, пятидесят лет; у них дети: Илья, семи лет; Марфа, годовая.

Деревня Бор

Во дворе крестьянин Емельян Тимофеев сын Тырин, пятидесят лет; жена ево Анисья, сорока пяти лет; у них дети: Анкудин, двадцати лет; Михайло, пяти лет; Ульяна, четырнатцати лет; Овдогья, осми лет.

Во дворе крестьянин Григорей Артемьев сын Тырин, пятидесят трех лет; жена ево Марфа, сорока пяти лет; у них // (Л. 226 об.) дети: Петр, пятнатцати лет; Иван, шти лет; Федосья, тринатцати лет.

Во дворе крестьянин Стефан Яковлев сын Тырин, пятидесят трех лет; жена ево Ульяна, пятидесят лет; у них дети: Василей, тридцати пяти лет; жена ево Матрона, двадцати пяти лет; у Стефана ж дочери: Елена, тринатцати лет; Анна, осми лет.

И всего в погосте Уствыме церковных причетников пять дворов. Людей в них: мужеска полу – семь; женска – одиннатцать человек; в келье старец один человек. Да крестьянских и бобыльских, вдовьих и половничьих сорок девять дворов. Людей в них: мужеска полу – девяносто семь; женска – сто двадцать три человека. //

(Л. 227)

На погосте ж пустые дворы

Двор пуст Филипа Антипина сына Пешкилева, взят в салдаты; жены и детей не осталось.

Двор пуст Якова Ярафеева сына Белорукова, взят в семерики; жены и детей не осталось.

Двор пуст Федота Максимова сына Нехорошева, умре бездетен.

Деревня Иб

Двор пуст Ивана Яковлева сына Тырина, умре з женою; детей не осталось.

И всего пустых четыре двора.

Скрепы:

Л. 220–227. Ива – н – Не – мь – ти – но – в – Ива –

Л. 220–226 об., 227. К сим – переписным – книгам – Уствымской – волости – вместо земского – целовальника – Акинфея – (скрепы продолжатся в погосте Оквад)

(Л. 227 об.) Страница порозжея

(Л. 228) Погост Оквад

Во дворе священник Алексей Алексиев, сорока трех лет; жена ево Ксения, сорока дву лет; у них сын Петр, десяти лет.

Во дворе дьячек Петр Елизарьев сын Мякисев, пятидесят лет; жена ево Ульяна, сорока лет; у них сын Иван, осми лет.

Во дворе пономарь Гур Степанов сын Новиков, тритцати семи лет; жена ево Агафья, тритцати осми лет; бездетны; у него ж на подворье трапезник Павел Пиминов сын Жужгин, штидесят лет; бездетен.

Во дворе просфирня Меланья Михайлова дочь, штидесят дву лет; у нее сын Федос, тритцати дву лет; жена ево Епистимия, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Прокопей Харитонов сын Пипуныров, пятидесят трех лет; жена ево Анна, пятидесят лет; бездетны. //

(Л. 228 об.) Во дворе вдова Ирина Иванова дочь, а Артемьевская жена Черепанова, пятидесят лет; у нее зять Петр Максимов сын Новиков, тритцати лет; жена ево Агрипина, дватцати девяти лет.

Во дворе крестьянин Иван Родионов сын Ковылев, пятидесят лет; жена ево Марья, сорока осми лет; у них сын Петр, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Андрей Артемьев сын Спирин, пятидесят осми лет; жена ево Татьяна, пятидесят шти лет; у них сын Никифор, двенатцати лет.

Во дворе крестьянин Мокий Корнилов сын Кочин, штидесят девяти лет; жена ево Марья, штидесят шти лет; у них сын Иван, сорока пяти лет; жена ево Марина, пятидесят лет; у них сын Иван, двенатцати лет.

Во дворе крестьянин Иван Осипов сын Насонов, осмидесят лет; жена ево Акилина, осмидесят лет; у них дети: Матвий, десяти // (Л. 229) лет; Татьяна, двенатцати лет.

Во дворе крестьянин Иван Афонасьев сын Туркин, сорока дву лет; жена ево Марья, сорока лет; у них дети: Прокопей, двенатцати лет; Стефан, осми лет; Катерина, шти лет.

Во дворе бобыль Василей Филипов сын Тютюков, пятидесят лет; жена ево Марфа, тритцати лет; у них дети: Осип, тритцати лет; Иван, дватцати пяти лет; Марина, осмнатцати лет.

Во дворе крестьянин Федор Архипов сын Туркин, пятидесят лет; жена ево Евфимия, сорока девяти лет; у них дети: Нестер, тритцати лет; Флор, дватцати трех лет (слово «лет» написано дважды. – М.М.); Стефан, семнатцати лет; Антон, двенатцати лет; у Нестера жена Ксения, тритцати пяти лет; сын ево Никифор, пяти лет; у Стефана жена Марина, дватцати лет; сын ево Иван, дву недель.

Во дворе бобыль Максим Наумов сын Власов, // (Л. 229 об.) пятидесят пяти лет; жена ево Ульяна, сорока лет; у них дети: Петр, тритцати лет; Евдокия, пяти лет; у Петра жена Федосья, дватцати лет.

Во дворе бобыль Андрей Данилов сын Седрочев, сорока лет; жена ево Евдокия, тритцати дву лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Елфим Михайлов сын Баженов, штидесят дву лет; жена ево Вера, пятидесят лет; у них сын Ларион, дватцати лет; дочь Гликерия, двенатцати лет.

Во дворе крестьянин Григорей Михайлов сын Баженов, штидесят лет; сын ево Никита, сорока лет; у Никиты жена Евдокия, тритцати лет.

Во дворе крестьянин Сергей Иванов сын Пешкилев, пятидесят пяти лет; жена ево Марья, пятидесяти лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Иван Семенов сын Обринов, штидесят лет; жена ево Настасья, пятидесят пяти лет; у них дети: Акинфей, // (Л. 230) сорока лет; Варвара, дватцати дву лет.

Во дворе бобыль Андрей Иванов сын Насонов, сорока семи лет; жена ево Евдокия, тритцати пяти лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Карп Дементьев сын Бызов, пятидесят лет; жена ево Анна, сорока дву лет; бездетны.

Во дворе бобыль Козма Антонов сын Данилов, штидесят лет; жена ево Каптелина, пятидесят пяти лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Григорей Архипов сын Туркин, сорока лет; жена ево Анна, тритцати пяти лет; бездетны.

Деревня Заозерье

Во дворе крестьянин Иван Петров сын Козлов, штидесят пяти лет; жена ево Татьяна, семидесят лет; сын ево Харлам, сорока дву лет; у Харлама жена Марфа, тритцати шти лет; дети ево: Стефан, двенатцати лет; // (Л. 230 об.) Ксения, осми лет; Анна, шти лет.

Во дворе крестьянин Михайло Ярафиев сын Козлов, пятидесят четырех лет; жена ево Марфа, сорока лет; у них дети: Терентей, двенатцати лет; Стефанида, пятнатцати лет.

Во дворе бобыль Ларион Исаков сын Нечаев, пятидесят лет; жена ево Васса, сорока пяти лет; у них дочь Ирина, дватцати лет.

Во дворе бобыль Иван Панфилов сын Козлов, тритцати лет; у него мати Марья, штидесят лет.

Деревня Керос

Во дворе крестьянин Стефан Архипов сын Туркин, пятидесят трех лет; жена ево Анна, пятидесят четырех лет; у них дети: Иван, сорока лет; Афонасей, десяти лет; Татьяна, шеснатцати лет; Маремьяна, двенатцати лет; у Ивана жена Евгения, тритцати лет; у них дочь Маремьяна, десяти лет.

Во дворе крестьянин Кирил Афонасьев, штидесят // (Л. 231) пяти лет; у него сын Кирило ж, сорока лет; жена ево Ирина, тритцати лет; у них дочь Анна, пяти лет.

Во дворе крестьянин Григорей Михайлов сын Баженов, семидесят лет; у них (так в тексте. – М.М.) дети: Никита, дватцати пяти лет; Устинья, дватцати лет; у Никиты жена Евдокия, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Ларион Исаков сын Нечаев, сорока шти лет; жена ево Василиса, сорока трех лет; у них дети: Стахий, шти лет; Ирина, шеснатцати лет.

Во дворе крестьянин Софрон Иванов сын Нениных, сорока лет; жена ево Офимья, тритцати девяти лет; у них дети: Семен, года; Катерина, десяти лет; у него ж мати Марья, семидесят лет.

Во дворе крестьянин Фрол Григорьев сын Туев, дватцати осми лет; жена ево Федосья, тритцати трех лет; у него ж мати Ксения, пятидесят лет; сестра ево Стефанида, семнатцати лет; у него ж // (Л. 231 об.) племянник Иван Дмитриев, пятнатцати лет; у Ивана сестра Татьяна, шеснатцати лет.

Во дворе крестьянин Тимофей Исаков сын Туркин, пятидесят трех лет; жена ево Меланья, пятидесят пяти лет; у них дети: Карп, тритцати пяти лет; Катерина, семи лет; у Карпа жена Акилина, тритцати лет; у них сын Осип, шти лет.

Во дворе крестьянин Карп Дементьев сын Бызов, штидесят пяти лет; жена ево Анна, штидесят осми лет; у них дети: Анфиноген, тритцати пяти лет; Евдокия, осмнатцати лет; у Анфиногена жена Настасья, сорока лет.

Деревня Покралытинского озера Лыаты

Во дворе крестьянин Яков Осипов сын Костромин, штидесят пяти лет; жена ево Марья, семидесят лет; у них дети: Леонтей, тритцати пяти лет; у Леонтья // (Л. 232) жена Домника, сорока лет; у них дети: Евдоким, одиннатцати лет; Наталья, четырнатцати лет; Мавра, дву лет.

Деревня Каемская

Во дворе крестьянин Давыд Игнатьев сын Козлов, штидесят лет; жена ево Марья, сорока девяти лет; у них дети: Степан, сорока лет; Исак, тритцати лет; Андрей, дватцати лет; у Степана жена Марья, сорока лет; у них дети: Иван, пятнатцати лет; Катерина, одиннатцати лет; Евдокия, осми лет; у Исака жена Парасковья, дватцати семи лет; у них сын Мина, осми лет; у Андрея жена Акилина, дватцати лет.

Деревня Лыаты

Во дворе крестьянин Алексей Васильев сын Мишуков, пятидесят лет; жена ево Домна, сорока лет; бездетны. //

(Л. 232 об.)

И всего в погосте Окваде церковных причетников четыре двора. Людей в них: мужеска полу – семь; женска – пять человек. Да крестьянских и бобыльских, и вдовьих тритцать четыре двора. Людей в них: мужеска полу – семдесят три; женска – семдесят четыре человека.

Пустые дворы

Двор пуст Фомы Мишукова, умре бездетен.

Двор пуст Софрона Иванова сына Нениновых, перешел в ыной двор.

Двор пуст вдовы Акилины Исаковы дочери, сошла в Коквицы в просфирни.

Двор пуст Лариона Туркина, сшел з женою и з детми в Сибирские города.

Двор пуст Савелья Черепанова, помер и з женою; бездетны.

Двор пуст Семена Власова сына Новикова, помер и з женою; бездетны.

Двор пуст Терентья Иванова сына Туисова, // (Л. 233) помер и з женою; бездетны.

Двор пуст Юрья Федорова сына Тороканова, взят в салдаты; жены и детей не было.

Двор пуст Ивана Петрова сына Южака, сшел в Сибирь з женою и з детми.

Двор пуст Семена Данилова сына Седрочева, помер и з женою; бездетны.

Двор пуст Василья Федорова сына Панина, съехал в Шуйское з женою и з детми.

Двор пуст Матвья Иванова сына Кочигина, помер и з женою; бездетны.

Двор пуст Тихона Федотова сына Козлова, помер и з женою; бездетны.

Двор пуст Федора Архипова сына Туркина, перешел на Оквад.

И всего пустых четырнатцать дворов. //

(Л. 233 об.) А по скаске той волости земского целовальника Акинфея Омринава, которые вышписанные

пустые дворы, и тех де дворов люди померли з женами и з детми; иные сошли в Сибирь; а иные перешли в новые дворы; иные взяты в салдаты.

Скрепы: (единые скрепы по погостам Усть-Вымь и Оквад)

Л. 228–233. – н – Не – мь – ти – но – в

Л. 228–232 об., 233, 233 об. – Омрина – по его – велению – еренчанин – Иван – Малахийев – руку – при-
ложил

(Л. 234) Лист порозжей

(Л. 234 об.) Лист порозжей (так в тексте. – М.М.)

(Л. 235) Лист порозжей

(Л. 236) Погост Коквицы

Во дворе священник Петр Исаков, сорока девяти лет; жена ево Епистимия, пятидесяти трех лет; дети ево: Григорей, тридцати лет; Петр, десяти лет; Дарья, четырнадцати лет; Епистимия, осми лет.

Во дворе дьячек Макар Максимов сын Костарев, тридцати трех лет; жена ево Парасковья, дватцати пяти лет; дети ево: Василей, десяти лет; Марина, дву дней.

Во дворе пономарь Иван Петров сын Туркин, дватцати дву лет; жена ево Татьяна, девятнадцати лет; сын ево Стефан, году.

Во дворе просфирня Акилина Исакова дочь, пятидесяти пяти лет; дети ея: Иван, девяти лет; Ирина, двенатцати лет.

Во дворе трапезник Мина Яковлев сын Ганов, тридцати трех лет; жена ево Ксения, тридцати пяти лет; дети ево: Андрей, семи лет; Киприян, четырех лет. //

(Л. 236 об.) Во дворе крестьянин Тимофей Володимеров сын Турбылев, сорока дву лет; у него родной брат Лукиян, тридцати пяти лет; у Тимофея жена Лукирья, сорока лет; дочь ево Окулина, девяти лет; у Лукияна жена Ховронья, тридцати лет; дети ево: Гаврило, девяти лет; Лукирья, девятнадцати лет.

Во дворе крестьянин Стефан Савин сын Козлов, сорока лет; жена ево Елена, сорока пяти лет; дети ево: Осип, шеснатцати лет; Татьяна, девяти лет; Пелагия, семи лет; Татьяна ж, пяти лет.

Во дворе крестьянин Яков Елфимов сын Прошев, сорока лет; жена ево Марья, сорока пяти лет; сын ево Федор, дватцати пяти лет; у Федора жена Марья, тридцати лет.

Во дворе крестьянин Михайло Иванов сын Шадрин, штидесяти лет; сын ево Григорей, тридцати лет; жена ево Пелагия, дватцати осми лет; дочь ево Марья, пяти лет. //

(Л. 237) Деревня Лыанты

Во дворе крестьянин Григорей Яковлев сын Костромин, сорока пяти лет; жена ево Катерина, пятидесяти лет; дети ево: Софрон, тридцати лет; Стефанида, пятнадцати лет; Гликерия большая, тринадцати лет; Гликерия ж, одиннадцати лет.

Во дворе крестьянин Лука Андриев сын Мишуков, дватцати пяти лет; у него зять Петр Васильев сын Мишуков, сорока лет; жена ево Катерина, сорока лет.

Во дворе крестьянин Алексей Васильев сын Мишуков, штидесяти лет; жена ево Домна, пятидесяти лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Назар Панфилов сын Пархачев, осмидесяти дву лет; жена ево Каптелина, семидесяти пяти лет.

Во дворе крестьянин Яков Назаров сын Пархачев, сорока дву лет; жена ево Пелагия, пятидесяти лет; дети ево: Окулина, осми лет; Евпраксия, пяти лет. //

(Л. 237 об.) Во дворе крестьянин Игнатей Назаров сын Пархачев, тридцати девяти лет; жена ево Соломия, тридцати пяти лет; бездетен.

Во дворе вдова Василиса Васильевская жена Туркина, сорока шти лет; сын ея Семен, десяти лет.

Во дворе крестьянин Афонасей Иванов сын Фадиев, сорока пяти лет; жена ево Парасковья, сорока лет; дети ево: Евдоким, трех лет; Федора, году.

Во дворе крестьянин Сидор Иванов сын Козлов, пятидесяти лет; жена ево Улита, пятидесяти лет; сын ево Леонтей, одиннадцати лет.

Во дворе крестьянин Давыд Игнатъев сын Козлов, штидесяти лет; жена ево Марья, пятидесяти девяти лет; дети ево: Стефан, тридцати лет; Исак, пятнадцати лет; Андрей, четырнадцати лет; у Стефана жена Марина, сорока пяти лет; дети ево: Катерина, осми лет; Окулина, пяти лет. //

(Л. 238) Во дворе крестьянин Дмитрей Афонасъев сын Козлов, сорока лет; жена ево Овдотья, сорока лет; дети ево: Давыд, дватцати лет; Еремей, шеснатцати лет; у него ж брат родной Михайло, тридцати лет; жена ево Анна, тридцати лет; сын ево Иван, семи лет.

Во дворе крестьянин Иван Гаврилов сын Козлов, сорока пяти лет; жена ево Дарья, тридцати осми лет; дети ево: Иван, дватцати дву лет; Федор, пятнатцати лет; Афонасей, осми лет.

Во дворе крестьянин Андрий Игнатъев сын Козлов, штидесяти лет; жена ево Агафья, пятидесяти пяти лет; дети ево: Исак, дватцати лет; у Исака жена Устинья, тридцати дву лет; дети ево: Устинья, трех лет; Агафья, года.

Во дворе крестьянин Оброс Игнатъев сын Порсьуров, сорока лет; жена ево Ульяна, тридцати лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Данило Иванов сын Козлов, осмидесяти лет; жена ево Анна, семидесяти // (Л. 238 об.) лет; сын ево Антипа, тридцати трех лет; Матрона, тридцати дву лет; у Антипы жена Настасья, тридцати лет; сын ево Данило, дву лет.

Во дворе крестьянин Иван Данилов сын Козлов, сорока дву лет; жена ево Матрона, сорока лет; дети ево Григорей, дватцати одного лета; Тимофей, одинатцати лет.

Во дворе крестьянин Иван Семенов сын Пологрудов, пятидесяти лет; братья ево: Афонасей, сорока пяти лет; Мартын, тридцати лет; у Ивана жена Варвара, пятидесяти пяти лет; бездетен; у Афонасья жена Офимья, сорока лет; дочь ево Офимья, четырнатцати лет; у Мартына жена Лукирья, дватцати пяти лет.

Во дворе крестьянин Афонасей Игнатъев сын Пологрудов, сорока трех лет; жена ево Пелагия, сорока пяти лет; дети ево: Иван, десяти лет; Марфа, пятнатцати лет; у него ж невестка Марина, дватцати пяти лет; бездетна. //

(Л. 239) Во дворе крестьянин Гаврило Антонов сын Сизев, пятидесяти девяти лет; жена ево Ирина, тридцати пяти лет; дети ево: Фекла, десяти лет; Настасья, семи лет.

Во дворе крестьянин Семен Козмин сын Сизев, тридцати дву лет; жена ево Василиса, тридцати лет; сестры ево: Марья, тридцати лет; Марья ж, дватцати лет; Агрипина, семнатцати лет; дочь ево Ульяна, года.

Во дворе вдова Ирина Семеновская жена Сизева, сорока девяти лет; дочь ея Пестелинья, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Дмитрий Григорьев сын Бутиев, сорока пяти лет; жена ево Катерина, сорока семи лет; дочь ево Фекла, девяти лет.

Во дворе крестьянин Дмитрий Иевлев сын Пархачев, сорока осми лет; жена ево Овдотья, сорока лет; дети ево: Григорей, тринатцати лет; Катерина, девяти лет; Овдотья, двенатцати лет. //

(Л. 239 об.) Во дворе крестьянин Григорей Семенов сын Яранов, пятидесяти лет; жена ево Марья, сорока девяти лет; дети ево: Сидор, пяти лет; Дарья, девяти лет.

Во дворе крестьянин Ларион Тимофиев сын Яранов, сорока лет; жена ево Овдотья, тридцати пяти лет; сын ево Михайло, пятнатцати лет; дочь ево Катерина, шти лет.

Во дворе крестьянин Сава Корнилов сын Туриев, пятидесяти девяти лет; жена ево Окулина, тридцати пяти лет; дети ево: Василей, четырнатцати лет; Матрона, пятнатцати лет; Ирина, дву лет.

Во дворе крестьянин Лукиян Антонов сын Белоусов, тридцати лет; жена ево Епистимия, тридцати лет; дети ево: Антон, пяти лет; Фекла, десяти лет.

Во дворе крестьянин Иван Михайлов сын Изнобов, пятидесяти лет; жена ево Стефанида, пятидесяти лет; дети ево: Ларион, дватцати пяти лет; Настасья, двенатцати лет; у Лариона жена Ирина, дватцати // (Л. 240) пяти лет.

Во дворе крестьянин Михайло Савельев сын Пахомов, семидесяти пяти лет; жена ево Катерина, штидесяти лет; сын ево Стефан, дватцати лет.

Во дворе вдова Овдотья Корниловская жена Изнобова, пятидесяти трех лет; внука ея Катерина, семи лет.

Во дворе крестьянин Лазарь Иванов сын Яруков, осмидесяти лет; сын ево Влас, сорока девяти лет; у Власа жена Елена, сорока осми лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Перфирей Иванов сын Васев, штидесяти лет; жена ево Овдотья, пятидесяти девяти лет; дети ево: Василей, дватцати лет; Фекла, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Панфил Иванов сын Васев, семидесяти лет; жена ево Каптелина, сорока лет; внук ево Данило, одинатцати лет. //

(Л. 240 об.) Во дворе крестьянин Андрей Иванов сын Давыдов, пятидесяти осми лет; жена ево Марфа, пятидесяти лет; дети ево: Родион, тридцати лет; Гаврило, десяти лет; у него ж братья родные: Гаврило, пятидесяти лет; Климонт, сорока лет; Данило, тридцати семи лет; у Климонта жена Елисавет, тридцати дву лет; дочь ево Анна, десяти лет; у Данила жена Ирина, тридцати лет; дети ево: Овдотья, осми лет; Ульяна, четырех лет.

Во дворе крестьянин Сава Тарасов сын Феденев, пятидесяти лет; жена ево Февронья, пятидесяти пяти лет; дочь ево Татьяна, десяти лет.

Во дворе крестьянин Анкидин Стахив сын Феденев, пятнатцати лет; жена ево Лукирья, дватцати пяти лет; мати ево Фекла, пятидесяти лет.

Во дворе крестьянин Федот Антонов сын Окулов, сорока лет; жена ево Фетинья, тридцати лет; дети ево: Оксинья, десяти лет; Фетинья, года; у него ж брат родной Иван, пятидесяти лет. //

(Л. 241) Во дворе крестьянин Тихон Петров сын Халдиев, сорока осми лет; сын ево Иван, дватцати пяти лет; жена ево Окулина, дватцати трех лет; дочь ево Стефанида, трех лет.

Во дворе крестьянин Осип Елизарьев сын Рычков, тритцати пяти лет; жена ево Оксинья, тритцати шти лет; дети ево: Дарья, одинадцати лет; Ирина, девяти лет; Марья, трех лет; Марфа, дву лет.

Во дворе крестьянин Иван Данилов сын Миков, сорока осми лет; жена ево Омельфа, сорока шти лет; дети ево: Андрей, дватцати лет; Лукиян, одинадцати лет; у Андрия жена Марья, осмнатцати лет.

Во дворе крестьянин Федор Агиев сын Рычков, сорока лет; жена ево Анна, сорока лет; у него ж брат родной Федот, тритцати пяти лет; жена ево Марья, сорока лет; сын ево Архип, шти лет.

Во дворе крестьянин Анисим Перфирьев сын Мартынов, пятидесяти лет; жена ево Елена, тритцати лет; дети ево Аверкий, // (Л. 241 об.) одинадцати лет; Евгения, дву дней.

Во дворе крестьянин Сава Феокистов сын Феденев, тритцати пяти лет; жена ево Феодора, сорока лет; сын ево Лука, дву лет; у него ж племянник Иван, осми лет; племянница Агрипина, трех лет.

Во дворе крестьянин Карп Перфирьев сын Бутиев, штидесяти лет; жена ево Пелагея, пятидесяти лет; дети ево: Григорей, дватцати лет; Марфа, девяти лет.

Во дворе крестьянин Григорей Иванов сын Конин, пятидесяти лет; жена ево Парасковья, пятидесяти лет; сын ево Иван, тритцати пяти лет; жена ево Пестелинья, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Иван Пантелиев сын Фалилеев, пятидесяти дву лет; жена ево Наталья, тритцати пяти лет; сын ево Федор, дватцати лет; у Федора жена Марина, дватцати лет; дети ево: Татьяна, дву лет; Анна, полугода. //

(Л. 242) Во дворе крестьянин Иван Павлов сын Яруков, сорока лет; жена ево Евфросиния, тритцати осми лет; дочь Катерина, дву лет; брат ево родной Прокопей, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Афонасей Иванов сын Яруков, штидесяти лет; жена ево Елисавет, пятидесяти пяти лет; сын ево Андрей, пяти лет.

Во дворе крестьянин Михайло Михайлов сын Васев, дватцати лет; жена ево Катерина, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Артемей Тимофиев сын Першуков, пятидесяти шти лет; жена ево Анна, сорока шти лет; сын ево Тимофей, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Перфирей Михайлов сын Мартынов, осмидесят лет; сын ево Никита, сорока лет; жена ево Марья, сорока шти лет; дочь ево Ирина, шеснатцати лет; у него ж племянник Стефан Иванов, дватцати пяти лет; жена ево Александра, дватцати лет; сын ево Лука, // (Л. 242 об.) дву лет.

Во дворе крестьянин Тимофей Елфимов сын Прошев, тритцати пяти лет; жена ево Евдокия, дватцати осми лет; сын ево Евдоким, пяти лет.

Деревня Малые Коквицы

Во дворе крестьянин Василей Федоров сын Першуков, пятидесяти лет; жена ево Марфа, тритцати осми лет; дети ево: Данило, десяти лет; Федор, шти лет; Фотий, дву лет.

Во дворе крестьянин Иван Леонтьев сын Есев, пятидесяти девяти лет; жена ево Дарья, сорока шти лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Иван Парфенов сын Спиридонов, пятидесяти трех лет; жена ево Федосья, сорока лет; дети ево: Спиридон, дватцати одного лета; Мелентей, пятнатцати лет; Марья, девяти лет; Овдогья, семи лет; у Спиридона жена Евгения, дватцати лет; у него ж брат родной Иван, тритцати лет. //

(Л. 243) Во дворе крестьянин Иван Иванов сын Ганов, штидесяти семи лет; жена ево Елена, штидесяти лет; дети ево: Григорей, сорока лет; Евгения, пятидесяти лет; у Григорья жена Марина, сорока лет; сын ево Василей, года.

Во дворе крестьянин Леонтей Петров сын Яковлев, сорока лет; жена ево Феодора, сорока лет; дети ево: Евсей, пятнатцати лет; Татьяна, десяти лет; Овдогья, четырех месяцев; у Евсия жена Настасья, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Алексей Игнатъев сын Яковлев, тритцати лет; жена ево Пелагия, тритцати лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Григорей Игнатъев сын Яковлев, дватцати пяти лет; жена ево Федосья, дватцати пяти лет; сын ево Матфей, одного месеца.

Во дворе крестьянин Киприян Яковлев сын Петров, сорока лет; жена ево Федосья, сорока дву лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Логин Кирилов сын Нефедов, // (Л. 243 об.) тритцати лет; жена ево Настасья, тритцати лет; дети ево: Кирило, десяти лет; Андрей, тринатцати лет; Федора, осми лет.

Во дворе крестьянин Андрей Яковлев сын Корманов, сорока лет; жена ево Федосья, тритцати осми лет; дети ево: Микита, десяти лет; Марья, шти лет.

Малые Коквицы

Во дворе крестьянин Мирон Иванов сын Ганов, тридцати лет; жена ево Агафья, дватцати пяти лет; сын ево Иван, года.

Во дворе крестьянин Алексей Романов, сорока пяти лет; жена ево Парасковья, сорока лет; дети их: Василий, четырнатцати лет; Марья, десяти лет.

Во дворе крестьянин Иван Леонтьев сын Юсев, пятидесяти лет; жена ево Дарья, сорока осми лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Леонтей Петров сын Порсьюров, тридцати пяти лет; жена ево Катерина, // (Л. 244) тридцати лет; у них дети: Евсий, десяти лет; дочь ево Татьяна, девяти лет; Ирина, года.

Во дворе крестьянин Иван Парфенов сын Спириин, пятидесяти шти лет; жена ево Федосья, сорока лет; у него ж дети: Спиридон, дватцати лет; Мелентей, пятнатцати лет; дочь Марья, одинаццати лет; Овдотья, осми лет; у него ж брат Иван, сорока лет.

Во дворе крестьянин Василий Федоров сын Першуков, осмидесяти пяти лет; жена ево Марья, пятидесяти лет; у них сын Тимофей, четырнатцати лет; Данило, десяти лет; Федор, семи лет; Фотий, дву лет.

Во дворе бобыль Фотий Бызов, штидесяти лет; жена ево Макорина, пятидесяти дву лет; бездетны.

Деревня Кочмодор

Во дворе вдова Анна, пятидесяти девяти лет; у нея сын Яков, двенатцати лет.

Во дворе бобыль Акинфей Козлов, штидесяти лет; жена ево Варвара, пятидесяти дву лет; // (Л. 244 об.) дочь их Анна, пятнатцати лет.

Во дворе бобыль нищей Флор Иванов сын Турбылев, тридцати лет; жена ево Анна, дватцати семи лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Леонтей Елфимов сын Прошев, тридцати лет; жена ево Марья, дватцати девяти лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Яков Елфимов сын Прошев, сорока семи лет; жена ево Марья, сорока лет; у них дети: Федор, дватцати лет; у Федора жена Оносья, дватцати лет.

Во дворе крестьянин Давыд Иванов сын Козлов, штидесяти лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Кирило Харитонов сын Нефедов, сорока лет; жена ево Парасковья, тридцати пяти лет; дочь ево Анна, дву лет.

Во дворе бобыль Елфим Максимов сын Миков, сорока лет; жена ево Евдокия, тридцати пяти лет; бездетны. //

(Л. 245) Во дворе бобыль Иев Семенов сын Балагурова, пятидесяти дву лет; жена ево Акилина, сорока лет; сын ево Иван, дватцати дву лет.

Во дворе бобыль Киприян Порсьюров, сорока пяти лет; жена ево Матрона, тридцати осми лет; бездетны.

И всего в погосте Коквицах церковных причетников пять дворов. Людей в них: мужеска полу – одиннатцать; женска – девять человек. Да крестьянских и бобыльских, и вдовьих восьмьдесят три двора. Людей в них: мужеска полу – сто шесдесят шест; женска – сто семдесят два человека.

Пустые дворы

Двор пуст Леонтья Пологрудова, сшел в Сибирские города з женою и з детми.

Двор пуст Сидора Пологрудова, сшел в Сибирь; а жена умре. //

(Л. 245 об.) Двор пуст Афонасья Пологрудова, перешел в новой двор.

Двор пуст Ивана Пологрудова, помер и з женою; бездетен.

Двор пуст Ивана Панфилова, сшел в Сибирь з женою и з детми.

Двор пуст Мирона Шутова, сшел на Кунгур з женою; а брат ево Спиридон взят в работу в Санкт Питербурх.

Двор пуст Корнила Изнобова, сшел в Сибирские города з женою и з детми.

Двор пуст Устина Изнобова, умре; бездетен.

Двор пуст Григорья Рычкова, помер и з женою.

Двор пуст Силуяна Петрова, помер и з женою; бездетны.

Двор пуст Ивана Ярафиева, умре; бездетен.

Двор пуст Конана Димушева, сшел в Сибирь и з женою; бездетен.

Двор пуст Тимофея Полнива, сшел в Сибирь и з женою; бездетен. //

(Л. 246) Двор пуст Ильи Микова, умре; бездетен.

Двор пуст Сидора Галукова, померли и з женою; бездетны.

Двор пуст Осипа Кудрина, умре и з женою; бездетны.

Двор пуст Данила Галукова, умре и з женою; бездетны.
 Двор пуст Ивана Влад(ы)кина; он сшел в Сибирь з женою и з детми.
 Двор пуст Никифора Кудрина, взят в работу в Санкт Питербурх; а жена ево умре.
 Двор пуст Кирилла Паршукова, сшел з женою и з детми в Сибирские города.
 Двор пуст Тимофея Прошева, взят в работу в Санкт Питербурх; детей не было.
 Двор пуст Андрея Созонова, потонул и з женою; детей не было.
 Двор пуст Григорья Ганова, взят в салдаты.
 Двор пуст Ивана Кирилова, он сошел з женою и з детми в Сибирские города.
 Двор пуст Терентья Ганова, взят в салдаты; а жена ево умре. //
 (Л. 246 об.) Двор пуст Игнатя Порсьюрова, померли з женою и з детми; а сын ево Карп взят в салдаты.
 Двор пуст Ермия Харитонова, сшел в Сибирь; а жена ево померла; детей не осталось.
 Двор пуст Федора Турнева, помер и з женою; бездетен.
 Двор пуст Федора Козмина сына Козлова, взят в салдаты; детей не было.

И всего пустых дватцать девять дворов.

А по скаске той волости земского целовальника Стефана Козлова, которые вышеписанные пустые дворы и тех де дворов люди померли з женами и з детми; иные сошли в Сибирские города з женами ж и з детми; иные перешли в ыные дворы; а иные взяты в Санкт Питербурх в работу и в салдаты.

Скрепы:

Л. 236–246. – Ива – н – Не – мь – ти – но – в – Иван – Немь – ти – нов

Л. 236–246 об. – К сим пере – писным кни – гам вместо – Коквицкого – земского – целовальника – Степа-
 на – Козлова – велением – ево еренчанин Иван Федоров – сын – Серебряников руку приложил.

(Л. 247) Лист порозжей

(Л. 248) Погост Палевицы

Во дворе священник Евдоким Елизарьев, сорока трех лет; жена ево Акилина, сорока лет; у них дети: Алек-
 сий, десяти лет; Игнатей, четырех лет; дочь Маремьяна, тринадцати лет; Парасковья, трех лет; Марфа, года.

Во дворе дьячек Родион Марков сын Горевых, пятидесят дву лет; жена ево Ирина, сорока лет; у них дети:
 Иван, пятнадцати лет; дочь Татьяна, десяти лет; Матрона, пяти лет.

Во дворе пономарь Никифор Филипов сын Тарабукин, дватцати трех лет; жена ево Ульяна, дватцати дву
 лет; у него сын Григорей, года; дочь Марья, дву лет.

Во дворе просфирня Гликерия Ерофеева дочь, штидесят лет; бездетна. //

(Л. 248 об.) Во дворе крестьянин Иван Борисов сын Торлопов, пятидесят лет; жена ево Матрона, сорока
 лет; у него дети: Митрофан, дватцати лет; Агапит, пятнадцати (лет); дочь Настасья, четырнадцати лет; у Ми-
 трофана жена Парасковья, дватцати пяти лет; у Агапита жена Маремьяна, семнадцати лет.

Во дворе крестьянин Стефан Иванов сын Потылицын, пятидесят лет; жена ево Анна, сорока дву лет; сын
 ево Сергей, дватцати пяти лет; сестра ево Дарья, сорока лет.

Во дворе крестьянин Василей Матвиев сын Прокушев, штидесят лет; у него дети: Тит, дватцати лет; дочь
 Евдокия, девятнадцати лет.

Во дворе крестьянин Артемей Исаков сын Осиповых, пятидесят трех лет; дочь ево Овдотья, дватцати дву
 лет; у него ж зять Сидор, сорока лет. //

(Л. 249) Во дворе крестьянин Федор Афонасьев сын Осиповых, штидесят лет; жена ево Марья, пятидесят
 лет; у него дети: Федот, дватцати лет; Гаврило, пятнадцати лет.

Во дворе крестьянин Мартын Иванов сын Потылицын, тридцати пяти лет; жена ево Агафья, тридцати дву
 лет; у них дочь Акилина, четырнадцати лет.

Во дворе бобыль Иван Матвиев сын Прокушев, штидесят лет; у него дети: Игнатей, тридцати лет; дочь
 Марья, пятнадцати лет; у Игнатя жена Ульяна, дватцати пяти лет.

Во дворе крестьянин Симон Матвиев сын Прокушев, пятидесят лет; жена ево Агафья, тридцати лет; у
 него сын Иван, десяти лет; у него ж брат родной Никита, сорока лет; у Никиты жена Федора, дватцати пяти
 лет; у них сын Иван, дву недель. //

(Л. 249 об.) Во дворе крестьянин Ефрем Данилов сын Белых, пятидесят четырех лет; жена ево Ксения,
 пятидесят трех лет; у него дети: Иван, дватцати трех лет; дочь Марья, одиннадцати лет.

Во дворе крестьянин Иван Артемьев сын Потылицын, тридцати пяти лет; жена ево Меланья, дватцати
 пяти лет; у него дочь Марфа, семи лет.

Во дворе крестьянин Иван Ермолин сын Потылицын, тридцати осми лет; жена ево Марья, тридцати лет; бездетны.

Во дворе вдова Парасковья Ивановская жена Белых, штидесят пяти лет; у нее внука Анна, пяти лет.

Во дворе крестьянин Мелетий Панфилов сын Потылицын, штидесят лет; жена ево Ксения, пятидесят пяти лет; у него сын Юда, тридцати лет; у Юды жена Марья, дватцати осми лет; у них дочь Парасковья, трех лет. //

(Л. 250) Во дворе крестьянин Петр Исаков сын Огибин, штидесят лет; жена ево Ульяна, штидесят трех лет; у него дети: Стефан, тридцати осми лет; Матфий, тридцати пяти лет; Григорей, дватцати лет; Стефан, четырнатцати лет; у Стефана жена Капилья, дватцати осми лет; у него сын Иван, дву лет; у Матвия жена Соломия, дватцати шти лет; у них дочь Елена, дву лет.

Во дворе крестьянин Касиян Тимофиев сын Торлопов, семидесят пяти лет; дети ево: Тимофей, сорока пяти лет; Яков, тридцати дву лет; дочь Агафья, дватцати трех лет; у Тимофия жена Марфа, тридцати осми лет; у них дети: Леонтей, полутора года; дочь Акилина, четырнатцати лет.

Во дворе крестьянин Киприян Прокопьев сын Прокушев, пятидесят пяти лет; жена ево Марья, сорока лет; дети ево: Федор, шеснатцати лет; дочь // (Л. 250 об.) Домна, четырнатцати лет; Пелагия, семи лет; у него ж брат родной Матвий, сорока пяти лет; жена ево Овдотья, сорока лет; сын ево Григорей, десяти лет.

Во дворе бобыль Филип Пиминов сын Путятюв, сорока лет; бездетен.

Во дворе крестьянин Конан Ермолин сын Потылицын, сорока лет; жена ево Дарья, тридцати пяти лет; бездетен; у него ж для работы Яков Парфенов сын Мозгонов, тридцати лет.

Во дворе крестьянин Лаврентей Михайлов сын Потылицын, сорока лет; жена ево Анна, тридцати осми лет; дочь ево Марья, трех лет; у него ж матери Фотинья, штидесят лет.

Во дворе крестьянин Сава Аникин сын Размыслов, сорока лет; жена ево Елена, тридцати осми лет; у него ж брат Никита, тридцати лет; жена ево Евдокия, дватцати девяти лет; бездетны. //

(Л. 251) Во дворе крестьянин Иван Федоров сын Куклин, сорока лет; жена ево Анна, тридцати лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Иван Елфимов сын Белых, штидесят пяти лет; у него сын Федор, тридцати пяти лет; жена ево Марья, сорока лет; у Федора дети: Стефан, дватцати лет; Федосья, четырнатцати лет; у Стефана жена Овдотья, девятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Никита Федоров сын Огибин, тридцати пяти лет; жена ево Агафья, тридцати лет; у него сын Стефан, полутора года.

Во дворе крестьянин Григорей Иванов сын Осипов, пятидесят лет; жена ево Марья, сорока пяти лет; у них дети: Стефан, тридцати лет; у Стефана жена Макарина, дватцати шти лет; у них дети: Устинья, семи лет; Устинья ж, года.

Во дворе крестьянин Евдоким Алексиев сын Белых, пятидесят лет; жена ево // (Л. 251 об.) Федора, сорока лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Сергей Борисов сын Торлопов, штидесят пяти лет; сын ево Исак, тридцати пяти лет; у Исака жена Елена, тридцати дву лет; дочь ево Екатерина, шти лет.

Во дворе крестьянин Василей Леонтьев сын Прокушев, сорока лет; жена ево Пелагия, тридцати семи лет; дочь Ульяна, трех лет.

Во дворе крестьянин Борис Ярафеев сын Прокушев, семидесят девяти лет; жена ево Парасковья, семидесят осми лет; дети ево: Прокопей, штидесят лет; Андрей, сорока четырех лет; у Прокопья жена Дарья, пятидесят девяти лет; сын ево Потап, четырех лет.

Во дворе крестьянин Сава Михайлов сын Сизев, штидесят лет; жена ево Дарья, сорока лет; дети ево: Макар, десяти лет; Евфимия, четырех лет. //

(Л. 252) Деревня Слудка

Во дворе крестьянин Петр Прокопьев сын Осиповых, сорока лет; жена ево Акилина, сорока пяти лет; дети ево: Елфим, четырнатцати лет; Андрей, десяти лет; Пелагия, шти лет; у Елфима жена Марина, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Никита Самойлов сын Пономарев, штидесят пяти лет; жена ево Федосья, пятидесят осми лет; дети ево: Иван, тридцати трех лет; у Ивана жена Евдокия, тридцати лет; дети ево: Варвара, семи лет; Акилина, пяти лет; у него ж сын Елфим, дватцати осми лет; жена ево Парасковья, осмнатцати лет.

Деревня Согчем

Во дворе крестьянин Федор Трофимов сын Есов, тридцати лет; жена ево Парасковья, дватцати осми лет; дочь ево Ксения, пяти лет. //

(Л. 252 об.) Во дворе крестьянин Елфим Архипов сын Размыслов, тридцати лет; жена ево Евдокия, двадцати пяти лет; у него брат Александр, двадцати лет; сестра ево Меланья, девяти лет.

Во дворе крестьянин Сергей Тимофиев сын Размыслов, штидесят лет; жена ево Елисавет, сорока лет; сын ево Федор, тридцати лет; у Федора жена Гликерия, двадцати пяти лет.

Во дворе вдова Евдокия Евсивьева дочь, а Панфиловская жена Размыслова, пятидесят лет; бездетна.

Во дворе крестьянин Гаврило Иванов сын Торлопов, пятидесят лет; жена ево Агрепена, сорока лет; сын ево Никита, осми лет.

Во дворе крестьянин Мартын Иванов сын Торлопов, тридцати пяти лет; жена ево Екатерина, тридцати лет; дети ево: Алексей, полугода; Евдокия, десяти лет. //

(Л. 253) Во дворе крестьянин Иван Ларионов сын Белых, сорока лет; жена ево Устинья, тридцати семи лет; сын ево Калина, года; у него ж мати Анна, штидесят лет.

Во дворе крестьянин Ларион Григорьев сын Фирсов, сорока лет; жена ево Домна, тридцати осми лет; сын ево Иван, тринатцати лет.

Во дворе крестьянин Федор Иванов сын Белых, пятидесят лет; жена ево Евфимия, сорока девяти лет; сын Моисей, семнатцати лет; у Моисея жена Федосья, шеснатцати лет; дочь ево Ирина, дву лет.

Во дворе крестьянин Моисей Гаврилов сын Осипов, пятидесят лет; жена ево Марья, сорока лет; сын ево Мокий, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Самойло Лазарев сын Торлопов, тридцати лет; жена ево Акилина, двадцати семи лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Борис Ильин сын Белых, тридцати лет; жена ево Офимья, двадцати шти лет; бездетны. //

(Л. 253 об.) Во дворе крестьянин Сава Леонтьев сын Прокушев, сорока лет; жена ево Матрона, тридцати осми лет; сын у него Симон, семи лет.

Во дворе крестьянин Лука Володимеров сын Кудрин, сорока трех лет; жена ево Агафья, сорока лет; сын ево Афонасей, шти лет.

Во дворе крестьянин Василей Васильев сын Есов, сорока лет; сын ево Стефан, двенатцати лет.

Во дворе крестьянин Иван Тимофеев сын Осиповых, двадцати лет; жена ево Офимья, девятнатцати лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Меркурей Георгиев сын Гужев, штидесят лет; жена ево Домна, пятидесят лет; бездетны.

Во дворе бобыль Иван Федоров сын Курогов, сорока лет; жена ево Марья, тридцати пяти лет; бездетны.

Во дворе крестьянин Родион Иванов сын Белых, // (Л. 254) пятидесят лет; сын ево Мартын, семнатцати лет.

Во дворе крестьянин Варлам Борисов сын Торлопов, семидесят лет; у него жена Марья, штидесят пяти лет; у него ж племянник Иван Данилов, пятидесят трех лет; дети ево: Агафон, тридцати пяти лет; жена ево Акилина, тридцати лет; у него ж дети: Иван, пятнатцати лет; Никита, двадцати осми лет; у Никиты жена Пелагия, двадцати лет; дети ево: Марина, четырех лет; Дарья, трех лет.

Во дворе крестьянин Мосей Никитин сын Попов, тридцати лет; у него брат Борис, двадцати лет; у Мосия жена Пелагия, двадцати осми лет; сын ево Никита, трех лет; у Бориса жена Зиновья, пятнатцати лет.

Во дворе крестьянин Сава Иванов сын Потылицын, двадцати пяти лет; жена ево Матрона, двадцати лет; бездетны; у него ж на подворье Конан Амосов // (Л. 254 об.) сын Белых, штидесят осми лет; жена ево Неонила, штидесят лет; бездетны.

И всего в погосте Палевицах церковных причетников четыре двора. Людей в них: мужеска полу – семь; женска – десять человек. Да крестьянских и бобыльских, и вдовьих пятьдесят три двора. Людей в них: мужеска полу – сто десять; женска – сто один человек.

Дворы пустые

Двор пуст Власия Артемьева сына Тарабукина, умре з женою.

Деревня Сотцем

Двор пуст Терентья Федорова сына Сизева, умре з женою и з детми.

Палевицы

Двор пуст вдовы Анны Леонтьевы дочери, // (Л. 255) Ивановской жены Сидоровых, умре; детей не осталось.

Двор пуст Семена Федосеева сына Ковалева, умре и з женою; детей не было.

Двор пуст Ивана Елфимова сына Белых, умре з женою.

Двор пуст вдовы Фетиньи Стефановы дочери, Андриевской жены Белых, умре; бездетна.

Двор пуст Ивана Тимофеева сына Потылицына, умре з женою; детей не было.
Двор пуст Мокия Артемьева сына Тарабукина, умре з женою; детей не было.

И всего пустых восемь дворов.

А по скаске той волости земского целовальника Петра Осиповых, которые выше писанные пустые дворы, и тех дворов люди померли з женами и з детми, а у иных детей не было.

Скрепы:

Л. 248–255. – Ива – н – Не – мь – ти – но – в – Ива –

Л. 248–254 об., 255. – К сим – переписным – книгам – вместо – Палевицкого – земского – целовальника – Петра Осиповых – по велению ево еренчанин Сава Петров сын Орлов руку приложил.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

«Проблемы исторической демографии Сибири» (сборники научных трудов)

Сборники научных трудов составлены и подготовлены к изданию в секторе историко-демографических исследований Института истории СО РАН (отв. редактор В.А. Исупов). Всего коллективом сектора за время работы было подготовлено три выпуска. Они представляют собой одну из немногочисленных попыток рассмотреть проблемы народонаселения в Азиатской России в прошлом как сложный феномен общественной, социальной, экономической, а в определенной степени и политической жизни.

До сих пор демографические проблемы являлись предметом внимания главным образом экономистов, социологов, географов. Отдельные характеристики населения, связанные с воспроизводственными и миграционными процессами, исследовались представителями демографической науки. Историки в течение длительного периода не проявляли значительного интереса к вышеназванным проблемам. Явно недостаточно в ретроспективном аспекте изучались и территориальные особенности демографических процессов.

Среди авторов статей известные ученые и научная молодежь. Всех их объединила общая научная цель – показать место демографических процессов в истории Азиатской России, определить устойчивые исторические тенденции, характерные для естественного и механического движения населения на протяжении длительного времени, выявить роль населения в формировании ее социально-экономического и культурного потенциала.

Тематика статей, вошедших в сборники, соответствует основным проблемам, изучаемым исторической демографией в контексте истории восточных регионов России: динамика численности, половозрастной и семейной структуры населения, воспроизводственные процессы (рождаемость, смертность, естественный прирост, брачность, продолжительность жизни), миграции, демографические представления и демографическое поведение людей в историческом контексте. Определенное внимание уделено работам по источниковедению и историографии историко-демографических исследований.

Хронологические рамки исследований колеблются в довольно широких пределах от XVI до начала XXI в., т. е. включают всю эпоху заселения и освоения Сибири русскими и иными народами Европейской России. Среди авторов статей – крупные специалисты по исторической демографии России и Сибири из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Сыктывкара и других городов. В то же время значительный корпус статей составляют работы сотрудников сектора историко-демографических исследований Института истории СО РАН.

Особое место среди публикаций, представленных в сборниках, занимает XX век. Это один из наиболее сложных и пока слабо изученных периодов Отечественной истории, характеризующийся важнейшими качественными и количественными сдвигами в общественной жизни. Характер демографических процессов подвергся коррекции под влиянием трансформации социально-экономической и политической подсистем в стране. Рождаемость, смертность, миграционные процессы на Востоке России обрели свои особые характеристики. При этом характер и масштабы вышеназванных явлений в каждом отдельном регионе Сибири имели свои особенности, по-своему повлиявшие на численность и территориальное размещение населения.

Представленные в сборнике работы выполнены на объемном материале, коллективом авторов использован широкий комплекс опубликованных и неопубликованных источников, извлеченных из центральных и региональных архивохранилищ. Они отличаются солидной историографической базой, включающей труды ведущих отечественных и зарубежных специалистов по демографии.

Таким образом, материалы сборников по своему научному уровню, а также по качеству оформления полностью соответствуют всем необходимым требованиям. Представленные в них работы выполнены на высоком научном уровне и базируются на разнообразных источниках, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Несомненно, высоким является и их научный вклад в историческое сибиреведение.

О. Б. Дашинамжилов

Исследователи народов и культур Евразии*

22–23 октября 2015 г. в Сыктывкаре состоялся **I Всероссийский симпозиум «Исследователи народов и культур Евразии»**. Его организовали и провели Институт языка, литературы и истории Коми НЦ Уро РАН, Министерство национальной политики Республики Коми и Коми региональное отделение Российского исторического общества. Симпозиум был посвящен 90-летию со дня рождения видных ученых Льва Павловича Лашука (1925–1990) и Любомира Николаевича Жеребцова (1925–1991).

Любомир Николаевич ЖЕРЕБЦОВ (15.10.1925 – 17.02.1991) – один из наиболее известных и авторитетных ученых-гуманитариев Коми республики. Родился в Усть-Сысольске (ныне – Сыктывкар). С 1948 г. его жизнь была связана с Коми филиалом Академии наук СССР (совр. Коми научным центром Уро РАН). В 1973 г. возглавил сектор этнографии, который под его руководством стал одним из наиболее авторитетных научных подразделений института. С 1950 по 1977 г. руководил или участвовал в 22 этнографических экспедициях во все районы Коми республики, Коми-Пермяцкий, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, Ленский, Пинежский и Лешуконский р-ны Архангельской области, Никольский р-н Вологодской области, на Кольский п-ов, в Новосибирскую, Тюменскую и Томскую области и Алтайский край. Занимался также археологической разведкой, открыл несколько археологических памятников. Большое внимание уделял сбору документальных материалов о народе коми в различных архивохранилищах страны.

Изучал этническую историю, формирование этнической территории и этнографических групп коми, современные этнические процессы, историко-культурные связи коми с русскими, ненцами, коми-пермяками, хантами и манси, традиционное коми жилище, религиозные верования и другие стороны материальной и духовной культуры коми, историю этнографических исследований. Дал первое наиболее полное описание жилых и хозяйственных построек коми, типологию традиционных коми жилищ, историю их развития, типы поселений и формы расселения коми. Выделил этапы формирования этнической территории коми, определил время формирования этнографических групп коми, их основные своеобразные черты в материальной и духовной культуре, охарактеризовал процесс заселения всех районов Коми края и переселений коми за пределы своей этнической территории (на Кольский п-ов, за Урал), показал активную роль коми в совместном с русскими освоении Сибири и Дальнего Востока. Определил заимствования в материальной и духовной культуре, в хозяйстве и быте, сделанные коми у соседних народов, а также влияние коми на их культуру, быт и хозяйство. Обосновал свою датировку присоединения Коми края к Русскому государству. К 1986 г. подготовил докторскую диссертацию «Этнокультурные взаимоотношения в этнической истории народа коми (X – начало XX вв.)», рекомендованную к защите ученым советом Института, однако из-за ухудшения состояния здоровья не защитил ее. Написал свыше 150 научных и научно-популярных работ, более 100 из которых опубликовано, в том числе монографии: «Крестьянское жилище в Коми АССР» (1971), «Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX в.» (1972), «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами» (1982) и др.

Лев Павлович ЛАШУК (07.12.1925–10.12.1990) – один из организаторов этнографических исследований в Коми республике. Род. в с. Песочная Бежецкого уезда Брянской губернии. Закончил среднюю школу в г. Дмитров Московской области (1944), отделение этнографии исторического факультета Московского государственного университета (1950). В 1950–1960 гг. работал в Коми филиале АН СССР на должности младшего научного сотрудника, с 1956 г. – старшего научного сотрудника. В 1950–1959 гг. Л.П. Лашук разрабатывал проблемы этнической истории коми и русского населения Печоры и Ижмы, вымских, верхневьичегодских, сысольских и прилузских коми, осуществил ряд этнографических экспедиций в эти районы, опубликовал серию работ по этнической истории коми. Особенно подробно Л.П. Лашук рассмотрел этническую историю Печорского края: процессы заселения бассейна Печоры, духовную и материальную культуру, быт, хозяйство местного населения XVII–XIX столетий, культурное взаимодействие русских, коми, ненцев, в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию «Этническая история Печорского края». Разработал принципы историко-этнографического районирования Коми АССР. При анализе этнической истории использовал обширный комплекс разнообразных источников: этнографических, археологических, лингвистических, письменных. Л.П. Лашук занимался также археологической разведкой, открыл несколько археологических памятников (часть – совместно с Л.Н. Жеребцовым). В 1960–1990 гг. работал на кафедре этнографии Московского государственного университета, преподавал курсы «Основы этнографии и истории первобытного общества», «Общая этнография», «Историческая социология» и др., руководил аспирантами, в 1964 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Этническая история и национальная консолидация коми (зырян)», подготовил ряд работ по теории этнографической науки, внедрению социологии в сферу этнологического познания. В частности, проанализировал историческую структу-

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)».

ру социальных организмов средневековых кочевников, исследовал характер классовообразования в обществах ранних кочевников, предложил типологию этнических общностей средневековых тюрок и монголов, поставив проблему изучения развитых племенных структур, подводящих определенные сообщества разных стран непосредственно к порогу раннеклассовых отношений. Исследовал этнонимии Северо-Западной Сибири, этнокультурные процессы на Севере Западной Сибири в эпоху бронзы. В 1980–1983 гг. руководил лабораторией исторического факультета МГУ. Опубликовал труды «Очерк этнической истории Печорского края» (1958), «Формирование народности коми» (1972), «Введение в историческую социологию» (1977) и др.

Работу научного форума открыл председатель оргкомитета директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН д.и.н. И.Л. Жеребцов, подчеркнувший важный вклад названных исследователей не только в становление и развитие коми этнографии, но и в исследование этнодемографических и историко-демографических процессов на Европейском Северо-Востоке. Л.П. Лашук, в частности, одним из первых обратился к анализу материалов переписных книг и ревизских сказок о народонаселении Коми края. Л.Н. Жеребцов плодотворно занимался исследованием миграционных процессов на Северо-Востоке Европы, переселений местных жителей в другие регионы.

На пленарном заседании симпозиума с докладами выступили зав. сектором этнографии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН д.и.н. Ю.П. Шабаев, главный научный сотрудник отдела археологии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН д.и.н. Э.А. Савельева, ученый секретарь Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН к.и.н. Е.А. Пивнева, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого д.и.н. Е.П. Мартынова. Программа симпозиума включала также работу двух секций. Участники научного форума приняли решение о периодическом проведении симпозиумов, приурочивая их к юбилеям видных исследователей народов и культур Евразии.

Е.Н. Рожкин

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи на русском и английском (с кратким, до 1 стр., резюме на русском) языках объемом, как правило, до 0,5 п.л. (до 20 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения объемом 0,1–0,2 п.л. (до 8 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география; методология историко-демографических и историко-географических исследований. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни, исторические источники. В разделе «Научное наследие» планируется публиковать не издававшиеся ранее труды ушедших из жизни ученых.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлегией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе *Microsoft Word*. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: *Ivanov.doc*. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – *Times New Roman*; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный.

Вставка символов – **Symbol**. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более 7 слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5.

Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)».

Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например: «Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.»

Название рисунка и комментарий располагаются под ним, курсивом, например: «Рис. 2. Источники роста населения Северного края.»

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. Автоматические сноски не допускаются!

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Примечания, пояснения к тексту, касающиеся использованных терминов, имен, географических названий и т.п. даются в постраничных сносках под «звездочкой» (*).

8. Если есть сокращения, прилагают список с расшифровкой, например:

МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

9. В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью, город (населенный пункт), ученая степень, должность, место работы (без сокращений), служебный адрес, адрес электронной почты, например: Иванов Иван Иванович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнографии Сыктывкарского государственного университета, 167982, г. Сыктывкар, Ленинский проспект, 222, ivanov@mail.ru; Петров Петр Петрович (Новосибирск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора демографии Института истории Сибирского отделения РАН, 000000, г. Новосибирск, ул. Академическая, 333, ppp21@bk.ru.

Образец оформления:

УДК

И.И.Иванов

Демография

Проблемы демографии.....

Ключевые слова: демография, численность населения, миграции...

I.I.Ivanov

Demography

Problems...

Key words: demography, ...

Аааааааааа бббббббббббббббб вввввввввввв гггггггггггггггг [1]. Дддддддддд ееееееее жжжжжжжжжжжжжжжж [2].

Источники и литература

1. *Иванов И.И., Петрова И.Н.* Демографическая политика // Социологические исследования. 2006. № 2. С.15–16.

2. *Сидоров В.В.* Демография. М.: Дело, 2006. С.75. (или: 557 с.).

3. О милиции: федеральный закон от 15.12.2005 № 152-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005. Ст. 575.

4. *Волков П.* О войне // Красное знамя, 1990. 16 авг.

5. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

6. *Фенухин В.И.* Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. С. 14.

7. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета (далее – ПМДЭЭ РГУ). Информатор И.Р. Пшеничникова, 1926 г.р., записана в станице Елизаветинской Азовского района Ростовской области в июле 2003 г.

8. *Кремлева С.О.* Сетевые сообщества. URL: [http:// www.library.by/portalus/modules/psychology](http://www.library.by/portalus/modules/psychology) (дата обращения: 11.11.2005).

Редколлегия оставляет за собой право отклонять материалы, не соответствующие указанной тематике или предъявляемым требованиям к оформлению.

ISSN 2304-5922

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Технический редактор Н.К. Забоева

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 ¹/₈. Подписано в печать 25.11.2015.

Уч.-изд. л. 9,0. Усл. печ. л. 11,0. Тираж 300 экз. Заказ № 75.

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

